ГРИГОРИЙ ТИХОНОВИЧ КАЗЬМИН : МОИ АКАДЕМИИ

Монография

ISBN

9 785727 119334

Издательство
Челябинского государственного университета

Челябинск - 2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБНУ «Дальневосточный НИИСХ — обособленное подразделение
Хабаровский ФИЦ ДВО РАН»

ГРИГОРИЙ ТИХОНОВИЧ КАЗЬМИН: МОИ АКАДЕМИИ

Монография

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2024

УДК 634
ББК П2
К148

Рецензенты:
А. Г. Клыков, доктор биологических наук, академик РАН;
Л. В. Уфимцева, кандидат биологических наук;
П. М. Лопухов, кандидат сельскохозяйственных наук;
А. А. Васильев, доктор сельскохозяйственных наук

Григорий Тихонович Казьмин: мои академии : монография / сост. Т. А. Асеева, Н. В. Глаз ; отв. ред. Т. А. Асеева. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. 143 с., с ил., 8 цв. л.
ISBN 978-5-7271-1973-0

Издание предназначено для широкого круга читателей в качестве помологического, исторического и биографического материала о становлении советской и российской науки через восприятие непосредственного участника событий Григория Тихоновича Казьмина, который развивался, рос в научном плане вместе с происходящими преобразованиями. Жизнь населения на Дальнем Востоке России описываются как в аспекте перемен, явившихся следствием глобальных процессов, охвативших страну, так и деятельной роли в этом процессе ярких научных личностей и руководителей АПК, беззаветно трудившихся на благо Родины в описываемое время. Повествование от первого лица позволяет глубоко погрузиться в картину событий, вжиться и прочувствовать эпоху «академий» великого ученого. Доступным языком раскрывается значимость вклада сельскохозяйственной науки в формирование продовольственной независимости России.

При создании книги использовались архивные материалы академика Г. Т. Казьмина, Дальневосточного НИИСХ, а также соратников Г. Т. Казьмина и жителей Дальнего Востока, бережно хранящих память о Григории Тихоновиче.

УДК 634(092)
ББК П2д

ISBN 978-5-7271-1973-0

© ФГБНУ «Дальневосточный НИИСХ — обособленное подразделение Хабаровский ФИЦ ДВО РАН», 2024
© Асеева Т. А., Глаз Н. В., Ключникова Н. Ф., Михайличенко О. А., Федорова Т. Н., 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Т. А. Асеевой 4

Предисловие составителей **7**

Глава 1. Детство и школьные годы в период становления советской власти 8

Глава 2. Обучение в сельскохозяйственном техникуме имени И. В. Мичурина 19

Глава 3. Первые шаги производственной деятельности на Дальнем Востоке 36

Глава 4. История развития Дальневосточного НИИ сельского хозяйства 53

Глава 5. Трудные годы войны 63

Глава 6. Начало важного пути 74

Глава 7. От института до аспирантуры 85

Глава 8. Назначение на всю жизнь 100

Глава 9. Защита докторской и воспитание научных кадров . . . 114

Глава 10. Новые времена 124

Библиографический список 142

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Т. А. АСЕЕВОЙ

Уважаемые читатели!

Перед вами воспоминания Григория Тихоновича Казьмина, человека, с именем которого связана целая эпоха становления сельскохозяйственной науки на Дальнем Востоке, он был непосредственным ее свидетелем и участником. Глазами Григория Тихоновича вы увидите историю развития нашего родного края. Кто он, академик Г. Т. Казьмин? Читая страницу за страницей эту книгу, вы пройдете рядом с ним по жизненному пути и преклонитесь перед его целеустремленностью и преданностью науке.

По решению Совнаркома СССР 16 февраля 1934 г. в Хабаровске был основан Дальневосточный научно-исследовательский институт земледелия и животноводства, исследовательская деятельность которого полномасштабно была

развернута в 1935 г. Два года спустя, в 1937 г., Григорий Тихонович был принят на работу в институт техником. С этого времени, до самого последнего дня, он оставался верен институту, долгие годы был его директором.

С именем Григория Тихоновича связано развитие селекции плодовых культур на Дальнем Востоке. Трудно представить, что за столь незначительный в историческом масштабе промежуток времени, им лично и под его руководством, создано такое многообразие дальневосточных сортов абрикоса, сливы, вишни, которые радуют до сих пор своим превосходным вкусом дальневосточников. Его наблюдательность и аналитическое мышление способствовали расширению горизонтов научной деятельности. С его именем связана разработка гребне-грядовой технологии возделывания сои, создание устойчивых к переувлажнению сортов этой культуры, внедрение мелиоративных приемов не только на полях института, но и в Хабаровском крае. За достигнутые под руководством Г. Т. Казьмина научные результаты Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 26 января 1971 г.) институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Рационально подходя к организации своего труда, Г. Т. Казьмин многое успел: он был членом редколлегии трех научных журналов, председателем межведомственного совета по интенсификации сельского хозяйства, членом президиума СО ВАСХНИЛ, председателем Дальневосточного отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, вел большую общественную работу на посту председателя Хабаровского краевого комитета защиты мира.

Труд ученого-дальневосточника был высоко оценен. Григорий Тихонович был награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», несколькими медалями, почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, а также золотой, двумя серебряными и тремя бронзовыми медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и Выставки достижений народного хозяйства, знаком «Лучший изобретатель Министерства сельского хозяйства СССР». За заслуги в развитии сельскохозяйственной науки и подготовке научных кадров Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил Г. Т. Казьмину почетное звание «Заслуженный

деятель науки РСФСР». Президиум ВАСХНИЛ положительно оценил директорскую деятельность Г. Т. Казьмина и его выдающиеся научные достижения, сделав его почетным директором института пожизненно. За его личный вклад в обеспечение горожан свежей плодовой и овощной продукцией, а также его активную гражданскую позицию Григорий Тихонович был удостоен высокого звания «Почетный гражданин города Хабаровска».

Г. Т. Казьмин умер 29 сентября 2001 г. Незадолго до смерти он написал губернатору Хабаровского края В. И. Ишаеву аналитическую записку, где просил главу региона обратить пристальное внимание не только на садоводство, но и на всю местную сельскохозяйственную науку. Он знал лучше других, что без новых сортов сои, зерновых, зернобобовых и кормовых культур, картофеля, овощей, плодовых и ягодных культур дальневосточникам будет тяжело отстаивать продовольственную независимость от соседнего Китая.

Дело ученого продолжают ученики, аспиранты, кандидаты и доктора наук, практики-энтузиасты дачного движения. Мне посчастливилось начать свою трудовую и научную деятельность после окончания Дальневосточного государственного университета в Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства в то время, когда им руководил академик Григорий Тихонович Казьмин. И только став директором института в 2012 г., я оценила ту меру ответственности, которая лежала на плечах Г. Т. Казьмина и которую он с достоинством выдержал.

Директор Дальневосточного НИИ
сельского хозяйства,
доктор с.-х. наук,
член-корреспондент РАН
Т. А. Асеева

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Григорий Тихонович Казьмин (1916–2001) — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, выдающийся селекционер, получивший широкое научное признание [15], академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РСФСР, почётный гражданин г. Хабаровска (1995). Г. Т. Казьмин — автор более 60 сортов сливы, многочисленных сортов вишни, получил мировую известность за работу по «осеверению» абрикоса [24; 5].

Детство и отрочество Г. Т. Казьмина пришлись на годы становления советского государства. Шла сплошная коллективизация. В очерках Григорий Тихонович очень тепло вспоминает о тех временах, когда он рос и, взрослея, тянулся к учебе. Не так просто было простому деревенскому мальчишке освоить грамоту и дорасти до вершины своей академической науки на Дальнем Востоке в Хабаровске…

Посвятив себя служению Дальнему Востоку России, говорил о нем нежно и трепетно: «Цветущий и плодоносящий на дальневосточной земле абрикос — показатель богатства не всегда ласковой, но очень щедрой природы».

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1928 г. я закончил четыре класса, закончил очень успешно и учиться дальше страшно хотелось. Прочитал некоторые книги М. Горького, очень им увлекался, читал А. П. Чехова, В. Г. Короленко, стихотворения А. С. Пушкина и С. А. Есенина. В то время Есенина почему-то запрещали печатать, вернее, не было его книг. Ребята постарше, как раньше говорили, женихи, увлекались стихами Есенина. У меня был почерк красивый. Ребята, которые ухаживали за девушками, заставляли меня переписывать в свои альбомы некоторые стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина.

К этому времени в общественном развитии страны наметились крупные изменения. В частности, уже начали писать и говорить о коллективизации, о коммунизации в стране. То, что происходило в нашем сельском совете, в деревнях наших Борисоглебского уезда Терновского района, по-моему есть смысл рассказать еще потому, что в какой-то мере по возрасту был не большой, но уже считался грамотным человеком. И в какой-то степени принимал участие в общественной жизни. Каких-либо особых зданий, где происходили собрания крестьян и шла агитация за коллективные формы хозяйства, не было.

Обычно собирались у кого-то в избе. Агитатор с района или с сельского совета рассказывал про эти формы организации. Однажды у соседей мы с дружком Санькой Барановым забрались на печь и слушали все рассказы. Но пока крестьяне неохотно шли на организацию. Поэтому когда стали голосовать, «за» подали голосов меньше, чем «против» коммуны. Мы тоже руки подняли из-за других рук, и кто-то донес, что здесь подставные лица против коммуны. На следующий день пришел к нам районный милиционер и начал допрашивать, кто это нас научил, кто подкупил. Мы, конечно, отказывались и говорили, что голосовали, как все.

События в селах, действительно, разворачивались быстро и очень круто, особенно в 1929 г. Сначала организуются ТОЗы, что «в переводе» означает товарищество по совместной обработке земли. Затем эти ТОЗы превращаются в коммуны. И из четырех близлежащих сел у нас образуется одна коммуна. Называлась она «Мысль Ильича», а до этого четыре ТОЗа тоже назывались «Мысль Ильича». Тут началось раскулачивание в наших деревнях и селах. В нашей деревне раскулаченных не было. В четырех соседних деревнях было раскулачено две или три семьи, которые чем-то когда-то торговали, и у них избы были крыты железом. А вообще у нас и жилища, и хозяйственные постройки крылись соломой. В 1929 г. без всякой подготовки начали сгонять скот на общий двор. Без соответствующей кормовой базы начали сводить коров, лошадей, овец. Началась массовая резня скота, этот процесс хорошо описан у М. А. Шолохова в романе «Поднятая целина». Примерно так происходило и у нас. В нашем хозяйстве была лошадь, звали ее Серка. Брат женился, но еще жил вместе с нами, и у него была вторая лошадь — сын Серки. Обеих забрали на общие конюшни.

Помню курьезный случай, каждой лошади определили кличку и место. Лошадям, например, давали такую кличку: если это мужского пола, то называли Ворошилов, Буденный, женского пола — давали имена революционерок. Так нашей Серке дали кличку Надежда Крупская. Помню, родной дядя Ваня принес дощечки, черную краску, кисточку и говорит: «Ты, Гриша, теперь у нас грамотей. Пиши Серка — Надежда Крупская, другой — Ворошилов». Таким образом, были повешены клички, и конюшня нашей коммуны стала революционной. Правда, вскоре появилось специальное

постановление совнаркома, в котором запрещалось называть животных именами революционных деятелей.

Коммуна эта продолжалась недолго: много скота пало, много вырезали. Было ясно, что существовать она не может. Посевная, тридцатый год на носу, а семян нет, орудий обработки, посевных агрегатов нет. Скоро коммуна эта распалась. Всё, что осталось от общественного хозяйства, снова развели по крестьянским домам, и в каждой деревне образовался свой колхоз (сельскохозяйственная артель). Из одной коммуны образовалось четыре колхоза, и каждый из них не хотел уступать очень понравившееся название «Мысль Ильича». Поэтому стали именовать «Мысль Ильича 1» наш Орловский колхоз, а остальные «Мысль Ильича 2, 3, 4». Но все-таки нашлась умная голова, которая усомнилась, а сколько же мыслей Ильича в колхозном, кооперативном движении. Каждому из новых колхозов дали разные названия. Конечно, распаду коммун сильно способствовала статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». В нашей семье получился разлад, отец не пошел после распада коммуны в новый колхоз, образовавшийся на базе этой коммуны. У нас была очень религиозная бабушка Ефросинья, она советскую власть не признавала, считала, что это антихристова власть. И отец был очень религиозный, тем более мать.

Ну а как же с учебой? Учиться до страсти хотелось. Недалеко от станции Есипово располагалось имение какого-то помещика средней руки. Стоял дом городского типа, и на базе этого дома была организована ШКМ — школа крестьянской молодежи. После четырех классов наше естественное продолжение — учиться в этой школе крестьянской молодежи. Я и часть других ребят пошли записываться в ШКМ. Оказалось, что вся школа до предела заполнена учащимися детских домов. В те времена много было детских домов, беспризорников. И в первую очередь учили беспризорных ребят различных возрастов, в записи на обучение нам наотрез отказали. Сколько мы ни ходили, ни упрашивали, говорили одно: «нет мест, и не ожидайте». А учиться очень хотелось.

На наше счастье в сорока километрах от деревни в селе Олешки появился учитель, который организовал рабфак на дому с какой-то платой для крестьянских детей. В ноябре 1928 г. мой отец Тихон Иванович и соседние крестьяне со своими детьми поехали к этому

учителю, договорились, и в ноябре 1928 г. по санному пути, нагрузив сани продуктами, повезли нас учиться в рабфак на дому.

Что такое рабфак на дому? Учитель, скорей всего участник гражданской войны, он был с одной рукой, студент Воронежского педагогического института (тогда был такой институт). Решив заработать или стать просветителем, так или иначе, он собрал группу в тридцать человек. Плату он не брал или брал самую ничтожную, потому что я не помню, чтобы отец платил какие-то деньги. Нас снабжали собственной провизией. Жили мы у отдельных крестьян. Отец арендовал мне место для жилья на полатях у одного знакомого крестьянина, у которого было еще четверо детей, которые тоже спали на этих полатях. И тут же я столовался. А учились в церковной сторожке. Село большое, большая церковь, здание каменное, сторожка для церковных служб. Учителем он оказался прекрасным. Представьте себе, один все предметы преподавал: русский язык, литературу, химию, физику, историю и другие. Где-то раздобыл нам большое количество художественной литературы, тогда в моде был М. Горький, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Мы буквально зачитывались. Учитель раздобыл и Есенина где-то. Вот тут и мой почерк пригодился для записей ребятам романсов в их дневники. Учились очень прилежно, я бы сказал, какая-то самодеятельность в учебе была. Учились без особого принуждения, конечно, были случаи нарушений, но серьезных я не помню. Проучились мы до марта 1929 г. По истории, помню, дошли до письма казаков турецкому султану со всеми его откровениями. Я его и сейчас наизусть помню. Всем известное художественное полотно И. Е. Репина и само это письмо запорожских крестьян турецкому султану.

Весной в середине марта уже появились оттепели, побежали ручьи, солнышко начало прогревать основательно. И тут вдруг в класс забегает деревенский мальчишка и кричит: «Вы тут сидите, а вокруг класса бегает бешеная собака!» Это сразу взбудоражило всех. К нашему удивлению, наш учитель вскакивает (по-моему, у него правой руки не было), выхватывает пистолет, выбегает и начинает стрелять в собаку. С четвертого выстрела он ее убил. Бешеная она была или не бешеная, может быть, это была жертва панически кричащего парнишки… Мы сильно возбужденные, он

нас собрал в класс и говорит: «Ну вот, что ребята. Всё, что я знал, я передал вам. И поэтому больше учить не могу. И поэтому наш рабфак на дому закрывается».

Грустно, конечно, было расставаться с учителем и с учебой. И главное — необыкновенно интересно было учиться. Нас поражало знание этого человека. Я имею в виду в ту пору, что человек может знать многое. Один может воплотить в себя целый университет. Для нас, деревенских детей, было это удивительно. Очень тепло распрощались мы со своим учителем и со своими пожитками из Олешков, где мы находились, по своим деревням пошли пешком. А мне надо было идти сорок верст. Дошел более-менее благополучно, уже началась распутица. Дома погоревали, что рабфак закончил свое существование. Надо было думать, где продолжать учиться. Решили снова идти в ШКМ.

Буквально через день, немного отдохнув, со своим дружком Санькой Барановым пришли в ШКМ. Снова просимся на учебу. Директор школы по фамилии Гончаров, молодой человек, говорит нам: «Ну куда я вас посажу? Мне не разрешают принимать посторонних». Мы снова упрашивать, в этот день ничего не добились. Пришли на второй день. Пошел проливной дождь, мы спрятались в сенях школы, в коридоре.

Занятия шли, мы отсидели. В перерыве учительница снова к нам: «Куда я вас, ребята? Нет мест. Кто вы такие? Где учились?» Мы рассказали, что учились в селе Олешки у одного студента, рабфак на дому. Она, оказывается, слышала про этот рабфак и что-то знала. Говорит: «Давайте я устрою вам экзамен. Проверю, чему вас учили и чему научили». Посадила нас после занятий и начала задавать разные вопросы, устроила диктант. Я старался красиво написать, вижу, что почерк ей понравился. Учительница говорит: «Ладно, скоро муж должен прийти сюда, мы с ним посоветуемся». Пришел муж. «У нас новые ученики», — говорит учительница. «Куда же ты их посадишь?» А она отвечает: «У меня на “камчатке” есть небольшое пространство: немножко потесним парты и посадим их». К нашему удивлению она наши знания оценила за первый курс. Приняли нас уже на второй курс ШКМ. Конечно, это нас вдохновило и очень обрадовало. И дома были очень рады, хвалили нас: «Молодцы! Добились своего». С тех пор мы стали посещать ШКМ.

Надо сказать, ШКМ, или школы крестьянской молодежи, впоследствии стали именовать школы колхозной молодежи.

В те годы были своеобразные училища, которые готовили первых специалистов для образующихся коммун, коллективных хозяйств, колхозов, которые в это время формировались. Основное внимание помимо общих дисциплин, физики, химии и математики, обращали на изучение агрономии, механизации, зоотехнии. Были и преподаватели по этим дисциплинам. Другая особенность этой школы — новые методы обучения. В то время пропагандировался так называемый метод тестов. Сущность его состояла в том, что группу разбивали, например тридцать человек на три бригады, избирали руководителя бригады и совместно изучали заданный урок. Ответственность нес бригадир. Конечно, при ответах на заданный урок участвовали все, учительница всех спрашивала, но основная ответственность лежала на бригадире. Другая особенность: отметки были совершенно другие, чем в нормальной школе. Высший балл был не «пятерка», ставили, наоборот, «единицу», «четверке» соответствовала «двойка», то есть всё наоборот. Начали

мы учиться. Я попал в одну из таких групп. В основном это бывшие беспризорники, ребята вольные, малодисциплинированные. Мне представляется, что они и поворовывали, потому что и в соседних дворах были жалобы. Ездили в поездах, там стаскивали чемоданы. Одеты они были намного приличнее нас и немножко постарше были по возрасту, да и физически покрепче. Как мне представлялось, особой тяги к науке у них не было.

На одном из уроков, когда проходил опрос усвоенного материала, достался и мне вопрос. Я довольно прилично и хорошо изучил вопрос и ответил четко, достаточно хорошо, как посчитала учительница. Она похвалила меня: «Вот молодец! Очень хорошо. Вот будет хороший бригадир для вашей группы». Немного поругала бывшего бригадира. Так я стал бригадиром. Я сам старался как можно лучше и внушить своим подопечным ответы на заданный урок. Дела у нас пошли неплохо. Наша бригада стала отличаться хорошими ответами и отметками соответственно. У нас появились и «колы», и «двойки».

Проучился я в ШКМ до изучения агрономических предметов. Оно сочеталось с практикой в соседней коммуне. Нам приходилось очень много работать по уходу за различными растениями, особенно по прополке и прореживанию сахарной свеклы, по прополке подсолнечника и удалению с плантаций подсолнечника растения-паразита — заразихи. Участвовали и в других работах. Нам нравилось ходить в эту коммуну, тем более там была хорошая столовая, давали обеды, иногда и ужины куда более сытные, чем мы получали дома у родителей. Практически все дисциплины нам преподавались, даже, помню, велось пение. Пришел к нам из соседней церкви дьячок со скрипкой и начал изучать с нами музыку и пение. Не знаю, как он сам играл на скрипке, но я впервые в жизни услышал скрипичную музыку, и она меня крайне удивила. Буквально схватила за душу своей музыкальностью и душевностью. Одновременно исполняли хоровые песни, в том числе и церковные. Что касается агрономических дисциплин, преподаватели, помню, не особенно владели сельскохозяйственными предметами. А беспризорники — народ озорной. Помню, перед окнами пасутся коровы, беспризорник хитро задает вопрос: «Скажи, Иван Павлович, а какой породы эта корова, которая перед окнами?» Он говорит:

«Холмогорская». А корова зашла в это время с другой стороны. Беспризорник, хитро улыбаясь, задает вопрос относительно этой коровы: «А это какой породы корова?» «А это симментальской породы». Раздается хохот, различные замечания. То же самое и по другим видам животных, по растениям. В конечном итоге, выпускникам ШКМ выдавали документы специалиста первого класса по агрономии и зоотехнии и право семилетки для поступления в средние учебные заведения. Передо мною стоял вопрос: куда идти дальше учиться? Старшая сестра Александра в это время переехала в Москву, и уже там работала на фабрике. Она мне говорит: «Поступай куда-нибудь в Москве, и я буду тебе помогать». В газете прочитал объявление о приеме в Московский техникум связи и решил туда поступать.

Меня завораживала специальность телеграфиста. На нашей железнодорожной станции Есипово сидит ночью человек в специальной форме, отстукивает какие-то знаки на аппарате и руководит движением поездов на линии. Думаю, буду и я телеграфистом. Но, оказывается, крестьянским детям такая специальность была недоступна. На поданные мною документы получил ответ, что крестьян в этот техникум не принимают, а принимают в основном москвичей и из окрестных городков им и предоставляют общежитие.

Пришлось думать, а куда же все-таки подавать документы, чтобы продолжать учиться. В это время о И. В. Мичурине было кое-что известно, писали в газетах, шла молва в народе, что где-то в городе Козлове, в 150 км от нашей станции, живет и работает, как его называли в народе, «чудодей»-Мичурин, который разводит невероятные сорта и породы плодово-ягодных растений, причем прививает яблоню на иву, грушу и т. д. В это время особенно нашумел короткометражный фильм о плодово-ягодных культурах. Там говорилось и об абрикосе, о винограде, что в Козлове произрастают такие южные культуры, как абрикос, виноград, и что И. В. Мичурин занимается также выведением зимостойких персиков. Но как узнать, что в этот техникум идет прием? Пошел в сельский совет. Тогда выписывали некоторые газеты, и в «Воронежской газете» или, кажется, в газете «Беднота» (издавалась такая газета для крестьян) было объявление, что в городе Козлове объявлен очередной набор

в техникум им. Мичурина. Набор по тем временам огромный, около 600–700 человек студентов на несколько отделений. Видимо, вызвано это было тем, что в 1932 г. уже завершалась коллективизация сельского хозяйства и для крупных колхозных хозяйств требовались различные специалисты, в том числе агротехники-садово-

ды, агросадолесомелиораторы, специалисты по технологической переработке плодово-ягодной и овощной продукции, по механизации садоводства и другие. Этим обусловливался очень большой набор абитуриентов.

Конечно, время было очень тяжелое. Был голод в самом прямом смысле этого слова. И вот я собираю необходимые документы и подаю их в мичуринский техникум. Оттуда вскоре пришел ответ, что я зачислен и нужно приехать на экзамен, который состоится пятого сентября. Я был несказанно рад. Рад был и мой отец Тихон Иванович, он очень хотел, чтоб я продолжал учиться. И вот в первых числах сентября собирают мне пожитки. Отец сколотил мне чемодан для пожитков. Мы с ним пешочком из деревни по тракту направились на районную станцию Терновка, где в то время

находился (он и сейчас там находится) районный центр. У отца наверно там был кто-то из знакомых, из служащих железнодорожной станции. В то время купить билет было очень сложно. Единственная ветка Москва — Сталинград была забита пассажирами. Отец достал все-таки билет, выпил с этим железнодорожником чекушку водки. Подошел поезд, и меня с большим трудом затолкали в общий вагон. Дальше по мере езды нашлось место, где можно было приютиться до города Козлова.

Доехал я благополучно. Эта была моя первая железнодорожная поездка в большой город. Надо сказать, что моя деревня и город Козлов находились в соседних областях. Город Козлов — Тамбовская область, а моя деревня — Воронежская область. Граница между двумя этими областями проходит на расстоянии десяти километров. Приехали мы в сумерки. Оказывается, станция Козлов имела несколько путей. Эта узловая станция, через нее проходят поезда на Сталинград, Воронеж, Ростов, Алма-Ату и другие крупнейшие города Советского Союза. Остановились на третьем пути. Где станция? Много стоит составов. Наконец, увидел станцию и пошел в сторону перрона, дошел до перрона, а он оказался выше меня высотой, я на него запрыгнуть не смог. Но так как поезд остановился на третьем пути, то на первом пути уже светились огни паровоза. Я мечусь, пытаюсь запрыгнуть, но мне не удается. И вот какой-то сердобольный гражданин подал мне руку, взял мой чемоданчик и выхватил меня буквально из-под паровоза на этот высокий перрон мичуринский. Впоследствии я узнал, что он не такой уж высокий и что на нем есть места в виде ступенек, по которым можно свободно взойти на этот высокий перрон. Переночевали частично с вечера на вокзале, а к утру народу на вокзале вповалку, к моменту уборки начали будить пассажиров и выгонять. При вокзале небольшой садик с лавочками, народ уже досыпал в этом привокзальном садике до утра.

ГЛАВА 2

ОБУЧЕНИЕ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ТЕХНИКУМЕ ИМЕНИ И. В. МИЧУРИНА

А утром я отправился в техникум. Расстояния там сравнительно небольшие. Техникум находился на главной улице. Это было большое здание, бывшее юнкерское училище, такое же есть и у нас в г. Хабаровске на площади Ленина, где сейчас располагается третья клиническая больница. Утром пришел в техникум, объявился в канцелярии. Меня, как и других ребят, отвели в общежитие, какой-то купеческий домик недалеко от техникума. И приказали на следующий день приходить на экзамены. Всё шло успешно, как мне казалось. После сданного предмета мне говорили, что сдал, и ничего другого. Об остальном объявят, когда сдам все предметы. Так прошли все экзамены. Наконец, вывесили списки на дверях канцелярии. Я еще не понимал, что это списки зачисленных. Написаны фамилии и оценки дисциплин, которые сданы. Нашел свою фамилию и вижу, что напротив нее стоят пятерки, четверки. Я пришел в ужас, думая, что провалился, так как в ШКМ у нас были другие отметки. «Пятерка» была самая плохая оценка — «единица», а «четверка» — «двойка». А тут «пятерка» и «четверка», следует, я провалился. Ну, тут откровенно говоря, проявил слабость.

Расплакался, думаю, как возвращаться домой, пять рублей, которые мне дал отец при отъезде из Терновки, я уже почти проел. Стою, рыдаю и вдруг слышу сзади голос: стоит здоровый мужчина в кожаном пиджаке, кожаных брюках и в такой же фуражке. В такой одежде ходило начальство красноармейское в период гражданской войны.

Он спрашивает:

— Что же ты плачешь?

— Провалился, — отвечаю.

— Как твоя фамилия?

Я назвал свою.

Он рассмеялся:

— Дурачок, ты же отлично сдал!

— Как отлично, у нас в ШКМ были совсем другие оценки!.

Он говорит:

— В вашей ШКМ какой-то грамотей пытался ввести новые методы, советские отметки. Впоследствии назывался метод теста. Отлично, молодой человек, вот ты мне будешь помогать.

А в это время шел первый набор на первый курс Мичуринского учебного плодоовощного института им. Мичурина. Технически я приходил с ним, садился сзади, если мог, отвечал. У нас получился неплохой альянс, и он сдал экзамены.

Общежитие техникума и нового учебного института располагалось на главной улице — Советской. Это было очень большое, длинное здание с одной перегородкой. Передняя часть перегородки была для женщин, женское отделение, а наша занимала наибольшую часть здания и состояла из двухъярусных коек. Смотрю, у моего подопечного впереди небольшая комнатка. Зазывает он меня в эту комнатку. У него там какая-то мастерская, видимо, человек подрабатывает ремонтом различных бытовых машин. Прялки там у него стоят и всё прочее. Так подружились мы с ним. Он меня немного подкармливал, а потом однажды говорит в январе: «Гриша, завтра за мной приедет подвода, и мы с тобой на санях отправимся в село, где-то километров сорок от Мичуринска, проводить коллективизацию». Надо сказать, что в то время, как раз в средней полосе России, завершалась сплошная коллективизация. А в этом селе не всё благополучно, никак не могли охватить колхозом на сто процентов.

Утром рано пришла подвода, сани, погрузились мы и поехали. Прожили мы с ним там пять дней, я у него был в качестве секретаря, почерк у меня был хороший. Техника самой коллективизации была очень простой. Составлен список жителей этого крупного села. Напротив фамилии хозяина двора значилось количество едоков, имущество (сколько имеет животных, техники, например, плуги, бороны), в общем весь крестьянский скарб. Задача будущего колхозника сводилась к тому, чтобы расписаться. А до этого шла ожесточенная борьба на этих собраниях. Собиралось много людей, шли великие споры: вступать или не вступать. И в конечном итоге смогли мы убедить лишь сравнительно небольшое количество людей. Они оставались и подписывались, и уже становились членами колхоза. Но, в конце концов, перед нами стояла задача добиться сплошной коллективизации, и мы, прожив пять дней, кажется, добились этого успеха. Подали в район списки в конечном итоге на всех, в том числе на тех, кто не расписывался, другие расписались.

Так мы начали зимой учиться и продолжали жить совместно. Это был «тысячник», «двадцатипятитысячники» были партийные люди. Впоследствии неожиданно для меня мой покровитель куда-то исчез, и после этого я его не видел. Может, его повысили или перевели на другую более высокую должность, может еще, какая причина. А я продолжал учиться. Позднее нас из этой казармы-общежития расселили в более мелкие домишки человек по 10–15 в комнате. В Мичуринске было много таких небольших купеческих домов, причем обязательно с полуподвалами, в которых хранилась различная продукция, в частности картофель.

Тут в нашем общежитии произошел скандал, точнее, воровство картофеля. Как я говорил, время было страшно голодное, и ребята пошли на хитрость. Достали длинные палки и прибили к концу гвозди, затем через оконные рамы внизу полуподвального помещения проталкивали эти палки, накалывали клубни и таким образом подкармливались. Однажды комендант застал нас за этим занятием, вернее, в нашей комнате стояла печка-буржуйка и мы пекли в ней картофель. Скандал принял довольно большие размеры. Начали выявлять зачинщиков, виновников и даже организовывать легкие кавалерии из наиболее активных ребят-комсомольцев.

Посылали их по месту жительства студентов, особенно ставилась задача выявить, не являются ли они кулаками или подкулачниками. Таким образом, произошла чистка. Но до зимы все принятые студенты до начала классных занятий были посланы на посадку совхозных садов.

В это время в Мичуринске шло бурное развитие мичуринского дела. Еще раньше был организован учебный техникум, рабфак, затем учебный институт, затем Всесоюзный научно-исследовательский институт им. Мичурина. Затем плодоовощной комбинат по переработке продукции. И всё это объединялось в одной очень крупной организации. Конечно, в условиях такой страшной голодухи постепенно принятые студенты начали разбегаться по своим домам. Тех, кто жил в ближайших селах, районах, осталось очень мало. И в результате из 600 человек, набранных вначале, осталось к весне всего 100 человек. Закончило обучение, как хорошо помню, две группы, восемьдесят студентов.

Как складывалась моя судьба в техникуме? Она несколько отличалась от судьбы других ребят. Осенью, когда нас зачислили в техникум, сразу послали две группы рыть посадочные ямы для закладки сада в самом питомнике Мичурина. Там прирезали двадцать одну десятину земли, и площадь под питомником увеличилась. Надо сказать, дали выполнять самую трудоемкую и тяжелую работу, посильную для физически развитых ребят. Я же не отличался такой силой, был, можно сказать, самый маленький из студентов и, казалось, самый слабосильный. Посадочные ямы — это не то, что у нас в Хабаровске. Мы уже потом разрабатывали безямный способ посадки на поверхности гряды [1]. А там нужно обязательно выкопать яму глубиной 70 см и шириной 1 метр. Норма — двадцать ям. Это первое испытание садовода, я был привычен с самого раннего детства к труду. И мне удалось очень аккуратно выкопать эти 20 ям. Конечно, достались они мне не без труда, потратил все свои силы, которые имел, но всё равно выкопал аккуратные посадочные ямы. Руководитель принимал эти ямы, остановился и был доволен моей работой, подозвал ребят и сказал: «Учитесь, как надо работать!» Короче говоря, меня заметили и где-то там отметили, что этого мальца можно зачислять в штатные практиканты основного отделения самого И. В. Мичурина. Что и произошло на следующий год.

Я с 1933 г. и до окончания техникума значился штатным практикантом. Платили мне, вернее, доплачивали, 105 руб. Так я стал, можно сказать, штатным членом основного отделения. Прижился там, сдружился с руководителем Хасаном Каримович Еникеевым[1]. Очень строгий, один из учеников И. В. Мичурина, он жил у него в отделении и тоже учился и работал в институте. Вместе с ним мы выполняли соответствующие задания Мичурина по косточковым плодовым породам. На Хасане Каримовиче были обязанности вести селекцию сливы, вишни, абрикоса и других культур. Здесь я впервые познакомился и практически усвоил технику гибридизации. И познакомился с огромным количеством исходных форм, которые применялись при гибридизации. Особенно меня поразили исходные формы из дальневосточной тайги. Надо сказать, Мичурин еще задолго до Н. И. Вавилова, нашего великого ученого, знал про существование Уссурийской тайги. Знал о произрастании там ценных исходных растительных форм. И старался различными способами завести эти исходные формы в виде семян или в виде готовых саженцев, черенков и использовать их в гибридизации. Впоследствии Мичурин писал, что многим своим успехам он обязан применению отдаленной гибридизации восточно-азиатских видов Дальнего Востока с малозимостойкими европейскими сортами. Более того, есть основания утверждать, что теория отдаленной гибридизации была обоснована как раз в результате применения в скрещиваниях этих дальневосточных видов. И. В. Мичурин уже в 1933 г. послал большую комсомольскую экспедицию за исходным материалом. Эта экспедиция состояла из энтузиастов-селекционеров — того же Хасана Каримовича Еникеева, Шашкина, одного из сотрудников Мичурина, работавшего с актинидией, Тетерева из ВИРа, работавшего в Ленинграде, и др. Они привезли большое количество исходного материала, долго находились в дальневосточной тайге. Как-то привезли лиану актинидии Аргута, которой хватило, чтобы обвить по кругу потолок актового зала института.

[1] Советский ученый, селекционер-плодовод, специалист по селекции и сортоизучению косточковых культур. Доктор биологических наук, профессор, лауреат Сталинской премии. Вывел 12 сортов сливы, 13 — вишни и 4 — черешни, занимался исследованием облепихи. Организатор экспедиций по обследованию популяций вишни, черешни, сливы, облепихи и отбору лучших их видов.

Это, конечно, очень удивляло многих и заставляло расширять работы с использованием дальневосточных видов. Да и уже в самом питомнике Мичурина в это время произрастало много растений, завезенных с Дальнего Востока.

Нужно сказать, что Мичурин различными путями получал исходный материал: в первую очередь от дальневосточных зачинателей садоводства, таких, например, как Г. И. Худяков из-под Владивостока, И. А. Ефремов из Благовещенска, П. Г. Шуранов и А. М. Лукашов [4] из Хабаровска. Использовал также для этих целей охотников, военнослужащих. Более того, в 1924 г. впервые организуется при Южно-Уссурийском географическом обществе кабинет селекции плодовых культур, куда Мичурин посылает на работу своих лучших учеников — Н. Н. Тихонова и А. С. Плотёнкину, позднее ставших супругами. В организации этого кабинета участвует академик Н. И. Вавилов. В то время он был председателем всесоюзного географического округа, позднее организует под Владивостоком на станции Лянчиха Дальневосточную опытную станцию Всесоюзного института растениеводства, директором которого он был. На базе кабинета селекции в 1930 г. в поселке Дубовый Ключ, что в 22 км от Ворошилова (Уссурийск), была организована Суйфуно-Уссурийская плодово-ягодная опытная станция.

На каникулы в летний период мне ехать было некуда. В 1933 г. зимой у нас неожиданно умер отец, и на руках матери еще оставалось пятеро малолетних детей. И мне приходилось оказывать небольшую материальную поддержку семье.

В Германии победил фашизм, пришел к власти и, в сущности, открыто заявил о подготовке к войне, о мировом господстве, о превосходстве немецкой нации по своему генезису над другими нациями мира. Была объявлена открытая идеологическая борьба и открытая подготовка к войне. Это сказывалось и на нас, учащихся, существовали кружки, в частности Осоавиахим, где обучали обращению с оружием, в городских садах появились парашютные вышки— обучали парашютному спорту. На крупных форумах страны — съездах партии, съездах советов — открыто говорили, в частности наши вожди и военные, о том, что мы готовимся к войне и что наши силы велики, война будет происходить только на территории противника и закончится полной победой в самые короткие сроки.

Фактически, как сейчас пишут в послевоенной литературе, так оно и было. На одном из съездов К. Е. Ворошилов заявил, что по мощности один выстрел нашей пушки равен 30 немецким.

Открытая, очень активная шла идеологическая борьба в науке. Конечно, мне, в то время юнцу, не дано было понять глубину и суть этих разногласий. Но кое-что воспринималось, и я старался проникать на те форумы, которые проходили в Мичуринске. Они очень часто проходили в Мичуринске между сторонниками «формальной» генетики, менделистов, морганистов и мичуринцев. Надо сказать, что мичуринское дело в то время получило всенародное признание. Вышли два фильма. Один фильм немой под названием, кажется, «Юг в Тамбове», второй большой фильм «Мичурин», поставленный режиссером А. Довженко. Появилось много массовой литературы. Была сделана ставка на подготовку собственных коммунистических кадров, специалистов и, конечно, с соответствующей идеологической основой, если можно так выразиться. А мичуринское дело, можно сказать, победило во всей нашей стране, и не только нашей стране, но и за границей.

Мичуринские кружки, общества, само мичуринское дело пропагандировалось по всем странам. Я помню, вышла книжка английского генетика А. Мортона «Советская генетика». Большую роль сыграл ВИР — Всесоюзный институт растениеводства и, в частности, в лице академика Николая Ивановича Вавилова и его школы. Вавилов, конечно, понимал, как высокообразованный человек, сущность генетических положений и основные положения И. В. Мичурина и уделил большое внимание их развитию. Его многочисленные экспедиции во все страны мира, его обоснования положений в науке, генетические, в частности, происхождение растений, обоснование иммунитета, закон гомологических рядов — всё это реально обосновывало законы наследственности растений и основные принципы постановки селекционно-генетических и семеноводческих работ в стране. Николай Иванович Вавилов в то время был президентом ВАХНИЛ и одновременно директором ВИР, носившего его имя, и серии других институтов и опытных станций в различных зонах нашей страны.

Вавилов прекрасно понимал значение работ Мичурина, понимал их действенность, их простоту, доступные массе вновь

подготовленных специалистов и тем, которых готовили в это время, и всячески поддерживал. Именно ему принадлежит роль в издании трудов И. В. Мичурина, огромная книга больших размеров (в то время таких не издавали) и проведение ряда научных конференций. Одна из таких конференций, на которых подводились итоги 60-летней работы И. В. Мичурина, проходила в 1934 г., и, хотя меня и не приглашали на нее, но я все-таки проникал на эту конференцию и слушал многие доклады и мичуринцев, и генетиков.

В то время появился Трофим Денисович Лысенко с его теорией «яровизации» растений. Сам по себе прием это народный прием при посевной подготовке семян, но он, как известно, дает определенные результаты. Но уже при Т. Д. Лысенко был научно обоснован, экспериментально с соблюдением всех правил, методик проверен и был введен в качестве главного приема в агрономии. Сам по себе прием прост: намачивают семена, накрывают полотнищем, создают определенные тепловые условия. Зерно увлажненное, конечно, давало более быстрые всходы и отдачу в повышении урожая, но при том условии, если всё это делалось вовремя и по всем правилам. Для нарушения этого механизма достаточно было того, чтобы проростки образовались больших размеров и в высевающем аппарате сеялки перемешивались, обламывались, что давало обратный эффект, и поэтому этот прием постепенно стал терять свое значение, в меньших размерах применялся. Лысенко, конечно, основательно настаивал на его применении. На съезде колхозников-ударников он заявил, что мы предлагаем революционный метод повышения урожайности, а классовый враг сопротивляется, то есть придали этой борьбе уже классовый характер. Поэтому 1935 г. и следующие характеризовались массовыми репрессиями. Впоследствии даже мне, мальцу, не удалось избежать объяснений по этому поводу в НКВД.

На крупных форумах основной массе студенчества, пролетарского конечно, недостаточно глубоко знающего законы природы, в частности генетические закономерности, да и мичуринские были непонятны. Помню, когда выступали именитые ученые, то говорили очень много, говорили, может быть, глубокие генетические положения, но они нам были непонятны. Но когда выступал Т. Д. Лысенко, то становилось всё ясно, что наследственной

основой являются не какие-то гены, заложенные в природе растений и животных, а условия, которые формируют эти гены, наследственные гены. Он очень просто выражался, говорил хрипловатым голосом: «Мои гены — это пища, мои гены — это вода, это воздух, это условия жизни. Есть условия, есть наследственность». И что в применении условий жизни можно переделать наследственность растений, можно с применением условий повышать урожайность, продуктивность животных и так далее. Просто и ясно, не надо углубляться в недосягаемые глубины генетической науки.

Да и преподавательский состав, который обучал в высших учебных заведениях, в том же Мичуринском институте, был малочисленный. Николай Васильевич Турбин, преподавал генетику, из его лекций мы мало понимали, на практических занятиях он часто сердился: «Ну что вы не видите “хромозомы” и гены там в “хромозомах”». И нам приходилось возражать, что действительно не видишь этих генов. Он сердился.

Между старой профессуры (ее было очень немного) и новыми студентами-активистами, комсомольцами шла своего рода идеологическая борьба. Устраивались такие дискуссии: каким должен быть советский студент и каким должен быть советский профессор. В Мичуринском техникуме, как мне помнится, был один профессор органической химии, уже старенький. Преподавал, правда, он хорошо, но говорил очень тихим голосом и носил своеобразный головной убор в виде среднеазиатской тюбетейки. Комсомольский актив решил организовать дискуссию. Вызвали этого профессора, и начались выступления. Молодежь, как известно, обладает иногда излишком дурной энергии, начали всячески критиковать этого профессора, что он не уважает пролетарское студенчество и вместо того, чтобы читать лекции с открытой головой, носит какой-то странный головной убор. Один из таких активных (впоследствии доктором стал, не хочу называть его имя, он был в моих приятелях) до того разъярился, что подскочил к этому профессору, снял эту тюбетейку, бросил на пол и начал топтать. Профессор взмолился, чуть не плачет: «Господа, товарищи, это мне жена связала такой убор, у меня же совсем нет волос, а в аудитории холодно». А в аудиториях действительно холодно было, отапливали торфом, и того не хватало, отапливали сами студенты по очереди.

Так или иначе, за период моей учебы в техникуме мичуринские учреждения основательно укрепились и материально, и их влияние, оказываемое на организацию опытных станций в стране, особенно на Зауралье, Восточную и Западную Сибирь, Дальний Восток. Кстати, и организация Дальневосточного института земледелия и животноводства (впоследствии Дальневосточный Ордена Трудового Красного Знамени НИИСХ) в 1930-х гг. как раз была связана с этим движением. Появились многочисленные хаты-лаборатории в колхозах, опытники. Примером этого будет служить работа Терентия Семеновича Мальцева [21], а подобных ему было немало по нашей необъятной стране.

Очень интересные беседы были у Ивана Владимировича Мичурина с Николаем Ивановичем Вавиловым. Приведу один очень характерный пример значения отдаленной гибридизации не только плодовых растений, но и всех растений вообще. Мне довелось быть при встрече Мичурина с Николаем Васильевичем Цициным, который, как известно, скрестил гибрид с пшеницей и получил сорта пшенично-пырейных гибридов многолетних. В то время эти работы дошли и до центра, кажется, даже были сказаны И. В. Сталиным такие слова в адрес Н. В. Цицина: «…смелейте, экспериментируйте, мы вас поддержим». Помню, эти слова с такой надписью красной краской были повешены поперек аллеи.

И. В. Мичурин с Н. В. Цициным беседовали за чаем, а мы, практиканты, неподалеку занимались прополкой гряд с посевами гибридов плодовых культур. Надо сказать, что почвы мичуринские высокоплодородные, хотя они и наносные на берегу реки, но ближе к чернозему. И борьба с пыреем — это титанический труд, чем больше его выпалываешь, чем больше разрываешь корневище, тем больше он разрастается, истребить его практически невозможно. Но вот в беседе с Цициным Мичурин и говорит ему: «…вот, молодой человек, с чем надо скрещивать злаки хлебные, от скрещивания пшениц с пшеницей ты получишь пшеницу, а вот от скрещивания пшеницы с пыреем, этим злостным нашим сорняком, ты получишь культурное растение необыкновенной, может, мировой ценности». Работа та явилась «коронной» Н. В. Цицина, и он ей занимался всю жизнь, и она его вывела в люди: он стал академиком ВАСХНИЛ, академиком большой академии, Академии наук СССР,

занимал видное положение и в самой науке, и в руководстве наукой. В своей первой книге по отдаленной гибридизации пшениц Н. В. Цицин говорит о И. В. Мичурине, о его советах, но, как у нас водится, в последующих изданиях я уже этих слов не видел.

Очень интересная беседа Н. И. Вавилова и И. В. Мичурина состоялась уже в конце жизни Мичурина где-то осенью 1933 г. Дело в том, что в Америке появился новый сорт яблони под названием «Голден Делишес» («Золотое превосходное»). Особенность этой яблони состоит в том, что она обладает очень хорошей лежкостью. Лично мне вкусовые качества не особенно нравятся, излишне пресная, мало кислоты, но лежкость плодов с хозяйственной точки зрения, с точки зрения коммерческой, завидная. Как известно, чем дольше лежит яблоко и продается не в сезон массового созревания всех сортов, а в сезон, когда яблок мало и уже другие менее лежкие сорта отошли, уже такие сорта оцениваются по совершенно другим, высоким ценам. Происхождение этого сорта простое, у фермера в огороде, будем так называть его фермерский участок, от случайно упавшего семени или кем-то брошенного семени выросло дерево и стало давать такие плоды. В Америке крупнейшая плодопитомническая фирма «Питомники братьев Старк», которая занимается размножением сортов и выпуском саженцев для рынка, выкупила за 50 тыс. долларов этот сорт, и уже эта яблоня стала собственностью этой плодопитомнической фирмы. Уже никто не мог претендовать на эти черенки этого сорта для размножения.

Это у нас просто, мы раздаем направо и налево появившийся у нас сорт, а там это совершенно по-другому. Более того, дерево это оградили проволокой. Я видел журнал с описанием этого дерева. И оно стало уже достоянием этой фирмы. И. В. Мичурин сильно заинтересован был в таком сорте и, главное, в лежкости, создании лежких, коммерческих сортов. Много раз посылал запросы, ему присылали черенки, Мичурин прививал у себя, из привитых черенков вырастали ветки, плодоносили, а плоды были совершенно других качеств. Вот Мичурин и пожаловался, говорит Николаю Ивановичу: «Это же безобразие, Николай Иванович, я свои сорта, министр был их земледелия американский, я ему без каких-либо сопроводиловок совершенно бесплатно нарезал черенки, те, которые он хотел, а вот меня всё время обманывают». Николай

Иванович помолчал: «Знаешь, я тебе добуду эту яблоню. В феврале состоится конгресс генетиков в Соединенных Штатах, от нас из Советского Союза запланировано поехать одиннадцать селекционеров и генетиков. Наверняка они будут нас угощать, потому что это будет в феврале, зимой, этими яблоками. Я прикажу своим участникам, что бы они как можно больше ели этих яблок и собрали побольше семян». Так он и поступил.

Весной 1934 г. вдруг присылают, я был свидетель, необычную большую посылку, ящик, весь обклеенный различными наклейками, как это бывает в иностранных государствах. Распечатали, там оказалось до 20 кг плодов, большой мешочек семян, черенки и, как помню сейчас, журнал с описанием этой яблони. На фото вокруг яблони, мне показалось, сетка чуть ли не золотая, медная что ли, и за этой сеткой стоит сторож с лампасами на штанах, вроде как бывают у нас вышибалы в больших ресторанах в Москве. Быстро дали ход этим семенам, выбрали, застратифицировали. Нам пришлось и сеять эти семена и ухаживать потом за сеянцами, часть высеяли в тепличке, часть оставили для весеннего посева. Черенки использовали для весенней прививки, прививать в крону наших сортов среднерусских. Этот сорт официально уже давно завезли, и на юге нашей страны он широко разводится и реализуется. Как исходная форма это «Золотое превосходное» на юге широко используется, и есть гибриды с ним, а отдельные вариации лежат по полтора-два года, что означает колоссальные прибыли в зимний период при реализации плодов.

Проходила эта работа где-то в конце апреля — начале мая, а руководил практикой прививки старейший рабочий Ивана Владимировича, который работал еще с дореволюционного периода, искусный прививальщик — Назаров Иван Андреевич. Ну и вот, нас человек пять, практикантов с соответствующими принадлежностями, такими ящичками, ножами, точильными брусками, с черенками, обернутыми в несколько слоев масляной бумаги, чтобы они не засыхали. Мы прививали в крону наших деревьев, босиком, а мичуринские черноземы такие, что, если пройдет дождь, налипает на ногах, ногу не вытащишь. Но случилось так, что пошел дождь, дождь, правда, сравнительно небольшой, мы слезли с деревьев, лестниц и побежали в ближайшую сторожку, чтобы спа-

стись от дождя и, как на грех, лицом к лицу столкнулись с Иваном Владимировичем, он в это время проводил обход своих питомцев.

— Ну а это что тут у нас за босяки появились в саду?

— Да это практиканты, Иван Владимирович.

— Я вижу, что практиканты, а что они уходят с работы?

Мы окружили его:

— Иван Владимирович, так же дождик идет. А нас преподаватель в техникуме учил, что если попадет капелька воды в разрез, то срастания не будет.

Он рассмеялся:

— Какой же вас дурак учил?

— Нас учил аж сам директор научно-исследовательского института Иван Васильевич Белохонов (он вел в техникуме курс питомниководства).

— Ну, а что среди директоров нет дураков что ли? Давайте возвращайтесь работать и запомните, что вот такая погода — самая наилучшая для высокой приживаемости при прививках.

Уже в своей последующей практике я всю жизнь руководствовался этим принципом, тем более, что в период окулировки в Хабаровске часто совпадает даже с муссонными дождями, и если будешь дожидаться бездождной погоды, то вообще ничего не сделаешь. Правда, человеку много неудобств, грязновато, по ряду идешь, вставляешь почки, а на втором конце ряда выходишь весь измазанный грязью. Но страха нет, грязь всегда можно обмыть.

Конечно, были и другие встречи с Иваном Владимировичем. Иван Владимирович любил малину, и не красные сорта (ягоды, окрашенные в красный цвет), а белую малину. Вот однажды вечером Марья Ивановна, его дочь, дает мне корзиночку: «Вот, сходи, Гриша, на плантацию нарви плодов малины и принеси». Ну я пошел, нарвал корзиночку малины, принес. Смотрю, двери закрыты изнутри, постучал, никто не откликнулся. Я решил эту малину занести в фотолабораторию, там небольшая комнатушка была, в которой нас, кстати говоря, обучали фотографии. Но эта малина оказалась настолько нежная, что когда утром на следующий день я пришел и за своей корзиночкой, малина заплесневела. Не так уж сильно и заплесневела, но когда я понес ее, Марья Ивановна посмотрела: «Что ж ты, вчера-то не принес, Иван Владимирович так

ждал». Я говорю, что постеснялся сильнее стучать, закрыто было. И тут Иван Владимирович, как на грех, вышел: «Ну вот, постеснялся он, а не постеснялся, что у него целая корзинка малины пропала, в следующий раз будь умнее». Были, конечно, другие случаи, но в последние годы жизни он уже мало кого принимал, чаще всего прогуливался вместе со своими собачками.

А мы, обучаясь фотографии, сумели сделать редкий фотографический снимок. Он затем печатался во многих книжках. Мы в наше бедное студенчество смогли обзавестись камерой лишь с одним стеклом для негатива. Есть такой аппарат-ящик, вставляется стек-

И. В. Мичурин на прогулке

Дом-музей И. В. Мичурина

ло, щелкнул, и всё, дальше вставлять уже нельзя, такое устройство. Мы решили все-таки подкараулить Мичурина и сделать свой снимок. Зная обычное время его прогулок, мы вдоль оградки очертили место, которое он занимает вместе со своими собачками, навели на резкость, и вот в один из таких дней, часов в одиннадцать в ясное утро, когда Иван Владимирович встал в очеркнутое нами пространство, щелкнули. Пошли проявлять, появился на редкость удачный негатив, наш учитель Толмачев Иван Андреевич так обрадовался, конечно, моментально мы проявили. А этот снимок попал во многие издания. Там изображен кусочек ограды новой из штакетника, Иван Владимирович в шляпе, впереди его собачки, он с палочкой идет, и от него большая тень. Художественный получился снимок.

Впоследствии в питомнике были большие художники, которые рисовали портрет Мичурина. В частности, знаменитый мичуринский художник А. М. Герасимов, председатель Союза художников СССР. Его знаменитая картина — Ворошилов и Сталин на кремлевской стене в ветреную погоду. Эта картина его прославила и на весь Советский Союз, и на весь мир. И в частности, запомнилась картина, тоже крупного художника В. А. Оболенского, самого И. В. Мичурина на фоне цветущей яблони. Были, конечно, и другие картины.

Помню, А. М. Герасимов послал меня: «Ты, говорит, сходи к личному секретарю Мичурина, пусть он подает завтрак». Ну я пошел, говорю Андрею Николаевичу Бахареву, что Герасимов требует. «Слушай, да вот везде ищем белый хлеб, а его нет нигде, неудобно такому великому художнику подавать черный ржаной хлеб. Ну ладно вот, неси, возьми, да скажи, что Андрей Николаевич просил извиниться, что не могли добыть белый хлеб».

Когда я начал передавать извинения, Герасимов меня прервал: «Да давай скорее, какой тут белый хлеб! Давай побольше черного!» Тут я убедился, что и великие художники могут питаться черным хлебом.

Ну и еще один случай, мое знакомство с пчелами. Дело в том, что при гибридизации обычно используется сначала кастрация цветков, из которых удаляются мужские элементы цветка, остается рыльце пестика, и затем эти кастрированные веточки изолируются марлевыми изоляторами, мешочками. Работа эта очень кропотливая и малопроизводительная, а как всякая малопроизводительная обещает получение малого количества гибридов, отобрать из которых лучший, то, что селекционер задумал, удается редко. И вот Х. К. Еникеев задумал такой опыт с вишней: сравнительно небольшое деревце вишни в пору цветения изолировали общим колпаком, изготовленным из каркаса и марли. Под это деревце был поставлен небольшой улик, а в леток, куда вылетают пчелы, была вставлена фарфоровая трубка, заполненная пыльцой. Пчелы могут проникнуть в улей только через эту трубку, а проникая через нее, обволакиваются пыльцой и таким образом летят на всё это дерево, производят естественное опыление. То есть достигаются главные цели: массовое получение семян, снижается во много раз трудоемкость и обеспечивается в какой-то степени естественный ход опыления и оплодотворения цветков.

В той местности, где я рос, в нашей деревне почему-то пчел ни у кого не было. Я понятия не имел о пчелах. А тут мне руководитель поручает: вот тебе сахар, вот рамочки и будешь подкармливать пчел, вставлять рамочки с разведенным сахаром в улей, а затем снова закроешь все выходы возможного вылета пчел из этого ограждения. В одно время, под вечер я это делал, ребята там уже кончили работу, торопили меня: «Давай, Гриша, скорее,

давай корми своих пчел, пошли домой в общежитие». Пчелы, как известно, не любят толчков и торопливости. Я подлез под марлю, снял крышку, раздвинул рамки, куда вставлять рамку с раствором меда, и так неосторожно поступил, что рамка у меня упала. Рамка упала, а непогода была, дождичек накрапывал довольно сильный, ну и пчелы облепили меня. Благо рядом недалеко берег и река Лесной Воронеж. Я побросал все свои принадлежности с сахарным раствором и рамки — и в реку, в чем был, река там неглубокая. Забежал в реку, окунулся, немножко под водой побыл, вынырнул, смотрю надо мной снова туча пчел. И так просидел, пока пчелы не разлетелись. Впоследствии ребята у меня из головы вытащили 30 с лишним жал пчелиных. И представьте себе, у меня оказался, что называется 100%-ный иммунитет к пчелиным укусам. Позднее же, работая в институте, я в течение 40 лет держал свою личную пасеку из 3–5, максимум 10 ульев. Собирал меда достаточно для снабжения своей семьи, уже хорошо изучил пчел. Но вот первое мое знакомство оказалось при таких обстоятельствах, при постановке специального опыта.

Впоследствии мы с Федором Ивановичем Платоновым, заведующим отделом кормопроизводства в Хабаровске, автором сорта клевера «Хабаровский розовый», пытались этот опыт повторить на клевере. Но на клевере, оказалось, совершенно другие условия и опыления, и постановки самого опыта. Речь шла о довольно большом деревце, а здесь стелющееся, в сущности, растение. Когда опылители такие, как пчелы, внутрь этого травостоя проникают очень плохо, результатов у нас практически не было.

Закончили мы техникум в июле 1936 г. Я сходил еще раз в основной питомник. Мичурина уже в живых не было, возглавлял питомник Павел Никанорович Яковлев — ближайший его помощник. Павел Никанорович дал мне справку, что я действительно проходил практику в такой-то период, так-то себя проявил и так далее, и расписался характерными своими завитушками. Впоследствии Павел Никанорович стал академиком ВАСХНИЛ, заместителем директора Всесоюзной выставки, заведовал кафедрой в институте и ведал основным отделением, где жил Мичурин. А директором ЦГЛ так и остался (он и был при Мичурине) И. С. Горшков.

ГЛАВА 3

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В августе 1936 г. мы по разнарядке Наркомзема отправились в составе шести человек в Хабаровск, на Дальний Восток. Подавляющее большинство выпускников выбрали местом своей будущей работы Зауралье, Урал, Восточную и Западную Сибирь, Алтайский край, Бурятию.

Наша поездка сама по себе по такой огромной стране, как наша, была очень познавательной. Ехали мы 17 дней, увидели, конечно, необъятные просторы нашей Родины и такие достопримечательности, как Забайкалье, Байкал и все последующие регионы. Хабаровск в то время был центром того края, Приморского края не было, а была Уссурийская область с центром в г. Ворошилов Уссурийский (сейчас Уссурийск). Входили в него еще Читинская, Амурская, Сахалинская, Камчатская, Магаданская области, Колыма, весь обширный северный район, сейчас шестой регион России, который занимает 37 % самой неблагоприятной для сельскохозяйственного освоения территории.

Прямо скажу, что на первых порах Хабаровск мне страшно не понравился. Вышли на перрон под шквальный муссонный дождь со штормовым ветром. Огромные потоки воды изливаются с неба и текут мутными потоками вдоль улицы

Высочайше утвержденъ:
5-го Іюля 1878 года.
Приморской Области.

Хабаровскъ.

Приморской области. Областной.

Въ серебряномъ щитѣ, лазуревый столбъ, между двухъ черныхъ сопокъ, съ червленными пламенами. Щитъ увѣнчанъ древнею, Царскою, короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою.
(Гербъ Приморской области).

Герб Приморской области

в сторону Амура. Приехали мы под вечер, и искать тогда крайзо — краевое земельное отделение — было бесполезно. Пришлось снова вернуться на вокзал и там с трудом переночевать до утра. Утром нас поселили в питомнике им. Лукашова, который был организован двумя годами ранее. Питомник носил имя местного

селекционера Лукашова Артема Максимовича. Его же назначили директором.

Поселили нас в одном из домиков второго селекционера Шуранова, а сам питомник был организован на базе усадьбы Петра Григорьевича Шуранова. П. Г. Шуранова, которого в то время уже потеснили, поселили в другое место. Хотя Шуранов добровольно отдал свой участок под основание питомника, там участок небольшой, в пределах двух с половиной гектаров. Этот участок по адресу улица Запарина, 2А в Хабаровске, и груши, на нем посаженные Шурановым, сохранены до сих пор, там и похоронен П. Г. Шуранов [19].

Состоялось знакомство наше со специалистами и практикантами, которые там работали. Там же я познакомился с Серафимом Ивановичем Тимошиным [12], жителем Хабаровска, он учился во Владивостокском университете и проходил практику в питомнике. Шел август. В это время как раз был период окулировки яблони, а затем сливы. Я очень завидовал, глядя на Серафима Ивановича, как этот молодой, юркий парень, помню, в красной майке, с садовыми инструментами (секатором, ножом) готовил черенки для окулировки.

Пошли в отдел кадров. Там предлагали различные места. Надо сказать, что не задолго до этого вышло постановление о развитии садоводства в Дальневосточном крае, причем давались широкие права по отводу земли, как для закладки индивидуальных любительских садов, так и для кооперативных хозяйств. Начало развиваться совхозное садоводство. Любопытно, что нас, только что прибывших из центра, совсем мало значащих специалистов, принял первый секретарь крайисполкома и председатель крайисполкома Г. М. Крутов и секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л. Лаврентьев. Лаврентьев по национальности грузин, но носил русскую фамилию (возможно, революционный псевдоним).

С нами состоялась довольно продолжительная беседа. В частности, нам рассказали о перспективах развития Далькрая и новой отрасли — садоводства, было сказано, что этому придается большое значение для закрепления кадров. На нас это произвело большое впечатление. Действительно, такие крупные политические и хозяйственные деятели, руководители огромного края нашли время

пообщаться с совсем еще юными специалистами. Мне секретарь далькрайкома задал вопрос: «Как ты мог отважиться ехать работать на такое большое расстояние на Дальний Восток?» Я ответил, что я мичуринец, что проходил практику у самого И. В. Мичурина, и мы использовали в работе многие дальневосточные растения для селекции, и созданы сорта при их использовании. Секретарь сказал, что можно только похвалить такого храбреца, работы для нас здесь найдется очень много, особенно для мичуринцев. «Кстати у нас и опытная станция есть в Приморье, где ведутся селекционные работы».

Меня поразило — всюду в Хабаровске росли груши-лукашовки. В то время, в августе, груши уже начали созревать. Например, такие крупноплодные сорта, как «Тёма». Зрелые плоды падали. Меня поразило и другое: культура «Хабаровчан», жители плоды не срывали. В Мичуринске одно время по предложению Мичурина начали обсаживать отдельные улицы различными плодовыми породами: яблонями, грушами, сливами. Мичурин из своего питомника выдавал посадочный материал, и мы, студенты, всю весну трудились над посадкой вдоль улиц этих деревьев. К осени всё это было поломано, остались одни пеньки. А тут в Хабаровске выросли груши до плодоношения.

На второй или третий день произошло знакомство с Артемием Максимовичем Лукашовым [16]. Нас было шесть человек, рослые и видные парни, я среди них был самым маленьким, как у нас говорят в деревне, замухрышечным, одетый в легкую толстовочку из белого материала, неказистого вида, но Артемий Максимович, не знаю по какой причине, почему-то обратил на меня свое внимание. Обратился ко мне с такими словами: «Деточка (я действительно был похож на деточку, но впоследствии знал, что это его любимая поговорка со всеми другими сотрудниками), мне нужен техник, и ты будешь работать у меня техником. Зарплату я тебе положу 240 рублей. Жить будешь на загородном участке. Вот — через некоторое время пойдет туда машина, поезжай, ознакомься и определяйся». Контора в то время находилась по адресу ул. Запарина, 2а, а все земли под питомник были отведены в районе нынешней улицы Большая и переулка Степной города Хабаровска.

Льет дождь. На улицах Хабаровска не было не то что асфальтированных дорог и тротуаров, не было обычных проезжих, хотя бы покрытых гравием дорог, даже порядочной гужевой дороги не было, а были обычные проселочные дороги. И мы с девяти утра более чем до двух часов дня добирались до питомника на загородном участке. Больше вытаскивали машину из грязи, чем ехали. По приезде на место питомника выяснилось, что там пока мало еще что сделано для питомнического дела. Несколько гектаров было первых посадок груш, обозначены поля питомника с посадками небольшого количества рядков дичков для прививки и самые примитивные строения в виде бараков, сколоченных из досок для жилья и для хозяйственных нужд. Кругом, можно сказать, голое место, правда, рядом располагался Горзеленстрой, там у него были небольшие посадки и невдалеке на возвышенном месте находилась артиллерийская батарея на гужевом транспорте. Вот и весь вид окрестностей и в самом питомнике. «А где же тайга?», спрашиваю я себя. «Где Уссурийская тайга, где заросли знаменитой уссурийской актинидии, винограда и многих других видов растений?» Этого ничего нет. А именно с этими растениями я и ехал продолжать работу.

Не понравился мне Хабаровск. В то время, начитавшись «Дерсу Узала», «В дебрях Уссурийской тайги» В. К. Арсеньева, я был впечатлен самой тайгой, путешествиями Арсеньева. И я решил, что поеду в настоящую Уссурийскую тайгу, потому что её в Хабаровске не было. Сам центр Хабаровска, площадь Свободы, представлял небольшую сопочку, покрытую кустарником. Это сейчас роскошная площадь имени Ленина с фонтанами. По тем временам это трудно себе представить. Не было ни одного асфальтированного тротуара. Были положены доски, причем плохо прибитые.

По возвращении в питомник в отделе кадров заявил, что я в Хабаровске оставаться работать не буду. Я поеду в южную часть Приморского края, если это возможно. Правда, у заведующего кадрами находился директор какой-то хабаровской теплицы, он мне предложил остаться у него работать специалистом тепличного хозяйства. Ну здесь я наотрез отказался, поскольку я учился не на тепличника, а на садовода-селекционера. «Ну что же», — сказал заведующий отделом кадров — «дело хозяйское, найдется и там место

Военный парад в Хабаровске 7 ноября 1937 г.

работы, давайте дадим место назначения в Уссурийскую область». Приморского края тогда не было, а центром области был Ворошилов Уссурийский (ныне город Уссурийск).

Дали мне направление в Уссурийскую область. Приехал, стояла хорошая погода, но пылища была невообразимая. Ворошилов Уссурийский тоже красотой не отличался. Большая деревня. Отдельные дома в отдельных районах возвышались, а так все остальные дома украинского типа. В большинстве побелены в белый цвет, как принято белить украинские хаты. Напряженное положение было с японцами. Ходил постоянно в разных направлениях военный транспорт. Поразил меня рынок. И поразило обилие овощей, особенно дынь, арбузов своеобразных. Плодов практически не было.

В отделе кадров облзо решили меня направить в Шмаковский район. Административный центр его был в Лесозаводске, а железнодорожная станция Уссури. Позже выяснилось, что это место — центр, где наиболее плотно произрастают растения уссурийской флоры.

Приехал я в Лесозаводск. Жилья, как обычно, не было. Зашел в контору, воскресный день, там молодежь, грызут семечки, по колено шелухи, резвятся. Опять допрос, кто такой? Отвели меня к ста-

рику, бывшему садоводу. Человек оказался очень приветливым, накормили как следует. Впервые я ел помидоры с медом. Помидоры там, где я родился, только-только вводили в культуру, а мед был редким явлением. Я не знал такого кушанья. Хозяева скромно сказали, что ничего у нас особенного нет, а вот есть огурцы, помидорчики с медом. Действительно, поставили передо мной огромную чашку крупных помидоров, огурцы, хлеб, молоко. Что может быть лучше для бедного студента! Положили спать. Старик рассказал, что по дороге в Иннокентьевку в предгорьях Сихотэ-Алиня знает заросли дикого абрикоса. Я заинтересовался, надо обязательно туда сходить.

Следующий день был солнечный, ясный. Мы со старичком отправились в тайгу. Бродили, бродили, наконец наткнулись на очень крутую сопку, покрытую щебенкой, на ней абрикосовые деревья. На южной стороне экспозиции. В результате сильных дождей верхний слой смыт, а корни цепляются за камни в расщелинах и, представьте себе, живут. Спрашиваю, были ли хорошие абрикосы? Он ответил, что не было, очень мелкие, сухие. Сухие — это значит мало мякоти, небольшая оболочка, а дальше косточка идет. И горьковатые. Но встречаются и более мясистые, которые используют для заготовок.

Во второй половине дня шла машина с этого колхоза в районный центр, мне посчастливилось уехать, так как в то время транспорта было мало. Я начал постепенно в течение осени и зимы закрепляться, началась моя работа в Шмаковском районе. Поселился изначально в самом райзо. Там в районе находился Шмаковский монастырь, на его базе располагался военный санаторий. В самом поселке функционировало два крупных лесных завода, пристань для сбора леса, поселок разрастался на базе этих предприятий. В августе определился на работу.

Официально должности садовода не было, а было несколько должностей: вроде специалиста по защите растений, специалиста по сахарной свекле (тогда в Приморье начали развивать посевы сахарной свеклы), специалиста по сое и так далее. «Ничего страшного нет, — сказал Еменко, зав. райзо. — У нас работа найдется, тем более еще не закончено вручение колхозам земель на вечное пользование». Главным агрономом была женщина Мария Ивановна Косенко, главным землеустроителем работал

милейшей души человек, уже пожилой, старого такого уклада землеустроитель Иван Семенович Зеленкин, он же и был председателем местного комитета и в какой-то степени определял бытовые условия сотрудников и особенно местоположение, где можно будет ночевать, жить. В течение августа и сентября мне предстояло ознакомиться с колхозами района. В районе было 33 села, из них 17 небольших национальных корейских колхозов. Эти колхозы занимались возделыванием риса, кукурузы, сахарной свеклы, причем всё это возделывалось на гребнях. Кукуруза достигала очень крупных размеров. Впоследствии в начале июня 1937 г. мне приходилось участвовать в выселении корейцев, их переселяли с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Знакомство дало мне возможность в смысле садоводства оценить, посмотреть, что произрастает прежде всего на усадьбах колхозников, на крестьянских огородах.

Решил обойти свои владения, не обошлось без приключений, причем серьезных. Район называется Уссурийский, потому что здесь протекает речка Уссури. В то время строился БАМ, вели кладку второго железнодорожного пути и автомобильную трассу. До населенных пунктов я добирался где пешочком, где на телеге. В один из дней добирался до старинного села Техменево, населенного преимущественно украинцами. На одном берегу Уссури Техменево расположено, на другом берегу — село Глазовка. В августе происходит разлив дальневосточных рек. Мне говорят: «Вот выйдешь на Глазовку, покричишь, тебе дадут лодку и переправят на ту сторону». Можете себе представить, как для меня, европейца, столкнуться с десятками троп в бурной дальневосточной растительности. Сначала тропа была хорошо утоптана, а потом начала разветвляться туда-сюда. Где основная тропа, я, конечно, сообразить не мог, а трава в полтора метра и выше, то есть выше моего маленького росточка.

Иду часть лесом, часть лугом, потом течет река, и тут далеко километрах в пяти, виднеется Глазовка. Она стояла на высоком берегу, а это оказалось не русло, а разлив. Плавал я неплохо. Решил добраться вплавь. Связал свои пожитки в узел. И побрел по заводи, переплыл до одного лесочка, опять переплыл, потом опять, а далее очень глубокие и быстротечные места пошли. То, что мне совето-

вали кричать, конечно, не помогает, никакого отзвука с той стороны. Ну что делать? Возвращаться? Я вернулся и совсем запутался в лабиринте троп. Но неожиданно рассмотрел покос и женщину с мужчиной, готовящих сено. А комаров, мошек огромные тучи, набиваются куда только возможно. Подошел к косарям, рассказал кто таков, что студент, работаю сейчас агрономом в райзо. Иду в Глазовку. Мужик покачал головой, говорит: «Ты так не попадешь, сейчас самый разлив и какой дурак посоветовал тебе такой маршрут, обходи лучше по дороге, которая строится там, и мост есть, правда, дорога это 17 километров». Любезно они дали возможность переночевать в шалашике.

Любопытно они спасались от комаров: разведут дымокур в центре шалашика, сырой травы положат, и дым стелется на высоте полметра, а внизу дыма нет, как и комаров. А в дыму комариный писк стоит как от церковных колоколов звон. Утречком накормили ухой, и я пошел. В Техменево в магазине купил булку хлеба и пошел по трассе. Стоят часовые: кто таков, куда направляешься, предъяви документы. Я рассказал, что студент, работаю агрономом, они осмотрели меня критически, пропустили. А мост тогда был не такой, как нынче, сейчас он большой, с одной стороны от него Глазовка, с другой Иннокентиевка, еще в этой Иннокентиевке я закладывал сад площадью 400 гектаров, в том числе виноградники.

На мосту трудятся заключенные, меня остановили вновь: «Кто таков, а что у тебя в узелке?» Обыскали, отломили половину булки, оставшиеся три рубля не взяли, дали щепочку, нацарапав на ней что-то, сказали отдать на другом конце моста как пароль. Мост длинный, на другом конце повторилась та же история, показал эту щепочку заключенным. Направо была Глазовка, с другой стороны Иннокентиевка и высокие горы Сихотэ-Алиня.

Поселки, села, а теперь уже колхозы в прошлом селились без особой планировки, отводились для каждого двора большие земельные участки до десятины, огораживались толстыми бревнами, чтобы лес под боком был, и возводилось жилье и хозяйственные постройки. Непосредственно у скотных дворов отводились довольно большие участки под сады. Заняты они в основном были посадками дикой уссурийской сливы. В первородном виде это средней величины деревца, очень колючие, имели мелкие плоды

с мелкой косточкой, но вполне съедобные и в свежем виде и для переработки. В частности, много слив использовалось для производства своеобразного вина-сливовицы. Редко встречались дикая уссурийская груша, черемуха, дикая сибирская яблоня, смородина дикорастущая, много малины, в основном тоже дикорастущих местных форм. Словом, для домашнего обихода в какой-то степени была продукция, но это говорит о том, что, поскольку уже началось движение за создание более крупных садов, есть необходимые условия, тем более по местоположению, потому что часть сел этого района располагались в предгорьях Сихотэ-Алиня на возвышенных, защищенных местах, другая часть располагалась в условиях долинного местоположения, Уссури и ее притоков и других рек. Конечно, эти места для садов были малопригодны, но по тем временам я не мог судить, какие местоположения благоприятствуют для развития крупных садов.

В конце сентября заговорили о сборе экспонатов для отправки в Хабаровск на Далькрай-выставку. Мне порекомендовали: «Ты в первую очередь обойди корейские хозяйства, на них ты найдешь наиболее ценные экспонаты». И действительно, я обратил внимание, что на огородах самих корейцев и на полях общественного пользования все посадки производились на широких гребнях, шириной 90–100 см островершинной формы. Причем характерно: растения, расположенные по центру гребня, отличались мощнейшим ростом и совершенно не подвергались вымоканию. Кукуруза достигала очень высокого роста, початки крупные, очень крупные корнеплоды сахарной свеклы, очень крупные тыквы, просто огромных размеров, но другие овощи — очень интересные восточные растения, о которых мы в средней полосе не имели представления. Такие, как чумиза, гаолян, просовидные хлеба, просо кое-где встречалось, но в основном чумиза, гаолян, кукуруза и другие. На этих полях я собрал наглядные, очень хорошие экспонаты, причем таких размеров, что при перевозке на станции Уссури проводники наотрез отказывались грузить мои экспонаты. С трудом удалось убедить, чтобы довести до Хабаровска. У главного землеустроителя И. С. Зеленкина были родственники в Хабаровске, он мне написал письмо, и с этим письмом я определился на некоторое время на местожительство,

пока не сдал экспонаты и немножко не познакомился с Хабаровском и вернулся обратно.

После все эти экспонаты получили хорошую оценку, особенно высоко оценили суходольный рис, выросший на тех же гребнях, восточные злаки, в частности чумиза, кукуруза. Кукуруза у них почти основной хлеб, служила и для добывания зерна на хлебобулочные изделия, круп, кукурузного масла и других продуктов. Корейцы почти обходились без обычных наших хлебных злаков. Для меня уже впоследствии было странным, как мы смогли потерять ценнейший генофонд кукурузы, приморский, сорта, которые вызревали полностью и разводились в больших количествах.

Обычно осенью бывают хаты увешаны гирляндами початков кукурузы от карниза до низа. И хозяйки кормили этой кукурузой птицу, кур, гусей, уток, коз, поросят, свиней: выходит, срывает початок, начинает шелушить его, а тут у нее различные животные подбирают, кормятся. Своеобразный тип кормления. Затем уже с выселением корейцев (произошло это в июне 1937 г.) всё это постепенно исчезло (но в июне после выселения корейцев я уже уехал в Хабаровск).

Наступила зима, я немного чертил, рисовал, и меня старший землеустроитель Иван Семенович Зеленкин приспособил делать копии карт. И я в течение зимы помогал делать копии карт. Изредка меня посылали в отдельные села разбирать различные конфликты, которые возникали по самым мелким житейским, земельным и пограничным вопросам. Уладить эти конфликты мне чаще всего удавалось. Однажды наткнулся на одно селение, тоже называется Орловка, как и моя родная деревня, там у председателя колхоза, украинца по национальности, возник конфликт с русской стороной. Прожил я там один день, другой день. Меня то одна сторона на свою сторону, то другая сторона переманивает, наговаривают друг на друга. Угощают меня. День был апрельский, природа уже начала распускаться, тайга быстро пробуждается. Наметилась свадьба: жених русский, а невеста украинка. Говорю председателю: «Слушай, Роман Петрович, давай под этой черемухой устроим общий стол свадебный и сделаем перемирие». Так и решили. Устроили длинный стол, гуляла вся деревня. Принесли выпивку, еду, самогонку. Был распространен напиток типа браги из слив с медом.

Очень интересный напиток. Бочки нагружают сливами, а потом заливают их медом. Из слив выделяется сок, происходит брожение. Потом разливают в четверти, отстаивают, хранят в холоде и получают прекрасный хмельной напиток. Как водится, выпили, повеселились, какое-то несуществующее зло прошло, начали целоваться, так и помирились. Я вернулся в райзо, меня похвалила заведующая: борец за советскую власть. И впредь меня начали посылать.

Дело в том, что если в европейской части коллективизация в основном была завершена в начале 1930-х гг., то на Дальнем Востоке она затянулась до 1936–1937 и даже до 1938 г. И в период, когда я приехал в райзо, многие колхозы еще не получили карт на вечное землепользование с обозначением всех фондов, типов севооборотов и так далее. Работа сама по себе тоже представляла интерес. Во-первых, знакомился с типами почв, рельефами местности, обводненностью, с элементами агротехники, особенно севооборотами. Там я впервые услышал имя Воложенина Андрея Григорьевича, директора Приморской сельскохозяйственной опытной станции [2].

Андрей Григорьевич считался большим специалистом по севооборотам и утверждал эти севообороты. При рассмотрении этих землепользований в хозяйствах говорили: «Ну вот, что еще скажет Андрей Григорьевич, если он утвердит типы севооборотов, тогда всё будет в порядке». Приходилось нам и вручать эти акты на землепользование, разрешать различные межевые споры и другие элементы, которые обычно возникают в этой ситуации.

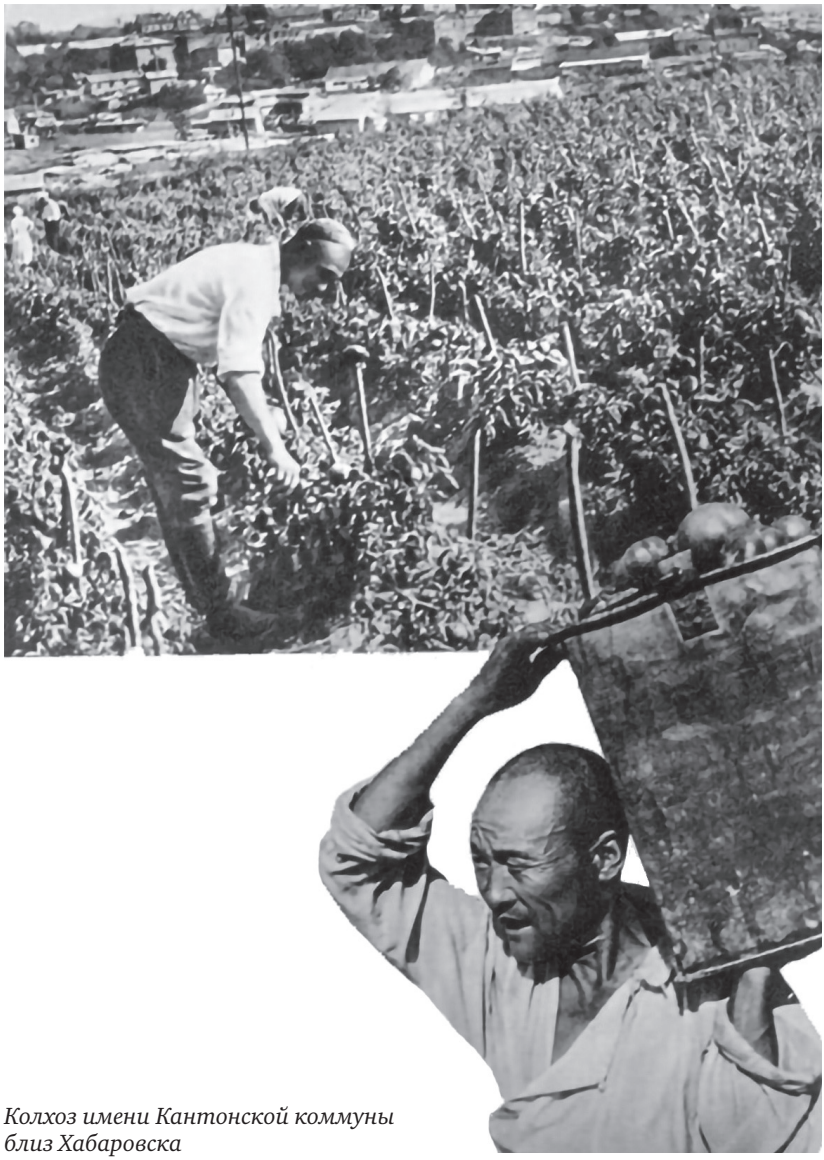
Я жил, а вернее, ночевал, в одной комнатушке в конторе райзо. Иван Семенович Зеленкин предложил мне перейти жить к знаменитому районному пчеловоду Опарину. Опарин — старейший пчеловод, знаменитый в Уссурийском крае, хорошо знал дело, в то время был частично парализован, имел в личном пользовании лошадь. Жилье его состояло из одной комнаты, довольно просторной, жил он вдвоем с супругой. Определил мне оплату за жилье. В мою задачу входило в течение дня наколупать ему три чашки меда. А у него в подполье стояло несколько бочек с многолетним медом. Оказывается, мед с возрастом настолько уплотняется и засахаривается, что его с трудом можно набрать в чашку. Еще заставлял ходить за белым хлебом. Три чашки меда и хлеб составляли

рацион его питания в течение суток. Человек он был очень добрый, демократичный.

Я уже был к тому времени хорошо знаком с персоналом района, райзо, райкома партии. Все находились в одном двухэтажном деревянном здании. Обратил внимание, что в то время и среди руководящего состава и среди вспомогательного много было корейцев. Кстати говоря, корейцы были в привилегированном положении. Попробуйте обозвать корейца, и к тебе тут же придерется милиционер. Пришлось даже отведать корейской кухни, побывать на корейских свадьбах. Обычно молодежь справляла свадьбы отдельно, уже по советскому образцу, а старики и их родители по своим национальным правилам. Пришлось выпивать, и впервые, можно сказать, до этого мне не приходилось выпивать крепкие напитки, изготовленные из просовидных хлебов. У них это называлось ханшина. Очень неприятного вкуса, но напиток как всякий спиртной, очень забористый.

В 1936 г., в период массовых репрессий, очень часто менялось районное начальство и секретари райкомов, председатели райисполкомов, судьи, все районные подразделения. Однажды и я чуть не попал в такой переплет.

Обычно по зданию назначались двое дежурных. Был зачислен в такой список дежурных и я. Дело было в воскресенье, я с утра занял пост в канцелярии секретаря райкома, где стоял телефон, и выполнял функции дежурного: отвечал на звонки, записывал. И вот в ночное время мне было грустно, очень грустно, мне вспомнилась родина, вспомнился Мичуринск. А перед этим прочитал и на листке написал отрывок стихотворения Д. Бедного, называлось оно «Песнь о сохе». В нем говорилось: «…уничтожь мое истасканное тело, сожги на медленном костре, чтоб партия рабов твоих не овладела…» и что-то еще дальше. И листок бумаги оставил на столе, за которым сидел. Пришел мой сменщик, я сдал дежурство, ушел ночевать в свою хату. Наутро меня вызывают. Мой сменщик стихотворение, которое я написал совершенно случайно на клочке бумажки, передал секретарю крайкома. А до него уже одного секретаря сменили, посадили, короче говоря. Вызывает, спрашивает: «Ты Казьмин?» — «Я». — «Что это за контрреволюционное у тебя стихотворение? Что это за партия рабов и что это за соха? Для кого ты это писал?» Я ему говорю, что

Колхоз имени Кантонской коммуны близ Хабаровска

писал это совершенно случайно и что это стихотворение Д. Бедного. «Ничего знать не хочу, докажи, что это именно Д. Бедного, покажи

мне это самое стихотворение». Д. Бедный тогда был в почете, высоко ценился как пролетарский поэт. Инцидент был исчерпан.

Дело шло к весне. Райзо тогда состояло из своеобразного контингента специалистов. Я — специалист по садам, был также специалист по ветеринарии, по лошадям, по крупному рогатому скоту, по свиноводству, по строительству, был крупный начальник по лесному делу. Однажды мы с ним разговорились, и начальник сказал: «Ты здесь не добьешься по своей специальности, тебе надо переходить на Приморскую опытную станцию, есть такая станция под Ворошилово, в 22 километрах. Там твое место. А здесь ты будешь на побегушках. Садов ты здесь не заложишь». Правда я одного председателя колхоза по фамилии Власенко большого села Пантелимовка убедил заложить большой сад, впоследствии он стал заведующим райзо. Но этот план не осуществился.

Дождался я конца апреля, рассчитался и поехал в Уссурийск. Там я сразу на Приморскую станцию не попал, а попал на Приморскую сельскохозяйственную опытную станцию. Приморская опытная сельскохозяйственная станция расположена по левую сторону от Владивостока, а плодово-ягодная (Супутинская) находится в глубине тайги, в горах Сихотэ-Алиня, на расстоянии 22 км.

Я сначала попал на эту опытную станцию, в конторе нашел кабинет директора. Познакомился с Андреем Григорьевичем Воложеним. Он невысокого роста, худощавый, стройный, с высоким лбом, уже лысеющий, с зачесом на одну сторону, со своеобразной манерой говорить: при разговоре поднимает лицо кверху, обнажая кривые зубы, это придает своеобразный колорит человеку. Андрей Григорьевич расспросил меня обстоятельно; я ему рассказал про то, как чуть не утонул возле Глазовки, про другие случаи, когда мне приходилось в тайге ночевать одному, словом, что успел накопить с августа по март 1937 г.

Андрей Григорьевич сообщил, что скоро пойдет машина во Владивосток, до станции она не довезет, но вывезет на сторону Владивостока, там через мост и на возвышенное место и дорога пойдет: одна вправо, в сторону Владивостока, а другая в сторону опытной станции, там еще идти, кажется, километров 22–28 (приходилось выхаживать это расстояние не один раз).

На этом первое наше знакомство с Воложениным и закончилось. Затем, уже после переезда в Хабаровск и поступления на работу в Дальневосточный научно-исследовательский институт сельского хозяйства (тогда земледелия и животноводства) и, поскольку я там продержался всю свою жизнь, мне уже приходилось встречаться с Воложениным Андреем Григорьевич в самых разных местах и условиях [10].

Конечно, преодолел это расстояние и уже к вечеру подошел к лужайке, а там на пригорке стоит ряд домиков, дальше внизу течет речка, через нее небольшой мосток. Это речка Супутинка. Там встретил человека, который косил траву. Человек таких мощных размеров, высокий, сильный, босой. Он меня начал спрашивать: кто таков, откуда? Я ему рассказал, а он: «Сейчас время, конечно, рабочее закончилось и никого в конторе нет. Я тебе предлагаю остановиться в моей хате». Проявил такое благожелательное гостеприимство с первого же знакомства. Он впоследствии оказался не кем иным, как знаменитым селекционером-виноградарем Раменгом Антоном Александровичем, добрейшей души человеком, который встретился на моем пути в относительно тяжелое для меня время. Семейство было у него небольшое: жена и дочка; в хозяйстве было две коровы. Хата большая, и, поскольку из-за скорого отбытия в Хабаровск мне предстояло на опытной станции находиться недолгое время, договорились, что я у него останусь жить и столоваться до отъезда. Должен сказать, подкормил он меня здорово: молочные продукты, творог, сметана, каши, в общем пища такая, от которой я давно, что называется, отвык. Впоследствии мы с Антоном Александровичем хорошо познакомились и даже сдружились. Он одно время снабжал меня семенами сортов, чтобы я начал селекционную работу с виноградом в Хабаровске. Так, собственно, этот день можно считать началом моей новой академии в освоении и работы по плодоводству.

Заведовал опытным полем Алексей Васильевич Болоняев, он же был заведующим и вновь организованным отделом в Хабаровске. Я основательно за этот период ознакомился с характером работы опытного поля. Многое было мне знакомо. Иван Владимирович Мичурин, у которого я проходил практику, широко использовал восточноазиатские виды плодово-ягодных растений в своей работе

по гибридизации. И мне многие растения, неизвестные в средней полосе России, такие как маньчжурский орех, бархатное дерево, амурский виноград, актинидии, войлочная вишня, уссурийская груша, маньчжурский абрикос и многие другие, были уже хорошо знакомы. Я свободно называл эти растения. Сотрудники удивлялись, как я хорошо знаю растения, которые в средней полосе не произрастают.

Само опытное поле расположено в предгорьях Сихотэ-Алиня. Такое ощущение, что находишься в каком-то замкнутом круге. Просыпаешься — горы, в течение всего рабочего дня перед твоими глазами — горы. И засыпаешь с этими горами. Мне, степному человеку, жителю Воронежской области, было это не столько незнакомо, а как бы стесняло мой взгляд, мою жизнь в пространстве.

Итак, осуществилась моя мечта поработать, что называется, в дебрях Уссурийской тайги на Суйфуно-Уссурийской опытной станции. Получил то впечатление, то удовлетворение, к которому я стремился, хотя закрепиться пришлось в ее ответвлении в Хабаровске и осесть, что называется, на всю оставшуюся жизнь.

В середине июня 1937 г. Алексей Васильевич собрался ехать в Хабаровск. Говорит: «Казьмин [он меня по-другому не называл], поедем с тобой в Хабаровск для закладки и организации отдела плодоводства». В конце июня — в июле начинаются окулировочные кампании, прививка, и мы, конечно, заготовили большое количество черенков. Захватили семена, бывшие на стратификации в холодильнике, уже проросшие сливы, вишни, яблони диких форм, груши. И со всем этим грузом отправились в Хабаровск.

Природа уссурийской тайги под защитой горных хребтов Хехцира и Сихотэ-Алиня в ледниковый период чудесным образом сохранилась, постепенно приспосабливаясь к похолоданию климата, теплолюбивые растения здесь сроднились с морозными условиями и стали самыми зимостойкими на земле, всё ждало часа, когда великий ученик И. В. Мичурина — Г. Т. Казьмин возглавит планомерную селекционную работу и жирной линией проведет здесь самую северную линию садоводства.

ГЛАВА 4

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В то время был организован Дальневосточный зональный научно-исследовательский институт сельского хозяйства, который в научно-методическом отношении осуществлял руководство всей научной сетью. Организован он был на базе многочисленных опытных сельскохозяйственных подразделений, которых тогда на Дальнем Востоке было создано очень много: по Приморскому краю, Амурской области, на Камчатке, на Сахалине и даже на Колыме. Я подсчитал, что институт был организован на базе 30 опытных полей и опорных пунктов. В том числе и отдел плодоводства был организован на базе Суйфуно-Уссурийской плодово-ягодной опытной станции.

Официально институт назывался Дальневосточный научно-исследовательский институт земледелия и животноводства, он какое-то время принадлежал Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина. В этот период президентом академии был академик Николай Иванович Вавилов. (С приходом к руководству Т. Д. Лысенко Вавилов от научного подразделения в Хабаровске отказался).

В Хабаровск доехали мы поездом вполне благополучно. Надо сказать, что в те годы Хабаровск имел очень ограниченный транспорт для пере-

возки граждан. И если нам ехать до самого вокзала, пришлось бы делать большой круг до института. Алексей Васильевич предложил спрыгнуть возле основной трассы, которая ведет в институт. Сказано — сделано. Алексей Васильевич бросил груз и удачно спустился на ступеньки, немножко пробежал и устоял на ногах, начал собирать свои вещи. У меня же этого не получилось: я спустился на нижнюю ступеньку, но прыгнул не в сторону хода поезда, а немножко почти сбоку (параллельно). Ну и разумеется, не устоял на ногах и покувыркался по кювету. Поцарапался, на руках и ногах кровь, сильно порвал брюки, тужурочку. Ну ничего, остались живы. Разыскали тонкую проволоку, с ее помощью заделали дыры на моем костюмчике, взвалили на плечи свои сумки с саженцами, черенками и вещами и в таком виде отправились в будущий наш институт.

Пришли в контору, как называли лабораторный корпус. Это был деревянный барак, сколоченный из досок. Общий коридор длинный, а по бокам небольшие кабинетики, в которых располагались сотрудники различных подразделений института. Пришли к директору. Директором был Павел Георгиевич Власов, по специальности животновод, заместитель — агроном Абрамов Борис Викторович, люди почтенные, москвичи. Осмотрели они наш эффектный вид критически, расхохотались. «Что случилось с вами, в какой катастрофе побывали?» Мы рассказали — еще больше хохота. Алексей Васильевич Болоняев представил меня, сообщил, что я из Мичуринска, окончил Мичуринский техникум, проходил практику у Мичурина и что буду работать техником. «Ну, ладно, — говорит Павел Георгиевич, — я думаю, что он хоть и ободранный к нам явился, но из этого маленького мичуринца может получиться толк. Назначим его для начала младшим техником». Так я стал штатным сотрудником отдела плодоводства зонального ДВНИИ земледелия и животноводства.

Поселили меня в том же кабинете, который отвели нам для работы. Первая наша задача состояла в том, чтобы наладить связи с питомником Лукашова и попросить у них дичков-подвоев для прививки исходного материала, который мы привезли. Повстречались сначала с Артемием Максимовичем Лукашовым, а затем с агрономом Серафимом Ивановичем Тимошиным. Артемий

Техник Г. Казьмин на учетах вишни войлочной

Максимович говорит: «Вот, у меня помощник Серафим Иванович, он вам определит участки, где вы можете осуществить прививки своих сортов, и в общем договаривайтесь с ним о будущем сотрудничестве».

Надо сказать, что к 1937 г. питомник уже основательно развился. Он был организован в 1932 г. Помимо городского, некогда центрального отделения на ул. Запарина, 2, образовалось загородное отделение на улице Степной (впоследствии оно стало основным).

Алексей Васильевич в Хабаровске побыл несколько дней и вернулся в Уссурийск. Во-первых, не было квартиры. Кроме того, у Алексея Васильевича семья уже была порядочная: дочь, младший брат с ним жил. Надо было переезжать вместе с семьей. И он еще не подыскал на свое место заведующего опытным полем.

Хочу заострить внимание на мелиоративных самобытных приемах земледелия. В 1937–1938 гг. на работы в отделе привлекалась бригада корейцев, у которых были свои огороды. У них все овощные культуры были посажены на гребнях и грядах, агротехнические операции по возделыванию той или иной культуры выполня-

лись вручную. У корейцев было своеобразное ручное орудие. У нас это называется тяпкой. Это орудие с короткой ручкой и двусторонним лезвием. Вернее, с одной стороны лезвие, а с другой — шлепалка. И вот до начала муссонных дождей они зачищали дно борозды до глинистого горизонта. И когда выпадали сильные дожди, вода беспрепятственно стекала с поля. При обильных водах, чтобы не было большого смыва, поперек устраивались водоотбойные валы. Потоки воды распределялись в нескольких местах и отводились в стороны, чтобы не было размыва в конце поля и заплывания борозд.

К концу 1938 г. Алексей Васильевич вместе с семьей приехал в Хабаровск. Нас стало трое: Алексей Васильевич Болоняев, заве-

Алексей Васильевич Болоняев

дующий отделом, я, техник, и жена Болоняева, Надежда Алексеевна, научный сотрудник по ягодным культурам. Она вела селекцию на Супутинке земляники, черной и красной смородины, крыжовника, малины. Очень трудолюбивый, талантливый человек.

Голубичная селекция.
Автор сорта, рисунка Н. А Болоняева-Фаворская

На выполнение повседневных задач давали рабочего и одну лошадь, а временами на тяжелые работы выделяли двух лошадей. Всего в институте на старой усадьбе была конюшня, двенадцать лошадей, один трактор и одна автомашина и что-то около 12 коров. Для подготовки небольших участков, закладки селекционных насаждений, питомников, первых маточных насаждений нам выделяемой помощи хватало. Первый мой сад, который заложен весной 1938 г. из груш-лукашовок, жив и поныне. Правда, несколько раз омолаживался, но, должен сказать, деревья еще живы, дают плоды, хотя не получают никакого ухода.

Период с 1937 по 1940-е гг. интересен хетагуровским движением — это целая эпоха в освоении Дальнего Востока. В Хабаровск со всех районов страны приходили огромные эшелоны, состоявшие исключительно из молодых женщин.

Комсомольским организациям поручалось выделять делегации для встречи хетагуровок. Сейчас это позабыто, а старики еще

помнят песню И. О. Дунаевского: «До свиданья, девушки! Не забудьте, девушки!.. Напишите, девушки… как вас встретил Дальний Восток». По приезде на Хабаровский вокзал девушек встречали комсомольско-молодежные делегации различных организаций, устраивали митинги и на первых порах распределяли по месту работы на место жительства. А из Хабаровска уже посылали и на Сахалин, и на Камчатку, на Колыму, в южные районы Приморья.

В наш институт однажды привезли четырех хетагуровок с сельскохозяйственным образованием. Моментально нашлись женихи. Но у нас был еще не женат заведующий отделом механизации, инженер. Другой заведующий отделом при распределении на место ночлега увидел одну хетагуровку, почему-то не пристроенную на ночлег. Подошел к ней, познакомился и предложил: «Пойдем ночевать в мою квартиру». Рассказал, кто он. Девушка согласилась, а утром отдает ей ключи от квартиры и говорит: «Будешь моей женой». Что касается нас, мелких техников с маленькой зарплатой, то хетагуровки были не дуры, рассчитывали на высокое обеспечение.

Следует вернуться к той огромной помощи, которую оказывал нам плодово-ягодный питомник Лукашова и в первую очередь агроном Серафим Иванович Тимошин, широко известный на Дальнем Востоке, в Сибири, в европейской части страны, ученый-питомниковод, садовод, селекционер. Серафим Иванович — уроженец Хабаровска. Закончил среднюю школу, затем учился в Тихоокеанском университете на агрономическом факультете. Практику, естественно, проходил в питомнике, так как основной период его учебы совпал с моментом организации плодово-ягодного питомника. Всю свою жизнь Серафим Иванович посвятил плодово-ягодному питомнику, его развитию до наивысшего состояния. Когда насаждения достигли больших размеров, питомник поставил Дальнему Востоку и за его пределы огромное количество саженцев. Особая заслуга Серафима Ивановича состоит в том, что он сохранил сорта своих предшественников — Лукашова и Шуранова. Не только сохранил, но и размножил, и дальше продолжил селекционную работу с ними. Главное, что сумел довести размеры питомника и его деятельность до пределов крупного специализированного, очень сложного в садоводстве плодово-питомни-

ческого хозяйства. Почти полсотни лет Серафим Иванович был бессменным директором питомника, много делал для развития материально-технической базы, а главное, занялся изучением сложнейшей, совершенно новой в почвенно-климатических условиях технологии выращивания посадочного материала [22]. Он дал научное и практическое обоснование плодопитомнического дела на Дальнем Востоке. Уже позднее, когда начали создавать новые питомники в Приморском крае, в Амурской области, на Сахалине и даже на Камчатке, этот питомник имени Лукашова являлся примером. Работы питомника, изложенные в нескольких капитальных трудах, являлись насущным руководством специалистов, которые продолжали это дело.

Уже на первых порах он проявил многие свойства дружбы и понял значение селекционных работ, которые разворачиваются в отделе садоводства для питомника как репродуцента саженцев сортов для населения, сортимента сортов для населения. Первоначальный уровень сортимента до появления новых сортов отдела плодоводства был крайне ограничен, в особенности яблони, вишни, сливы, ягодных культур. Размножались в массовых масштабах сорта Лукашова и в меньших размерах сорта Шуранова. Предоставляя нам свои дички-подвои для прививки, Серафим Иванович и сам нередко занимался окулировкой. Устраивали мы с ним соревнование. Он для себя брал грушу, а мне отдавал сливу. Есть свои особенности в окулировке косточковых пород. У груши более твердая древесина возле почки. Легче вставить под кору. У сливы верхний слой эпидермиса обычно отслаивался, и были трудности для вставки глазков. Замедлялся сам процесс. Соревновались на количество и качество. По государственной норме надо было вставить 800 глазков за рабочий день. За вставку одного прижившегося глазка платили пять копеек, а за его завязку четыре копейки. Обычно за одним прививальщиком шли два завязчика. Они выполняли разные функции. Первый из них откапывал основание подвоя, промывал его, обтирал. Второй завязывал после вставки глазка. Мы поставили перед собой задачу увеличить норму, своего рода стахановское движение. При норме 800 глазков вставляли две тысячи глазков за восьмичасовой рабочий день. Работа эта невероятно трудная, в наклонном положении, и постоянно приходится сгибать и разгибать спину. К ве-

черу спина настолько устает, что уже не в наклонном положении вставляешь, а ползешь на коленях. Соревнование наше заканчивалось с переменным успехом, чаще всего победа доставалась мне, так как я лучше усвоил прием по вставке глазка под кору с ножа. Этому меня, еще на практике в Козлове научил искусный прививальщик И. А. Назаров, работавший с дореволюционного периода у И. В. Мичурина. Вставка такого количества глазков была большим достижением, причем качество и оплата производилась после первой ревизии спустя пару недель, когда будет ясно, что вставленная тобой почка прижилась, по цвету коры и по отваливанию черешка листа. У прижившихся глазков, как правило, черешок отпадает, а у неприжившихся присыхает и удерживается вместе со щитком. Добиться 100%-ной приживаемости — дело сложное, но близкого к этому результата мы достигали. Мне Серафим Иванович дал кличку «академик». Другим именем не называл. Подхожу на работу, он кричит: «пришел профессор! пришел академик!». Я стал безотчетно признавать эту своего рода кличку. Вообще, у него была манера отдельным сотрудникам давать имена политических деятелей или называть другими понравившимися ему именами. Был у него очень исполнительный завхоз Черня. Своей осанкой ростом и габаритами напоминал Черчилля, он его так и называл.

Обедали, его заботливая жена Луша готовила нам немудреные блюда. С каждым годом наши связи углублялись. В первые годы они были особенно нужны, так как у нас практически ничего не было, кроме участка для посадки садов и питомника. Благодаря Серафиму Ивановичу — Алексей Васильевич еще был на опытном поле в Уссурийске — мне удалось заложить первый грушевый сад первичного сортоизучения.

Очень показателен прием посадки деревьев. Мне впервые пришлось производить посадку в этих условиях. В Мичуринске применяемый для посадки способ себя оправдывал: для посадки дерева копают глубокую яму, до 70 сантиметров глубиной и до метра ширины. Обычно с отвесными стенками.

В это время приехал практикант из Саратовского института Семен Антипович Еремин, из того же института, где учился Алексей Васильевич Болоняев. Я уже в это время кое-чему научился, в смысле размещения корневой системы на хабаровских почвах,

в таёжных условиях, а также в некоторых садах, особенно у сливы. Корневая система, казалось бы, могучих деревьев размещается исключительно на поверхности, идет горизонтально и по мере роста в результате листового опада покрывается слоем вновь образующейся почвы. Опадают осенью листья, мелкие веточки. Кроме того мне удалось прочитать в журнале «Уссурийское садоводство», который издавался в городе Уссурийске, статью одного из основателей плодоводства в Приморье Устина Лионовича Худякова о том, что на наших почвах нет необходимости копать ямы, поскольку корнеобитаемый слой очень невелик, а подстилается тяжелыми водонепроницаемыми глинами и суглинками на большую глубину. При копке ям образуется своеобразный сосуд, и если в этом сосуде глину и суглинок перемешивать с большим количеством перегноя, создаются хорошие условия для первоначального роста корней, но в период дождей этот сосуд переполняется водой, воздух вытесняется и вода не уходит, пока не испарится [11].

У нас зашел спор с Семеном Ереминым о том, как сажать. Разбили участок, поставили колья, наметили места посадки. Я говорю, что надо сажать на поверхности. Он заявляет, что нужно сажать, как учит наука, как учили в институте. Сажать в настоящие посадочные ямы, обеспечить перемешивание глины с хорошим перегноем и засыпать этой смесью. Я отстаивал свое. Аргументы разные. Он говорил, что он заканчивает институт, а я просто техник. Решили спор так: половину ряда копать глубокие ямы, а половину высаживать в неглубокие ямки, копать их до начала глинистого горизонта. При копке глубоких ям на поверхность выбрасывается большое количество глины глыбистой структуры, она на очень долгое время ухудшает физические свойства почвы сада. Посадили, правда, не весь сад. Не хватило сил копать ямы. В глине выдолбить яму глубиной 70 см и шириной метр непросто. Заложили сад. Поверхность перепахали. Расстояние при посадке 5 на 5 метров. В последствии теория и практика У. Л. Худякова оказалась правильной. И сейчас основной принцип посадки у нас в саду на поверхности, тот же, как и основной принцип на Дальнем Востоке, посадки пропашных культур, на грядах и гребнях. Впоследствии на тех рядах, где была разбросана глина, нам долгое время не удавалось полностью ее перемешать с поверхностным темным горизонтом. Неда-

леко от нас стояла конная батарея, командир за небольшую плату отдал нам навоз, и мы вносили в междурядья большое количество навоза, при перепашке и перемешивании этот глинистый белесый горизонт всегда выступал на поверхности. Более того, в период дождей глинистый горизонт заплывал, образовывалась корка, и ее надо было бороновать. Рыхлить. Только через десятки лет нам удалось выровнять поверхность и сделать ее темной, отчасти за счет внесения органических удобрений и листового опада, деревья разрослись, кроны сомкнулись, опадало много листьев. Шел процесс естественного почвообразования.

ГЛАВА 5

ТРУДНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

В 1940 г. я поступил на заочное отделение в Мичуринский институт, но так ни разу и не смог туда выехать, также в 1940 г. я неожиданно стал семьянином, женился на Анне Михайловне Кунавиной, у которой уже была дочь.

В 1940 г. у руководства сельскохозяйственного отдела НКВД возникло желание заложить довольно крупные товарные сады в подсобных хозяйствах. Ближайший к Хабаровску был сам Хабаровск и Вятский лагерь, где также было крупное подсобное хозяйство НКВД. А. В. Болоняев посылает меня: «Поедешь представителем, выберешь место». В предгорьях Хехцира выбрали место под сад в тайге. Вначале планировалось заложить пятнадцать гектаров для размещения ягодников, груши, яблони, сливы и вишни.

Место, в основном вручную, довольно быстро раскорчевали, разделали почву, освободили от корней деревьев. И весной 1941 г. приступили к посадке. На производственном совещании совхоза руководители спрашивают у меня: «Ну, вот ты, как специалист, сколько тебе надо человек для того, чтобы сад посадить в хорошие сроки?» Ну я подсчитал по своим меркам гражданским и говорю, что бригады в 25 человек будет достаточно. Тогда

начальствующий собранием говорит: «Выделите ему роту заключенных 200 человек».

Каждое утро выделяли мне роту заключенных, и по проселочной дороге мы двигались к месту закладки сада. У заключенных свой режим работы, свои порядки. По приходе на место ставят с четырех сторон длинные шесты, обозначающие зону с флажками, и начальник караула объявляет: «Пять шагов направо от обозначенной границы означает побег и так далее». У самих заключенных начальство свое: бригадиры, мне показалось, из наиболее озлобленных людей. Потом, как я узнал, сами заключенные делились на две категории: работяги и доходяги. Работяги ставили своей целью активным трудом заработать зачеты для досрочного освобождения. Доходяги такой цели не ставили, лишь бы дотянуть до вечера и остаться в живых.

Интересно рассказать о тяге к табаку у заключенных. Начальство для повышения производительности труда придумало премию под названием «красный кисет» — это мешочек красного цвета, довольно емкий, примерно на килограмм табака или махорки. Вот и шла борьба у бригад за этот табак. Бригадир зверски относился к тем, кто или плохо работал, или медленно шел, особенно к доходягам.

Так и заложили сад. Говорю начальнику, что надо бы поставить здесь хороший дом в виде лаборатории и сторожки. Но главное, надо найти хорошего специалиста. Начальник говорит, дадим тебе дела и выбирай специалиста. Увидел там различные профессии: и ученых из университета, в частности, проректора Киевского университета, и с индустриальных институтов ученых. Читаю: Харламов Вадим Петрович, закончил плодоовощной факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Работал в крупном подмосковном садово-ягодном хозяйстве. Есть такой совхоз по пути от Внуково, по правую сторону большой совхоз. Говорю начальнику, что вот лучше этого специалиста здесь я не нашел. Он: «Нет, Харламов не пойдет, это доходяга. Его уже вот-вот выносить будут». Приводят человека, до крайности истощенного, с обтянутой на лице кожей. Какой же из него специалист-руководитель, его завтра хоронить надо. Я говорю начальнику: «Ну что хоронить, поддержите его соответствующим образом, подкормите, и, я ду-

маю, что он оправится, а лучшего человека нам здесь не найти. Не будем же ставить на сад специалиста по сахарной свекле или по льну». Решено. Приказали его расконвоировать, у него специальность биологическая. Харламов оказался неплохим специалистом, мы с ним даже подружились. А у меня через него возникла мысль: часть своих селекционных работ перенести в этот совхоз. У меня в это время накопилось много гибридов различных возрастов, и ежегодно я собирал порядочно косточек, целыми ящиками, чтобы отбирать среди них лучшие, впоследствии мне эту работу удалось провести. Позднее в Краснореченском совхозе мы довели размер сада до 80 гектаров, причем половину насаждений занимали селекционные, своего рода производственная селекция [25].

В Краснореченском совхозе меня поселили в жилище, где было много клопов, и в первую же ночь я испытал неудобство. Чего только я не делал: и ножки у кровати ставил в банки с керосином, всё вроде бы вытрясешь, но они заползали по стенам на потолок и оттуда парашютировали на меня. Я в конечном итоге оказался основательно искусан клопами. И тут у меня случилась высокая температура. В медицинском пункте врач отвернул рубашку, посмотрел — тиф: «Немедленно в тифозный барак отвезти». Первый раз в жизни я попал в больницу. Врач говорит: «Лежи. Когда девять дней пройдет, минует кризис, если выживешь, тебя не будут держать». На шестой день делает обход в военной форме врач. Я к нему обратился: «Вот лежу шестой день, мне легче, а меня держат». Он посмотрел, к этому времени укусы от клопов исчезли, все очистилось, покрутил, повертел меня: «Как ты сюда попал? Немедленно выписать!»

Я возвратился опять в свое жилище, к своим садовым работам. Ну это один эпизод из жизни. Работа есть работа, она всегда сопровождается какими-то явлениями, приятными и неприятными, здоровыми и нездоровыми.

Из особых впечатлений этого периода можно отметить мою поездку в европейскую часть страны. Во второй половине лета Алексей Васильевич Болоняев с семьей переехал в Хабаровск, окончательно обосновался и послал меня в Тимирязевку, в Мичуринск, на Украину за саженцами и черенками исходного материала. Для расширения селекционных работ нам было необходимо расширять

и сортовой исходный фонд лучших сортов средней полосы страны, мичуринских сортов, украинских. В начале октября поездом я отправился в эту поездку.

В октябре я выехал, поездом в то время ехать было долго, и я задержался почти до конца ноября: побывал в Тимирязевке. Из Москвы заехал в свой родной Мичуринск, нарезал черенки и поехал на Украину. Там за Киевом есть Млиевская садово-огородная станция имени известного профессора-плодовода Симиренко, который в то время переехал в Крым. Он написал первую книгу «Помология России» с описанием основных сортов яблони и груши, которые разводятся на юге и в Центральной полосе России. Они еще конфликтовали с Мичуриным. Он утверждал, что создание новых сортов европейского культурного типа в условиях средней полосы России дело невозможное и ненужное. В своем основном труде утверждал, что, если человек хочет хорошо и красиво прожить, надо переезжать в Крым.

В июне 1941 г. была объявлена война. Жизнь всего народа, жизнь нашего небольшого коллектива начала переходить на военное положение. Коллектив института, и без того небольшой, был значительно сокращен за счет призыва в армию лиц призывного возраста, которым предстояло служить, ну и за счет, конечно, запасников. В институте всего осталось, вместе с научно-техническим персоналом, около полсотни человек, а коллектив сотрудников и техников около тридцати человек.

Шла война. Меня в армию первое время не брали из-за проблем с ногой. В детстве я переболел полиомиелитом, и ступня правой ноги немного была искривлена. На действительную службу меня забраковали, но началась война, получил повестку. И снова военная комиссия посчитала, что я непригоден к службе. Но в Хабаровске организовался отряд ополчения, так как в тот период нам угрожала Япония. Нас обучали обращаться с оружием, даже устраивали показательные сражения, но настоящего вооружения не было, чаще всего одна винтовка деревянная (имитация).

Через некоторое время получил вторую повестку в армию, ну, думаю, заберут. Вновь предстал перед военной комиссией. Покрутили, повертели меня, непригоден опять. Я уже просился, но говорят: «Придет время». Война продолжалась. Люди гибли. По-

лучаю третью повестку. Опять предстаю перед военной комиссией, опять комиссия совещается: брать или не брать. Помню, один из врачей с перевязанной щекой (видно, зубы у него болели) говорит сквозь зубы: «Да годен! Забирайте его в военизированные части». С третьей попытки мою годность таки признали, но сразу меня не забрали, а предложили сначала пройти без отрыва от производства курсы военных шоферов. Оказывается, моя искривленная нога еще имела достаточно сил, чтобы нажимать, переключать педали. Я без отрыва от производства посещал курсы шоферов.

И вот я учусь на курсах военных шоферов. Днем, с 8 до 17 работа в саду, с лопатой, тяпкой, ножом, а вечером с 17 до 23 часов учеба на курсах. Курсы я закончил успешно. В техникуме проходили в то время большой курс механизации: изучали трактора, автомашины, комбайны. Изучали двигатель внутреннего сгорания и даже практиковали вождение трактора. У меня, правда, не совсем удачно получилось. Занятия проходили в заброшенной, старой церкви, которая была огорожена мощным кирпичным забором. У меня не хватило сил вывернуть руль, я наехал на этот забор, частично его разрушил. Основной контингент слушателей — молодые ребята. Многие из них не знакомы с автомашинами, надо было изучать всё заново. Мне эта наука давалась довольно легко. Сначала я был консультантом, а потом превратился чуть ли не в основного преподавателя, так как наш преподаватель, молодой паренек, мало владеющий предметом, совсем не мог или плохо передавал свои знания. Курс водителей я закончил с отличием и даже получил похвальную грамоту. Выдали мне военные права на вождение автомобиля. Но мне эти права военные не давали права вождения машинами в гражданских условиях. Требовалось пересдать экзамены, чтобы получить гражданские права. И я решил пересдать. Подумал, что в гражданской жизни эти права пригодятся, и не исключено, что придется работать по этой специальности. Теоретическую часть я знал отлично, но когда стал сдавать вождение, то инструктор погонял меня по нашим гористым дорогам, в частности по улице Тургенева, Калинина и другим, и нашел, что для практического вождения я еще не подготовлен. И чтобы получить гражданские права, нужно шесть месяцев стажироваться. Пройти стажировку мне не удалось. Буквально на вто-

рой день в январе 1943 г. пришла повестка, и я отправился с призывом в армию.

Пришлось собираться, расставаться с семьей. Отправился на призывной пункт. Нас, очень большой контингент, погрузили в эшелон и отвезли в Куйбышевку-Восточную (сейчас Белогорск Амурской области). Поселили там в большую казарму, распределительный пункт. Приезжали представители из отдельных частей и отбирали нужных им солдат. Этот процесс продолжался довольно долго, так как народу было много. Забирали по несколько человек, вплоть до одного человека. Нужен какой-то специалист, забирали. В конце концов распределительный пункт, казарма опустела. Осталось нас двое. Один парень, парикмахер, еврейского происхождения и я, агроном. Наконец, заходит военный в лётной форме и говорит, что ему нужен парикмахер. Тот выступил под козырёк: «Я!!!». — «Поедешь в мою часть». Остался я один.

Прожил я в одиночестве в этой казарме еще дней пять, приезжает старшина. Он критически осмотрел казарму, не обращая внимания на меня, потом, наконец, посмотрел на меня, на мою тщедушную фигуру, и говорит: «Этот что ли мне достался солдат?» Я не обиделся, какой есть, взял под козырек. «Ну, ладно, раз такое дело, поедем». Повез меня на военный склад горюче-смазочных материалов машинно-тракторной станции недалеко от Белогорска по железнодорожной линии на Благовещенск. По эту сторону моста, забыл название этого села.

Сейчас здесь большой город, а раньше был склад горюче-смазочных материалов. При складе были довольно обширные поля и подсобное хозяйство. Сохранилось небольшое стадо дойных коров и свиньи. Кроме того, здесь выращивали порядочно картофеля, тыкву. Всё это хранилось в своих хранилищах, так что этот склад сырья имел какое-то подсобное хозяйство и для провианта солдатам, ну и для дальнейшего выращивания, поскольку снабжение было невероятно плохое. Буквально полуголодное существование.

В углу стояла бочка с водой, к ней была прицеплена на цепочке кружка. Когда ужинаем и надо съесть селедку, гнилую селедку, думаешь, не буду её есть, эту селедку. Ну тем не менее начнешь, как говорится, с хвоста до головы, до гнилых жабер. Солдат вскочит со своей койки, подбежит к кадке, возьмет кружку, разобьет лед,

выпьет, а через некоторое время бежит на улицу, а туалет на расстоянии ста метров.

В рационе на завтрак было несколько картофелин в мундире, кружка чая без сахара, кусок хлеба и полугнилая селедка. То же на ужин. На обед, кроме того, выдавали первое. Первое блюдо состояло из поджаренной муки с соей. Надо сказать, этот продукт в какой-то степени дополнял калорийность рациона, чашки были большие. И когда съешь этот бульон (и варили его густым), то чувствуешь какую-то сытость. Но промежутки между завтраком, обедом и ужином настолько велики, что ощущение такое, что ходишь целый день голодный, и ожидаешь, когда же будет обед, ужин и дадут эту несчастную селедку. А все-таки имелось хранилище, имелся свой картофель, все-таки свой продукт, хотя и в мундире, но варили и давали довольно крупные клубни, иной раз по большому куску тыквы, моркови, все же как-то разнообразили рацион.

Приступил я к службе. Мне, к сожалению, вождение автомашины не досталось. Весь контингент шоферов был уже заполнен, машины распределены. На мою долю, как и на других моих сослуживцев, досталась работа по разливке горюче-смазочных материалов в тары, которые привозили из военных частей, расположенных поблизости в Амурской области, в частности, частей авиационных, танковых и других.

Работа сама по себе очень даже непростая, просто не приходит в голову такое недомыслие у людей. Надо в сравнительно небольшие дыры в очень большие бочки для смазочного материала вылить довольно густое смазочное масло. На морозе оно густеет, и когда начинаешь через воронку лить, оно не проходит. Лить без воронки надо сначала тонкой струей, вроде течет в эту бочку, а затем начинает крутиться и льется мимо дыры. А тут рядом начальник, капитан, по стенам лозунги и призывы «Не пролей капли горючего!». Стараешься изо всех сил, как можно чище выполнить эту работу, не пролить капли.

Приходилось в жестокие январские морозы сбрасывать рукавицы и голыми руками «слизывать» смазочные в эту дырку. Я отморозил основательно руки, следы этого обмораживания остались и сейчас: руки полностью не разжимаются и временами основательно побаливают. Весь январь как раз занимались этой работой,

изредка выводили на учения, ставили к отдельным объектам в качестве постовых.

Мне один раз достался пост охраны бани. Ну вооружили меня соответствующим образом, проинструктировали, я занял свой пост. Ночь. Темно. Стоишь, слушаешь различные подозрительные шорохи. И вдруг шорох! А надо сказать, склад за лето оброс полынью выше человека (почвы там плодородные). И недалеко от бани, у которой я стоял. Как положено, кричу: «Стой, кто идет? Стрелять буду!» Нацелился вперед, смотрю, а это корова ушла из коровника и ходит по сорнякам, собирает остатки кормов.

Положение мое на складе довольно скоро улучшилось. Дело в том, что среди контингента очень много курильщиков, и табак, несмотря на голодный паек питания, стоял на первом месте. Я на примере этого факта убедился, что из всех наркотиков самый страшный — это табак. Солдат носит пайку хлеба за пазухой целый день, чтобы выменять на четверть цигарки, свернутой из бумаги и наполненной крупчаткой-табаком.

Курили всё. Помню, в Краснореченском совхозе теплица была, агроном выращивал табак. Он иногда принесет лист, два, покажет, и к нему сбегаются люди. Он матерится, рвет на маленькие кусочки, кричит: «Что я вам, Бог что ли? Смогу прокормить одним хлебом, как Иисус Христос, массу народа?»

Здесь такая же картина. Курили всё: и конский навоз, и другие сборы, сорняки конопляного типа и всё, что могло гореть и вонять. Располагались мы в казарме, двухэтажные нары. Казарма огромная, двойные большие рамы. Однажды на политическом занятии я в шутку сказал, что смог бы вырастить табак. За это ухватились: «Как ты сможешь вырастить табак?» Но это же не так сложно. У вас есть ферма коров, там много органики, в частности, свежего навоза. На выращивание рассады потребуются парники. Но и здесь выход может быть найден. Дело было в начале марта, уже потеплело. Хотя казарма стояла на открытом месте и основательно продувалась. Мы можем вытащить вторые рамы, поделать соответствующие опалубки, к этим рамам. И таким образом у нас будут парники. Мы удобрим грунт соответственно навозом крупного рогатого скота. К моему предложению отнеслись со всей серьезностью. Замполит решил проголосовать, потому что речь шла о выемки рам,

следовательно, в казарме будет холодней. Некурящих там практически не было, может быть, я один там и не курил. Но а как семена? Семена, говорю, достану. У нас в институте специальный отдел был — «табака и махорки». Занимался им заведующий Федор Григорьевич Захаркин. Он имел много семян — табак, особенно махорка, обсеменяется сильно. За табаком я смогу съездить в Хабаровск и привезти, сколько нам нужно.

Работа закипела. В сторонке от военного склада и ёмкостей, в которых помещались горюче-смазочные материалы, находилась сторожка, в которой жил постоянный сторож, солдат лет под пятьдесят. Он же кормил сторожевых собак, и у него еще был медвежонок, так сказать, вроде развлечения солдат. Солдаты ходили, учили его различным фигурам. Вот решили возле этой сторожки выбрать площадку. Привезли доски и по размерам оконных рам наделали парники. Навозили бурты коровьевого навоза, навалили перегной для верхнего слоя.

Надо было ехать за семенами табака и махорки в Хабаровск в институт. Вызывают к начальнику склада, к старенькому полковнику. В квартире, ради забавы что ли, держал пчел с открытым летком и с соответствующей сеткой, чтобы они по комнате не разлетались. Держал он их неудачно. А я к этому времени уже два года осваивал пчеловодство. Довольно недурно освоил. Он меня еще до этого вызывал, просил проконсультировать. Что делать? Как кормить? Конечно, такое содержание не естественное, они опоносились, и я им посоветовал лучше не заниматься, дождаться естественного состояния.

Когда меня вызвали к этому начальнику, он посмотрел на меня и сказал помощнику по технике: «Как его посылать? Смотри, какое у него обмундирование!» А обмундирование у нас было самого последнего разряда, всё в заплатках. Мне, в частности, тогда выдали американские ботинки (ботинки сами по себе очень хорошие), но я носил в то время 38-й размер, а самые маленькие американские ботинки нашлись всего 42-го размера. У меня носы этих ботинок задрались кверху. То же самое с брюками и курткой. Но выход нашелся. В это время с фронта пригнали солдат среднеазиатского происхождения: туркмены, азербайджанцы, а наших, дальневосточников, посильнее, вместо них забрали на фронт. Пригнали

их к нам в новом обмундировании. Нашли одного азербайджанца примерно моего роста, приказали ему отдать свои брюки, шинель, сапоги, куртку, а мои одеяния ему. Но с условием, что после возвращения из Хабаровска всё это ему вернуть.

По уставу я должен был отдавать честь и соответственно делать поворот, щелкнув каблуками. Ну я по-обычному, по-граждански, ни шатко, ни валко, повернулся. Он крикнул: «Стой!». Помощник по технике говорит: «Ну куда его посылать с такой выучкой? Его с первым же патрулем в Хабаровске посадят на гауптвахту». Пришлось меня немного подрессировать военным приемам. Уже был в новой форме, поучили немного, дали командировку и направили в Хабаровск за семенами табака и махорки, главное, привезти махорку.

В Хабаровск приехал. На каждой улице толпами идут военные: и солдаты, и командиры. Надо всё время отдавать честь. Пошел регистрироваться. Только вошел в двери, идет какой-то большущий чин, а я честь не умел как следует отдавать. Но, правда, я нашел выход — отвернулся и стал уши у шапки своей отстегивать для того, чтобы привязать. Отвернулся к окну, он мимо меня прошел, не наказал.

Федор Григорьевич Захаркин был еще не призван и работал в институте, впоследствии занимал должность директора Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции, а в то время был в Хабаровске. Он меня снабдил большим мешочком с семенами табака и махорки. Я выехал обратно, к месту службы. Конечно, мое неумение в военном ритуале не обошлось в самом Хабаровске без таких замечаний, потому что Хабаровск в то время был переполнен военными. В качестве выхода я смотрел вперед. Там, где идут военные командиры, я стремился перейти на другую сторону улицы, и наоборот.

Ну, так или иначе, благополучно вернулся в часть, предстал опять перед начальником. Передал семена, он похвалил меня и приказал выделить группу солдат для обслуживания этого нового парникового хозяйства. Сделали обвязку под парники, сняли в казарме рамы, рядом разложили бурт из навоза. И надо прежде всего было разжечь биотопливо, чтобы оно давало тепло, а навоз крупного рогатого скота, как известно, малокалорийный, соломистый, жидкий и очень плохо дает тепло, главное, его трудно

разжечь. Ну я, конечно, тут начал подучивать литературу, какими способами разжигать, другие приемы, то есть продолжал свое образование в направлении выращивания табака. Здесь было затронуто всё мое будущее: сумею ли я вырастить табак, значит, меня признают, и мое положение улучшится. Не сумею, сошлют куда подальше, на самые борцовые работы.

Пытался разжигать водой, кипятком, несколько бочек воды разогрели, влили по центру грунта, он немного подымил, никакого эффекта. Другие способы. Наконец решили, центр бурта раскидать, а его заполнить сухим и дровами и зажечь, а потом сверху завалить всё, притоптать. Место, как я сказал, открытое и степное, часто бывали ветры, довольно сильные, а вокруг емкости горюче-смазочных материалов выросли такие сорняки, и по обочинам, и внутри самих ёмкостей.

Все дело шло нормально. И вдруг, в одну из ночей объявляют тревогу: загорелась трава вокруг складов. Что значит трава и горюче-смазочные материалы? Это равноценно бомбежке. Там, конечно, была своя, как и положено, пожарная машина и команда. По команде «Тревога!» каждый знал свое место. Я побежал в первую очередь к своему объекту, поскольку он был в стороне, и увидел, что дрова мои разгорелись, навоз, который был сверху, тоже сгорел и по центру выбивается пламя. Случилось так, что горящая палка перелетела какое-то расстояние, попала в сухую траву и там загорелась, потому что непосредственно возле этой сторожки и этого гурта и моих парников ничего не горело. Лихорадочно я и моя команда начали забивать горловину, которая прогорела в навозе. Забили ее, остался лишь дымок. Ну под складом началась настоящая борьба с огнем.

А пожар пошел по емкостям, где было горючее. Усилиями всех солдат пожар ликвидировали, погасили. Стали искать виновного. Но конкретного виновника не нашли. После этого произвели тщательную очистку всего склада от сорной растительности, а там такой высоты стояли сорняки, как подлесок в сущности. В течение осени и зимы ветер сильно высушил траву до такого состояния, что достаточно спички — и всё это покроется пламенем.

ГЛАВА 6

НАЧАЛО ВАЖНОГО ПУТИ

Вернулся домой. Моя супруга Анна Михайловна работала метеонаблюдателем в институте, и, как я ранее писал, у неё уже была дочь. Вскоре родилась моя первая дочь, Галина. Так начала создаваться моя семья. И моя личная, теперь уже семейная жизнь приняла совершенно другой характер. В январе 1945 г. родилась дочь Таня. Прежде всего надо было как-то моей семье выжить на маленькую зарплату.

Расскажу, как я выходил из трудного положения в период войны. Когда работал техником отдела плодоводства, зарплата у меня была 275 рублей. Анна Михайловна из-за детей уже не работала. Нужно было обзаводиться личным подсобным хозяйством. Завел кур, купили на Березовской (тогда не птицефабрика была, а просто бригада) 30 цыплят, вырастили 20 куриц-несушек. В сараюшке, в стайке, где стояла корова, я отвел место — насесты, специально для размещения кур, и с южной стороны вставил толстое стекло, так как оно сильно нагревается днем. Времени много прошло, и теперь можно признаться, что стекло это пришлось позаимствовать со стола Александра Григорьевича Новака, который в то время был заместителем директора по науке. И уже в феврале у меня куры неслись.

Затем обзавелся гусями. Утки у меня не пошли, уж больно они прожорливые, а вот гуси прекрасно обходятся без речки, без пруда, достаточно воды для водопоя, и довольно прекрасно выпасаются на воле.

Наш знаменитый сорняк *куриное просо* растет высоким, у него метелка расположена высоко, как раз на уровне клюва гусей, и они прекрасно начинают питаться, как только завязь образуется, и питаются до глубокой осени этими сорняками, и больше никакого другого корма не требуют. Таким образом, у меня яйца появились в достатке, а к осени откармливал гусятину. Держал свинью каждый год одну, забивал, а второго маленького поросенка оставлял до последующего доращивания.

Вот так, сравниваю те годы и нынешнее время, нашу жизнь научных работников, научно-технического персонала, и вижу нищенскую зарплату. Конечно, при наличии подсобного хозяйства, должен сказать, что я питался вместе с семьей даже лучше, чем я сейчас питаюсь, будучи академиком. Занятие подсобным хозяйством обеспечивало мне и моей семье определенный достаток в питании в самый сложнейший период жизни нашего Отечества, когда шла война, когда все продукты были строго нормированы. Я должен сказать, что научным сотрудникам, не всех категорий, выдавали определенные продукты. Техникам и младшим научным сотрудникам первое время, кроме хлеба, никаких других продуктов не полагалось. Но это одна сторона дела. Другая сторона дела — это приобретение опыта ведения сельского хозяйства.

Мы выращивали много картофеля, все овощные культуры, тыкву, кукурузу. В 1944 г. решили обзавестись коровой. Опытно-производственным хозяйством в то время руководил Павел Иванович Раковский, старший научный сотрудник отдела животноводства. Он решил продать нам выбракованную корову, у которой действовало не полностью вымя, всего два соска. Корова давала в это время всего чекушку молока. Купили мы ее на двоих, вместе с заведующим отделом плодоводства Алексеем Васильевичем Болоняевым. Заплатили, кажется, небольшие деньги, да она и не стоила больших денег.

Разумеется, корову нужно было пасти, готовить корм на зиму. В летнюю пору обычно я ее пас по обочинам гибридных участков

и на отдельных лужайках. А вот на зимний период требовалось заготовить уже большое количество корма, не менее трех тонн хорошего сена. В то время наше Матвеевское подсобное хозяйство имело участок для сенокошения в районе неподалеку от Казакской протоки р. Амур, и хозяйство, имея небольшую технику, готовило сено для своего скота. Решил и я готовить сено в этом месте. Заготовил почти четыре тонны сена, поставил три стожка. Возить сено было далеко, свыше 30 километров. Ездили сначала через Пастушество, а затем, после того, как лед становился достаточно крепким, возили сено по Амуру через четвертый Воронеж[1], в районе, где располагался плодово-ягодный совхоз имени Мичурина.

В то время в плодово-ягодном питомнике имени Лукашова была организована школа садоводов и пчеловодов. Директор питомника Серафим Иванович Тимошин предложил мне такой вариант: «Или я тебя буду возить на занятия по твоему месту жительства, до Запарина, 2, где расположена школа, или ты будешь сам приходить, а я, взамен этого, дам тебе лошадей для привоза сена с лугов». Проблема с транспортом была в то время очень тяжелая, и я согласился на последний вариант.

Серафим Иванович Тимошин, хотя мы с ним были и друзья, ноги лошадей жалел значительнее, чем мои. Мне приходилось ходить на занятия от сада, барака, где я жил, до Запарина, 2. Причем преподавал я в основном садоводство, а также другие предметы. Нас там немного было, преподавателей. И читали мы лекции по восемь часов, проводили практические занятия и так далее. С этой задачей я, как мне кажется, справлялся неплохо.

Учился я в техникуме достаточно хорошо, и знания, которые приобрел, в основном сохранились. Я передавал в сущности то, что запомнил в период учебы и по тем конспектам, которые у меня сохранились. Впоследствии чтение лекций очень пригодилось мне в работе.

Наступила зима. Иду к Серафиму Ивановичу, говорю: «Давай, Серафим Иванович, выполняй наши обязательства. Мне необходимо вывести сено, заготовленное в летнюю пору». Ну, хорошо, отдает

[1] Вероятно, речь идет о Воронежских сопках. Возможно, имя этим местам дали переселенцы из одноименного города западной части России. — *Примеч. корр.*

распоряжение конюху, тот мне выделяет двух лошадей с санями. Дело это было в третьей декаде января, самый холодный период в Хабаровском крае, и период, когда у нас очень часто бывают метели и сильные ветра. Вот я затеял эту операцию по привозу своего сена. Рано утром, когда еще только начало алеть на востоке, запряг лошадей, на одних санях сам уселся, вторую лошадь привязал сзади. И поехал на свои луга, где были расположены стога моего сена. Ехал я долго. Приехал уже примерно в середине дня. Поставил лошадей на откорм и отдых и начал грузить сено на сани. Работа эта мне еще с детства была знакома. Погрузил двое саней, получилось довольно объемисто, правда не смог забрать всё сено, только треть, и тронулся в обратный путь уже загруженный. На одном стожке уселся сам, правил передней лошадью, а вторую лошадь привязал сзади. И вот таким образом отправился домой. Дорога проходила сначала через (тогда еще совхоза Мичуринского не было) через четвертый Воронеж, затем по полям совхоза ДорУРСа, затем по полям Хабаровского овощно-молочного совхоза. Поля этого совхоза нижней своей частью соприкасались с речкой. Но речка, конечно, в это время перемерзла, и я, довольно успешно, перебрался через нее.

Дорога была хорошо накатана, но неожиданно поднялся ветер и началась очень сильная метель, как раз мне и лошадям навстречу. Да еще, к сожалению, дорога имела уклон именно в противоположную сторону, против ветра. Так что лошадям приходилось преодолевать и груз, который они везли, и ветер. Пошел снег, и стало очень быстро заносить дорогу. Переехав речку и поднявшись на более высокое место, почти сразу наткнулся на большой занос. Преодолел этот занос, и вдруг вижу, что моя передняя лошадь, которой я правлю, задрожала и падает на колени. Видно иссякли силы, и у нее нет больше их для того, чтобы продолжать путь. Я быстро соскочил, развязал чересседельник, рассупонил. В общем освободил ее от сбруи, дал ей немного передохнуть. Она свалилась на оглоблю, но не полностью. Поднес я ей сено, не берет. Ну, думаю, околела моя лошадь. Нет, через некоторое время она начала шевелить губами. У меня с собой был кусок хлеба, он, правда, замерз. Поднес я этот хлеб к ее губам, она начала потихоньку ими шевелить. И потихоньку, потихоньку съела мою горбушку хлеба и, можно сказать, ожила.

Я практически выбился из сил в это время, пока я возился с лошадью. Меня начало заносить снегом, и я поймал себя на том, что засыпаю. Но сквозь сон, помню, еще по примерам своей деревни, как в пургу замерзали люди, оказавшиеся в снегу. Я собрался с силами, приподнялся, стряхнул с себя снег, высвободил оглоблю. Попробовал приподнять лошадь, она понемногу, потихоньку встала на передние ноги, потом — на задние и поднялась. Я ее снова запряг. Сделал так, что заднюю лошадь (та, что везла сани) я перевел на перед, а переднюю, что я управлял до этого, привязал сзади. Дело в том, что задняя лошадь в процессе нашего передвижения на такое большое расстояние, все-таки время от времени подпитывалась сеном, а передняя, разумеется, этого сделать никак не могла.

Путь-дорогу нашу всё больше заносило. Расстояние там сравнительно небольшое, километра два от этой речки до поселка совхоза. С огромным трудом пришлось преодолеть этот участок, так как он был переметен во многих местах снегом. С грехом пополам я подъехал к своему бараку. Возле барака у меня была небольшая стайка для коровы, куриц и другой живности. Но надо еще сбросить это сено, застоговать. С большим трудом, я уже выбился из сил, в сущности, в полубреду, сено сбросил, высвободил сани и повел лошадей в питомник Лукашова.

Усадьба питомника Лукашова, нынешнее его местоположение, где находилась конюшня, надо было пересечь несколько оврагов через землепользования горзеленхоза. И сами поля питомника, и рядом в то время располагалась конная батарея, стояли пушки на конной тяге. Наконец, я подъехал к квартире, где жил конюх, с трудом, уже начало рассветать, добудился его. Стоял ветер, буран, холод, он наотрез отказался брать у меня лошадей и загонять их в конюшню.

Пока я стоял у него в комнате, с меня стаял снег, и образовалась лужа. Хозяйка, довольно молодая женщина, видно, имела власть над мужем, строго закричала на него: «Ну, что ты не видишь, что человек еле живой стоит?» Тот отвечает: «А мне-то что, какое дело? Это его дело, а не мое!» В конце концов уговорили его. Отвели лошадей на конюшню, а мне опять идти пешком. Вернулся к своему бараку, где жил. Помню только, что дошел до сена, которое

я сбросил, свалился в него и заснул. Конечно, в сене все-таки не так продувает ветер, но январь есть январь. В этот период у нас температура бывает очень низкая. Кто-то меня обнаружил, что я здесь нахожусь. Разбудили, привели в квартиру, раздели меня кое-как, уложили в кровать. Я после этого проспал, наверное, часов двенадцать. Вот так мне далась эта заготовка сена собственными силами. Корову я содержал до 1948 г.

Институт, как известно, в отведенное время я не закончил. Я поступил на заочное отделение в 1940 г., но так ни разу и не смог туда выехать. Выехать я смог лишь в октябре 1947 г., поднакопив денег от реализации овощной продукции. В то время государство каких-либо средств заочникам не платило: не платили командировочные, отпускные, квартиры. За этот период, помимо того, что у меня корова была, свои продукты, еще пришлось продавать картошку. В войну куль картофеля стоил 800 рублей. Такой эквивалент был: кусок американского сала толстого тоже стоил 800 рублей. Меняли мешок картошки на сало. С отпускными за весь период войны и накоплениями за счет реализации своей продукции с огорода у меня накопилось 33 тысячи 600 рублей военных денег. Вот с этой суммой я и решил в октябре 1947 г. выехать в Мичуринск. Купил билет в 1-м классе, положил свои деньги на аккредитив и тронулся в путь.

Тогда, естественно, ездили поездами. И вот, пока мы следовали до Байкала, на пристанционных прилавках можно было купить кое-какие продукты. Когда мы проехали последний тоннель Байкала и выехали в сторону Иркутска, то смотрим — на прилавках ничего нет. «В чем дело?», — спрашиваем у одного мужчины. «А вы что, с неба свалились? В Москве реформа началась». Надо сказать, в это время много людей возвращалось с Дальнего Востока. И вот со мной в одном купе, помню, ехал один человек с Магадана. Мы так подружились, он однажды приоткрыл свой чемодан, а он у него набит деньгами, кредитками целиком под крышу. Ну, когда узнал, что проходит реформа, он за голову схватился, семья у него большая.

Приехали в Москву. В Москве шаром покати, всё распродано. Старая мебель, где продавали, не говоря уже о продуктах, ничего нет. Мне в Мичуринск ехать, ну поехал в Мичуринск. Приехал в Мичуринск, надо деньги менять. Надо сказать, что та реформа все-таки

была, что называется, божеская. Была такая разнарядка: если у тебя на сберкнижке лежит 5 тысяч, то меняли 1:1, если еще пять, то 1:3 за каждые 3 рубля, значит, рубль. А свыше этого — 1:10, за 10 рублей давали 1 обменный рубль. Но тут же указ о снижении цен в 10 раз.

Я выменял 3 600 рублей. На эти деньги я прожил до июля 1948 г., почти семь месяцев. Правда, я еще поступил дополнительно работать вечерами в контрольно-семенную лабораторию, и мне там немного платили. Кроме того, снимал квартиру, потому что в институте не было общежития. В столовой цены были мизерные: за 50 копеек — завтрак, за 80 копеек — обед и т. д. Таким образом, я смог за эти ничтожные деньги закончить институт, правда, весь институт мне обошелся в восемь месяцев.

Конечно, весь этот период пришлось упорно и напряженно готовить предметы для сдачи. Когда мы с заведующим заочным отделением подсчитали, сколько мне предметов остается еще сдать, их оказалось сорок восемь. Их нужно было сдать до экзаменационной сессии в 1948 г. Устроились мы у одной старушки за небольшую плату и продолжили учебу. Надо сказать, что мне великую помощь в сдаче предметов экстерном оказал бывший наш новый директор, который прибыл в институт в годы войны и проработал у нас до 1948 г., Василий Петрович Черноголовин. Василий Петрович, милейшей души человек, прибыл к нам в самое тяжелое военное время, когда материальное, техническое положение, состояние жизни коллектива небольшого института находилось в крайне бедственном состоянии. И делал всё, чтобы поддержать как-то материальную жизнь и сохранить коллектив и в то же время продолжать экспериментальные работы и всё, что было возложено на институт.

В мое положение он вошел, я бы сказал, по-отечески. Ректор Мичуринского института, Быстров Борис Александрович, оказался его другом по Омскому институту, где они вместе учились. Б. А. Быстров потом воевал в Отечественную войну, был сильно ранен, награжден, и после окончания войны его назначили ректором Мичуринского плодово-овощеводческого института. Василий Петрович написал записку Борису Александровичу Быстрову, о том, что едет сотрудник, многосемейный человек, что ему по материальным условиям нет возможности часто ездить из Хабаровска в Мичуринск для сдачи предметов, но парень он способный

и мог бы сдавать предметы экстерном, без детальной отработки практических занятий. А заочник, как известно, обязан представлять письменные работы, затем отрабатывать лабораторно-практические занятия и сдавать экзамен, как обычно. А мне предстояло сорок восемь дисциплин, таким образом, отработать. Когда я пришел к Быстрову с этой запиской, он скептически улыбнулся, говорит, что это законом не положено. Заочник должен отработать всё, что полагается по существующим правилам, по соответствующим положениям. «Ну, впрочем, я могу тебе помочь только в одном, если профессор или преподаватель согласятся принять у тебя устный экзамен без предварительных письменных работ, а лабораторные ты отработаешь, то я не буду возражать. И вроде разрешать не будет, возражать, и, возможно, таким образом, ставить соответствующую отметку по предмету». Надо еще сказать, что мне помогло и другое. Наш техникум сначала находился в этом же здании, а затем в это же здание поселили плодоовощной институт. Преподаватели были практически одни и те же, конечно, и новые пришли, кое-кто сменился. Основной же контингент преподавателей остался старый, меня знали по техникуму как примерного ученика. Конечно, не все преподаватели соглашались принимать зачеты и экзамены без письменных работ, но большинство соглашалось, и это облегчало мое положение. Дело у меня пошло нормально, учеба была успешной, тем более что общие дисциплины, касающиеся садоводства, сельского хозяйства, производства животноводства, всё, что было положено сдавать, все эти дисциплины были практически одинаковыми, как и в техникуме, может быть, только размеры их, так сказать, по институтской программе были несколько больше, чем по техникумовской. К тому же в комплексном институте земледелия и животноводства в Хабаровске, где я работал, многие темы по сельскохозяйственной тематике, животноводческой, механизаторской и т. д., в какой-то степени совпадали с институтскими программами.

Всё это облегчало мое положение, и сдача экзаменов и зачетов шла у меня успешно. Были такие случаи, когда общие дисциплины я готовил за 3–5 дней. Были такие случаи, что и заставляли отрабатывать, например, по мелиорации, по геодезии, но основные дисциплины — растениеводство, земледелие, животноводство,

по животноводству предметов много было, таких как частное животноводство, кормление и разведение, племенное дело и другие. Что касается плодоводческих, овощеводческих, земледельческих дисциплин, то они мною изучались, и оставалось только возобновить в памяти и идти сдавать. Сдал я все предметы на «отлично» с первого же захода, за исключением одного предмета — частное животноводство. Предмет этот вел профессор Сайфутдинов, очень принципиальный, и у него был такой подход, что ни один студент за весь период обучения не сдавал экзамен с первого захода. Вот этот предмет и не давал мне возможность получить диплом с отличием. Ну и черт с ним! В конце концов не в этом дело. Надо сказать, и в институте у себя я потребовался, наступала весна 1948 г., надо было приступать к селекционным работам, гибридизации, скрещиванию, уходу и т. д. А выполнять эти работы в институте вроде бы некому. К этому времени в руководстве института произошли некоторые изменения. В результате интриг были большие нападки были на директора Василия Петровича Черноголовина, который возглавлял институт в военный период.

Что собой представлял тогда институт? Это был городской участок, в котором находился наш селекционный сад, небольшие опытные поля по полевым культурам, по селекции овощных культур и сои. Сам штат не увеличился или увеличился незначительно. Словом, видимых, выдающихся результатов нет. Вынесли рассмотрение достижений института на крайком, но там появились такие возгласы, правда, поменялись секретари крайкома и заведующие отделами (даже не знали, где наш институт находится). Но оставались еще и старые работники крайкома. Вот один из заведующих сельхозотделом, кажется Веденов, рассказал, какие здесь прекрасные сливы, вишни и яблони, какие овощи и все прочее. В конце концов, гнев был сменен на милость. Институт закрывать не стали, как предлагали, а решили освободить директора Василия Петровича Черноголовина без права занимать директорскую должность. Впоследствии он уехал в Китай, где в течение нескольких лет преподавал в Китайской сельскохозяйственной академии. Затем вернулся в Алма-Ату, где раньше работал, заведовал кафедрой растениеводства Казахского сельскохозяйственного института.

Место директора занял Александр Григорьевич Новак. Получаю телеграмму, письма от своего заведующего, Алексея Васильевича Болоняева, от Новака Александра Григорьевича. Требовалось немедленное мое возвращение.

В июне обычно проходят государственные экзамены, а я к маю уже все предметы сдал и мог идти на государственные экзамены. Что значило в то время для меня уехать? Уехать — это не получить диплом, а дальнейшие поездки при моем материальном и семейном положении были практически невозможны. И я решил во что бы то ни стало дождаться государственных экзаменов, получить диплом и потом, уже с дипломом, вернуться в Хабаровск.

А меня уже посчитали беглецом. Алексей Васильевич и Александр Григорьевич шлют письма: наступила весна, надо скрещивать, опылять, гибридизацию проводить, а меня нет. «Немедленно возвращайся, иначе мы тебя уволим». Ну я решил, если я уеду сейчас, то уже я никогда таких денег не соберу, и снова я не смогу закончить образование в Мичуринске. Решил идти ва-банк.

Там еще заочники были. Был директор Крымской селекционно-генетической станции ВИРа. Этот директор предлагает: «А брось ты свой Дальний Восток, и поедем в Крымск на опытную станцию. Займешь там должность заведующего отделом по любой культуре, которая тебя заинтересует». Причем эта Крымская станция специализировалась по косточковым плодовым породам, сейчас — это крупная опытная станция ВИРовская. Ведает ей академик Геннадий Викторович Еремин, очень талантливый селекционер. Но, конечно, менять местоположение в Хабаровске, куда я стремился в период учебы в техникуме, в период работы у Ивана Владимировича Мичурина, вся моя клятва, что называется, совесть не позволяли мне такой реверанс сделать, бросить всё, уехать. Кроме того, перевести семью из пяти человек не так просто. Я, конечно, наотрез отказался.

В июне состоялся государственный экзамен. Выдержал я его на «отлично», все до одного предмета. Получил диплом, и в июле 1948 г. вернулся в Хабаровск. Мое служебное положение с получением диплома о высшем образовании осуществлялось уже в другом плане. Хотя к этому времени, без официального диплома, я занимал должность исполняющего обязанности младшего науч-

ного сотрудника, моя научная работа по селекции сливы, вишни, абрикоса не включалась в тематические планы, хотя к тому времени ряд сортов уже получили признание [25]. В частности, сливы и вишни получили признание, и питомником имени Лукашова широко размножились. Впоследствии они были перенесены на государственные сортоучастки, в результате многолетнего государственного испытания, я получил авторские свидетельства в общей сложности на тринадцать сортов. С этого начался, в какой-то степени, мой рост.

Приезжаю, конечно, с чувством исполненного долга. Я, наконец, достиг диплома. Но, уезжая с дипломом из Мичуринска, я тут же поступаю в заочную аспирантуру. Конкурс был из трех человек, моя кандидатура оказалась предпочтительнее, и меня зачислили аспирантом-заочником кафедры селекции института, который возглавлял академик Павел Никанорович Яковлев. Павел Никанорович при жизни Мичурина занимал ведущее второе положение после Ивана Владимировича.

Г. Казьмин на учетах урожайности войлочной вишни

ГЛАВА 7

ОТ ИНСТИТУТА ДО АСПИРАНТУРЫ

Мое служебное положение улучшилось, я был переведен в старшие научные сотрудники, и моя тематика, которую я, с 1937 г. вел без всякого плана, на свой страх и риск, приобрела законные права. К тому времени у меня была выделена серия сортов сливы, вишни. Я активно работал по селекции абрикоса, сливы, вишни. И Серафим Тимошин (гл. агроном питомника имени Лукашова) в больших количествах брал эти новые сорта, размножал, распространял среди населения [17].

1948 год, немного времени прошло после окончания войны, но уже появились признаки оживления и в сельском хозяйстве. Понемногу увеличивалось количество техники в колхозах и в совхозах. Начали развиваться овощеводство, картофелеводство, животноводство. Появилась тяга и к садоводству. Надо сказать, она не утихала и в период войны среди горожан, а после окончания войны особенно появилась эта тяга. К тому времени оживил свою деятельность и плодово-ягодный питомник имени Лукашова. Если в период войны саженцы с трудом приходилось реализовывать населению, то после войны спрос на них намного увеличился.

Моим научным руководителем в аспирантуре был Павел Никанорович Яковлев, академик, пер-

Карточка отчета по гибридизации, оформленная рукой Г. Казьмина

вый ученик Мичурина. Он продолжал работы Мичурина по выведению груш зимних сортов, персиков, абрикоса. У меня же к тому времени диссертация была готова. Уже были свои сорта, свои выводы, свои наблюдения. Причем сорта в массовом масштабе размножены. Оставалось, поскольку аспирантура заочная, сдать дисциплины аспирантского минимума, и можно писать и представлять диссертацию к защите.

Как-то я написал статью в журнал «Агробиология» по межродовой гибридизации абрикоса и вишни войлочной со сливой и послал Трофиму Денисовичу Лысенко, а тот запросил П. Н. Яковлева, моего руководителя: мол, что у тебя там за аспирант появился с такими статьями и насколько это достоверно?

Но, так или иначе, в 1951 г. моя кандидатская диссертация была готова, все предметы были сданы. Осенью 1952 г. институт в Мичуринске принял диссертацию к защите. Назначили срок защиты, но нужен был официальный оппонент — доктор наук. В тот период в Мичуринске был всего один доктор, профессор Веньяминов. Он диссертацию прочитал, нашел много оплошностей и сказал мне: «Если я буду официальным оппонентом, то тебе придется крепко защищаться, и маловероятно, что успех у тебя будет обеспечен. Я тебе советую поискать другого оппонента». В самом деле, он косточковед крупный, но сама тематика и исходные формы слишком различались, и ему казалось, что это противоречит общему направлению селекции косточковых пород. Ну что делать… Пришлось поблагодарить за совет и искать оппонента.

Мне посоветовали съездить в аграрный университет К. А. Тимирязева к заведующему кафедрой плодоводства, члену-корреспонденту ВАСХНИЛ Колесникову Венедикту Андреевичу. Показал я ему свои материалы, он говорит: «Диссертация хорошая, в назначенный срок приеду». Защита состоялась, и в 1952 г. я преодолел барьер еще одного своего академического продвижения в науке.

Финансирование со стороны Министерства сельского хозяйства, а точнее, Главкнауки, которому принадлежали научные сельские учреждения, в том числе наш институт, по-прежнему было очень скудным. Припоминаются приезды Александра Григорьевича Новака из Москвы, его отчеты на ученых советах, что он провел там большую работу, и министерство, Главкнауки, вы-

Хабаровск в 1950-х гг., пл. Ленина

делил на капитальное строительство сумму в пределах 35–50 тыс. руб. Что можно было построить на эти деньги? Двухквартирный деревянный дом. Но к 1950-м гг. выделили уже побольше денег, и мы организовали строительство каменного двухэтажного здания на ул. Карла Маркса, 105. Это здание и сейчас стоит. Строили мы его «народным способом». Сами возили бутовой камень, сами копали котлован, заливали бутовым камнем, ставили фундамент, и потом приходили квалифицированные рабочие и возводили это двухэтажное здание. Тогда шла извечная борьба за эти квартиры, произошла она и у нас.

Случилось так, что, поскольку городские рабочие треста Хабстрой всё время находились там, то при отделочных работах, когда дом готов был к сдаче, они между собой распределили эти квартиры. Заняли их и начали осваивать под собственное жилье, а мы оказались, что называется, с носом. И тут произошла необъявленная война, вплоть до того, что выгоняли оттуда посторонних с помощью пожарных машин. Да, были даже такие случаи, что баррикадировались снаружи двери, мешали возможности внешнего общения, снабжения продовольствием. В конце концов, мы все-та-

ки вытурили жильцов и заняли здание под лабораторный корпус. Наши возможности лабораторных исследований в значительной степени расширились, так как появился водопровод, газ, условия для проведения анализов и других вспомогательных работ значительно улучшились. Впоследствии мы его заняли под квартиры.

Говоря о своей научной, производственной, внедренческой и всякой другой деятельности, надо все-таки немного сказать об общественной работе. С самого начала поступления в институт я старался принимать активное участие в общественной жизни коллектива. Позднее меня заметили в районе, и в 1950-х гг. начали избирать в депутаты Железнодорожного районного совета. Наш институт находился на его территории, и соответственно партийная организация и само учреждение подчинялись Железнодорожному райкому. Избирали меня депутатом пять раз.

В 1950-х гг. увеличили ассигнования, и нам выделили деньги под капитальные лабораторные здания. Проект строительства лаборатории Дальневосточного института земледелия и животноводства был составлен давно. Был в Хабаровске в должности городского архитектора знаменитый архитектор по фамилии В. М. Кампиони. По старому проекту там предусматривались различные украшения, приспособления для специализированных сельскохозяйственных работ, даже конные выходки, но, когда начали строить и выделили эти деньги, вышло постановление ЦК об излишествах, и те украшения, которые предусматривал Кампиони (его к тому времени уже не было), ликвидировали. И здание осталось в том виде, каком существует и сейчас. По карнизам последнего этажа вылепили какое-то украшение, а само здание обычное, без особых выкрутасов.

Строили мы его тоже «народным способом». Сами возили бут, грузили, сбрасывали его в выкопанные ямы для фундамента. Строили очень долго, надо сказать, строительство велось очень медленно, тем более сельское строительство, на него выделялись очень небольшие средства. Но помогали во всех работах: и в капитальных, и в отделочных работах, и в благоустройстве. Возвели вдоль дороги кирпичную капитальную стену, обсадили деревьями. Я притащил со своих селекционных посадок абрикосы, часть их и сейчас сохранилась.

Цветение абрикосов Г. Т. Казьмина на фоне здания института построенное по проекту В. М. Кампиони в Хабаровске.

Мы впервые, в 1957 или 1958 г. обрели настоящий Дальневосточный научно-исследовательский институт земледелия и животноводства, со всеми вытекающими отсюда правами зонального института. Лабораторное оснащение значительно улучшилось. Можно сказать, мы разместились очень удобно со всеми необходимыми подсобными помещениями. Отопление сначала было автономное, и углового дома двухэтажного, и вновь построенного лабораторного здания. Была своя кочегарка. Ушло много времени, чтобы подключить ее к городской отопительной сети, много времени и средств. Но все же это произошло.

К этому времени понемногу стали расширять наше экспериментальное хозяйство, которое расположено, если ехать по трассе, на 12-м км шоссе, а затем еще 2 км до поселка. Особых капитальных сооружений там не было, в основном стандартные деревянные домики, чаще одноквартирные, и некоторые хозяйственные постройки. Вся материальная база и посевные площади не выходили

за пределы 100 гектаров, где восемьдесят гектаров засеивалось овсом, 15–20 гектаров картофелем и другими культурам. Содержалось тридцать коров.

В моей научной и литературной деятельности, селекционной работе, в работе по развитию садоводства края и зоны десятилетие между 1950-ми и 1960-ми гг. считаю наиболее плодотворным. Селекционные насаждения непосредственно в отделе плодоводства по косточковым плодовым породам достигли почти трети площади, занимаемой отделом. Мне удалось собрать большую коллекцию народной селекции по сливе, и созданный уже непосредственно на их основе гибридный фонд занял большую площадь. Появились мои сорта, которые были размножены, и формы, наиболее перспективные для дальнейшего изучения и селекции; высажены были по десять и более деревьев, заняли очень большую площадь. Этот период был также очень плодотворным в распространении моих сортов сливы, вишни, а позднее и абрикоса среди населения, в коллективных, приусадебных садах и закладке производственных насаждений. Интересно отметить своеобразный метод заинтересовать простого жителя, чтобы он посадил эти растения. В это десятилетие при крайзо в питомнике им. Лукашова функционировала школа садоводов и пчеловодов, продолжительное время работала школа председателей колхозов. Меня привлекали к преподавательской деятельности по садоводству и овощеводству. Я был постоянный преподаватель. В это время у меня уже по вишне сформировалась плантация около полугектара, уже свои сорта и сеянцы-гибриды вступили в пору плодоношения. Я своих учащихся и школы садоводов и председателей колхозов в период созревания вишни водил на практику на сбор плодов и одновременно выставлял бутыль вина, которая у меня хранилась еще с прошлого года. Мои ученики, собирая и пробуя плоды вишни, пробуя вино из нее, убеждались, что эта культура заслуживает самого пристального внимания. Помню, многие набивали карманы косточками, чтобы посеять их и вырастить саженцы на своих усадьбах. Должен подчеркнуть, что вишня войлочная является прекрасным растением для приусадебного и коллективного садоводства. Она рано созревает, дает плоды, по вкусовым качествам намного лучше, чем обыкновенная вишня на длинной плодоножке, которая разводится

во всех странах европейской части страны. Я в этом убедился еще на практике в питомнике Мичурина. Она созревала первой среди многочисленных видов, сортов и форм и давала сладкие плоды. Не случайно И. В. Мичурин обратил на нее свое внимание и первым начал внедрять в селекцию и в культуру, он так и писал, что в социалистических садах вишня должна занять свое место [7]. В наших условиях за очень короткий период благодаря деятельности питомника им. Лукашова, очень простого ее размножения, она заняла важное место в приусадебных и коллективных садах, городах, городских двориках и палисадниках. Правда, в товарной культуре ее много не было, но солидная плантация была в питомнике им. Лукашова. Винный материал из вишни превосходный. Из нее можно получить прекрасное столовое вино, причем созревает оно буквально за месяц. Сразу после сбора и отжатия сока, покрытое большим количеством диких винных высокоэффективных дрожжей, бурно бродит, быстро созревает и осветляется.

Мой помощник Владимир Антонович Марусич набирал ящики вишни, помещал их в стиральную машину, прокручивал немного, для размягчения, отделял сок от косточек и мякоти, тут же сливал в бутыли или бочки, заправлял сахаром из расчета 150 граммов на литр сока и через месяц-два получал прекрасное вино, а если при дображивании это незрелое вино поместить в бутылки из-под шампанского и прочно закрепить пробку, то получается отличное вишневое шампанское.

В крае в этот период начало зарождаться промышленное садоводство, закладывались промышленные сады: Вяземский, Бикинский. Помню, в пчелосовхозах, в частности в Бирском и других, закладывали большие сады промышленного типа [17].

Коротко расскажу об организации Бикинского специализированного плодово-ягодного совхоза. Однажды нас, плодоводов, А. В. Болоняева, С. И. Тимошина и меня вызывает председатель крайисполкома. Смотрим, у него лежат на столе наши книги, в частности моя книжица «Коллективный и приусадебный сад». Чувствуется, что председатель уже что-то читал по садоводству, ознакомился и дает нам задание: «Вот у нас Бикинский район, город растет большой, развивается промышленность, население увеличивается, людей нужно трудоустраивать, находить им работу.

По климатическим условиям Бикин у нас своя Швейцария, поэтому поезжайте и выберите местоположение для большого промышленного сада». Мы приступили к выполнению поручения председателя крайисполкома. Была составлена комиссия, в ней особенно активное участие принимали тогдашний начальник садоводства края Колбин Василий Аркадьевич и главный агроном этого отдела Сураева Галина Гавриловна. От института включили меня. Мы довольно основательно объездили многие места Бикинского района, в том числе таежные, сельские населенные пункты, и остановились на местоположении по Васильевской дороге в сторону границы, примерно в трех-четырех километрах западнее Бикина к границе. Это был большой таежный массив с довольно разнообразным рельефом, склонами различных экспозиций, северные, южные, западные, юго-западные. На них можно было расположить в соответствии с биологическими особенностями наших сортов того времени, зимостойкостью на те склоны, которые в большей степени соответствуют им. Были выделены солидные ассигнования, и мелиоративные организации взялись за раскорчевку и освоение массива под насаждения. За сравнительно короткий период удалось подготовить большую площадь и заложить большие промышленные массивы, прежде всего груш-лукашовок, яблонь новых сортов, черной смородины, других ягодников и сливы. Я для этой цели в своем питомнике организовал размножение и выращивание саженцев своих лучших

сортов. И в один из годов этого периода заложил массив почти десять гектаров. В моей монографии «Дальневосточные сливы», которая стала моей докторской диссертацией, есть большой снимок этого сливового сада в цветущем состоянии [3].

В первые годы, когда я вел ежегодные наблюдения и часто там бывал, эти насаждения характеризовались ежегодной урожайностью и высокой продуктивностью. К сожалению, дальнейший ход событий не дал возможность продолжать работу по развитию этого товарного садоводства. Сады были запущены, средства прекратили выделять, интерес к ним потерялся. В более северных районах ЕАО удалось заложить большой сливовый сад; Вяземском плодово-ягодном совхозе также удалось заложить около десяти гектаров сливовых насаждений и во многих других. Работа проводилась и в Приморском крае, где особенно широкое развитие получило товарное садоводство. Крупных садов там было заложено 12–15, это только специализированных, плодово-ягодных, плодово-питомнических, плодово-виноградарческих совхозов. В небольших количествах посадили даже на Сахалине, там было четыре совхоза. Один плодово-ягодный совхоз был на Камчатке. Делали первые попытки широкого изучения хабаровского ассортимента, который создан в условиях Хабаровска.

В Приморском крае по приглашению начальника управления садоводства, а потом треста Носенко, я участвовал в выделении и определении местоположения для ряда совхозов, для плодово-ягодной опытной станции, ее перенесение из района Уссурийска ближе к Владивостоку, ее нынешний приемник, где располагается Приморская плодово-ягодная опытная станция.

Инициатором закладки Бикинского плодово-ягодного совхоза был председатель крайисполкома Дерюгин. В деятельности института тоже были серьезные улучшения. С приходом к руководству страны Никиты Сергеевича Хрущева государство обратило внимание на сельское хозяйство. Экономические изменения касались самой структуры сельского хозяйства. Был массовый переход от колхозов к совхозам, заговорили о целине, о выделении средств на интенсификацию сельскохозяйственного производства, стали чуть больше выделять средств на науку. Наш институт в тех рамках, в которых он находился, в городских и так называемого Матвеев-

ского отделения, где все посевные площади не превышали 100 га, давал очень мало продукции, практически не обеспечивал хозяйство элитными семенами уже созданных сортов. Он уже не мог отвечать новым требованиям. Назревала необходимость расширения, создания крупного опытно-производственного хозяйства и в самом институте, и в подчиненных ему опытных учреждениях.

После известного постановления в конце 1950-х гг. о развитии сельского хозяйства и провозглашения интенсификации, а именно мелиорации, химизации, механизации, условия для развития сельского хозяйства улучшились. Было выпущено специальное постановление о развитии сельского хозяйства Дальневосточной зоны и Читинской области, которым также предусматривался ряд мероприятий по улучшению финансирования и снабжения сельскохозяйственного производства. В институте к тому времени установилось твердое руководство. Директором был уже довольно продолжительное время доктор сельскохозяйственных наук Александр Григорьевич Новак, его заместителем по науке бессменно был Башкин. Опытным или скорее подсобным хозяйством, Матвеевским отделением мы его называли, руководил Виктор Анисимович Лементуев. Материально-техническая база опытно-производственного хозяйства не соответствовала поставленным задачам. Это было самое примитивное хозяйство с очень слабой материально-технической базой, не было самого простого и необходимого, того же сушильного хозяйства для семян. Построили небольшую сушилку, но она не могла справляться с подготовкой семян. Назрела необходимость преобразований. Но к концу десятилетия неожиданно заболел директор института А. Г. Новак, его парализовало, он долго лечился и в конце концов был вынужден уйти в отставку.

Начались поиски директора института. Временное исполнение обязанностей возложили на заведующего отделом плодоводства А. В. Болоняева как наиболее перспективного из штата заведующих различными подразделами института. Алексей Васильевич, будучи узким специалистом-селекционером плодовых культур, (яблони и груши) не хотел быть директором. Он исполнял обязанности около восьми месяцев, этот период совпал с работой по составлению зональных систем ведения сельскохозяйственного про-

У Г. Т. Казьмина была любимая поговорка:
«Чтобы жизнь ваша шла в гору, а не под откос — разводите абрикос!»

изводства. Он не чувствовал в себе силы для такой работы. Очень переживал и делал всё, чтобы найти себе замены.

Ездил в Сибирь на одну опытную станцию и вроде бы привез себе заместителя. Но тот директор из Новосибирской сельскохозяйственной опытной станции приехал, объехал хозяйство, ночевал ночь и наутро, не объявляясь, снова уехал на свою родину. Начались поиски местных. Из числа дальневосточников такими высокими деловыми качествами организатора науки и сельскохозяйственного производства обладали две кандидатуры: Воложенин Андрей Григорьевич, директор Приморской плодово-ягодной опытной станции, и Неунылов Борис Александрович, в то время один из первых докторов сельскохозяйственных наук по специальности рисовик. На предложение Хабаровского крайкома партии стать директором Дальневосточного зонального института (те, конечно, прекрасно знали, что представляет собой база института) оба наотрез отказались.

В 1958–1959 гг. был решен вопрос о перемещении института из города на новую базу. В соответствии с постановлением ЦК КПСС Совета министров сельскохозяйственные институты переводились из городов в сельскую местность, и даже шла

речь о перемещении сельскохозяйственной академии из Москвы в Курскую область. А уже руководящее министерство сельского хозяйства РСФСР и СССР были переведены в сельскую местность. По этому постановлению у нас тоже начались поиски. Зональные институты должны иметь размеры среднего хозяйства района их деятельности с соответствующими посевными площадями, поголовьем скота, с соответствующей базой. Начались поиски местоположения для нового института. Предлагался Краснореченский совхоз, там тоже местоположение — таежная местность в основном, предгорье Хехцира, пахотнопригодных земель для растениеводства недостаточно. В 1958 г. была большая амнистия, подсобное хозяйство НКВД в районе Восточное было ликвидировано, и на его базе организован совхоз. Совхоз начал обосновываться в селе Князе-Волконское, но этот совхоз решили организовывать на базе подсобного хозяйства НКВД. На базе этого совхоза определился директор, администрацию сформировали, приняли хозяйство и начали работать. После длительных поисков пришли к выводу, что лучшего места в пригороде Хабаровска, как Восточное, нет. Было решено присоединить к этому хозяйству НКВД еще колхоз села Черная Речка, колхоз «Боевик», Ситинское подсобное хозяйство Дальрыбтары, имевшее солидные посевные площади. Матвеевское отделение, которое уже было в составе института, сейчас называется село Чистополье, а Ситинское называется село Ровное, и городское отделение, в частности отдел плодоводства, и там же были небольшие посевы по другим отделам. Таким образом, сформировалось землепользование размером около 14 тыс. гектаров. Пашни, правда, было немного: та, что была в Матвеевском отделении, бывшем подсобном хозяйстве института, в Чернореченском колхозе «Боевик» около 800 га, Ситинского отделения.

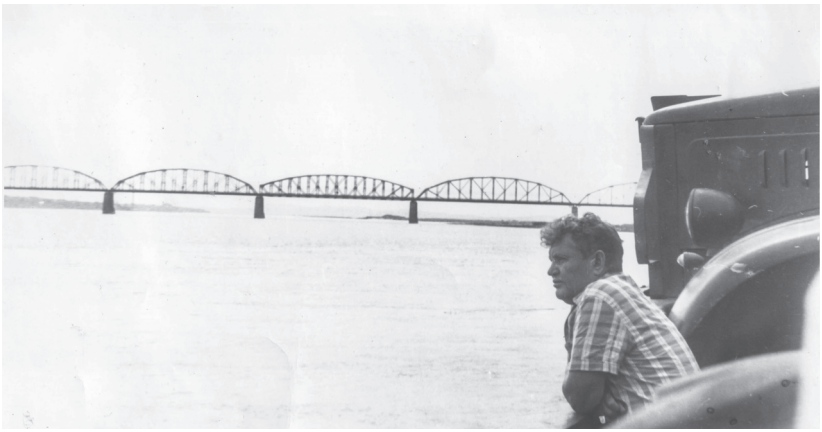
Итак, принято решение крайкома определить местоположением бывшее подсобное хозяйство НКВД. Это был обычный поселок заключенных, состоявший из нескольких бараков типа финских. Контора — маленькая двухэтажка, и несколько домов кирпичных или деревянных, в которых проживала охрана и администрация хозяйства НКВД. Было два коровника на сто голов каждый, телятник и очень примитивная кузница. Посевная площадь состояла,

по-моему, из восьмидесяти гектаров, на которых возделывались кормовые культуры для коров, и довольно большой массив перед военной частью, а сейчас перед институтом, поселком, на котором расположены огороды сотрудников института. Вот и всё хозяйство. На нем уже начал хозяйничать новый директор совхоза, очень энергичный, военный человек по фамилии Галете. Я с ним встречался еще в 1936 г. в Лесозаводске, когда работал в краевом управлении сельского хозяйства, а он был начальником подсобного хозяйства местных военных частей Шмаковского района. Очень энергичный, опытный, волевой деятель. И вот он вдруг оказался здесь в Хабаровске, и его назначили директором Чернореченского совхоза. Этот совхоз, расположенный в селе Князе-Волконское, называется «Чернореченский совхоз». А у нас еще в институте не было директора.

Крайком принимает решение назначить директором Федора Федоровича Тоталина, директора Хабаровской МТС в это время. Как раз эта территория находилась под его опекой. Он обслуживал как директор МТС и Черную Речку, и это подсобное хозяйство, что передали Князе-Волконскому. Федор Федорович был уже известной личностью в Хабаровском крае. До этого он сменил несколько должностей. Был директором МТС в Вяземском районе, директором овощно-картофельной опытной станции (была такая станция, которая впоследствии перешла к нам в институт на правах отдела овощеводства и картофелеводства), и даже был одно время начальником крайзо краевого управления сельского хозяйства. Федор Федорович тоже оказался по образованию плодовод, закончил, кажется, Саратовский сельскохозяйственный институт, отделение плодоводства, и уже показал себя опытным, волевым руководителем, человеком со своеобразным мышлением. Он до этого служил в армии, можно сказать, не боялся никого и ничего, какое бы ни было начальство, смело шел и смело мог решать вопросы. Это человек немного выше среднего роста, красивой внешности с волевым лицом немножко восточного типа, словом, больше всего подходил в данный момент для перевода и реорганизации самого института. Я не могу сказать, как уговаривали его на эту должность. Он уже знал институт, раньше бывал, я, в частности, с ним познакомился в институте,

а потом ездил к нему за сортовым картофелем сорта «Бербанк» для своего участка.

Тогда на опытной станции у него произошел инцидент с партийным районным руководством, он не подчинился и был исключен из партии. Но он продолжал работать, как ни в чем не бывало. А тут возникла потребность в начальнике краевого управления сельского хозяйства, долго не могли найти подходящую кандидатуру. Ставят Ф. Ф. Тоталина, и он соглашается, становится начальником, работает, и тут, когда секретарь парторганизации пришел к нему за членскими взносами, выясняется, что он не член партии, в Вяземском райкоме исключили. Конечно, его быстренько восстановили, и он стал снова членом партии. Здесь надо, конечно, было укреплять МТС и в первую очередь центральные машинно-тракторные станции, в том числе хабаровскую. Через какое-то время он становится начальником МТС, директором хабаровской МТС, с этой должности его и назначают директором Дальневосточного научно-исследовательского института сельского хозяйства. Это произошло в конце 1959 г. Ему предстояло делить хозяйство вновь организованного совхоза, который возглавлял Галете.

Г. Т. Казьмин на паромной переправе через Амур у г. Хабаровска на фоне старинного железнодорожного моста. Мост был построен в 1897 г., ныне демонтирован, в качестве музейного экспоната один пролет моста выставлен на берегу, возле развязки на новый мост. Новый мост изображен на купюре достоинством 5 000 руб.

ГЛАВА 8

НАЗНАЧЕНИЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

До этого уже произошла эпопея ликвидации городских коров, и часть коров горожан были переданы в тогда еще подсобное хозяйство НКВД, а теперь они остались в новом совхозе у Галете. Галете — умный директор Чернореченского совхоза, пока искали директора института, писали постановление, он успел перевести на базу бывшего там колхоза лучший скот, корма и всё, что там было более менее приличного. Помню, из кузницы даже увезли наковальни и молотки. Вот Федору Федоровичу пришлось принимать хозяйство без кормов. Скот, холеный горожанами, выкормленный на печеном хлебе, оказался без кормов, соответствующего оборудования, базы, словом, основывать всё на новом, голом месте. Но Федор Федорович не растерялся, проявил много энергии, чтобы спасти скот, а коровы от бескормицы не стояли на ногах, а подвязывались под брюхо веревками. Находил выходы пока на местах, а затем уехал в Москву за кормами. Надо сказать, что и материальные возможности, в частности, наряды на концентрированные корма получали через Москву.

Неожиданно в феврале Федор Федорович привозит приказ министерства Главнауки о моем назначении заместителем по научной работе

Дальневосточного института сельского хозяйства. Для меня это было крайне неожиданным. Готовился ли я когда-нибудь к такой должности, селекционер косточковых культур, деревенский паренек из неграмотной семьи, который боялся этого начальства, как говорят у нас, «боялся тележного скрипа», и вообще кроме селекционной работы ни о чем другом даже не мечтавший? Хотя бы потому, что когда переводили перевозкой плодово-ягодной станции на новое место, то мне начальник управления предлагал должность директора плодово-ягодной станции. Я, конечно, наотрез отказался. А здесь Федор Федорович даже перед отъездом ни разу и словом не намекнул, не сказал о своем намерении. Ничего подобного не было. В Москве кто-то ему посоветовал мою кандидатуру. Так стал я его заместителем. Федор Федорович очень волевой человек, неунывающий при любых обстоятельствах. Он говорил: «Не горюй, Гриша, я тебя научу, как руководить».

Вся зима 1960 г. прошла у нас в заботах о том, как сохранить поголовье, оставшееся без кормов, и начать как-то организовываться. В институте в то время кадры хотя и были, но остепененных было два-три человека, зарплата низкая, у старшего научного сотрудника 88 рублей, он же заведующий, тоже 88 рублей. Многие отделы не были укомплектованы заведующими, не было заместителя директора по производству, специалиста и заместителя директора по капитальному строительству, а самое главное, не было директора нового, уже укрупненного опытно-производственного хозяйства. Всё это надо где-то найти, укомплектовать в очень короткий срок. С утра, по своей старой директорской привычке, как директор МТС, садит меня рядом в машину, и объезжаем новое свое хозяйство. Начинается с накачки руководителей, и в общем хозяйственная деятельность. Отругает в одном месте, поехали в другое. Чувствую, что эффекта от этого практически нет. Даже когда остаешься один на один с заведующим фермой, телятником, с работниками, вот говорит «директором был МТС, ругал нас и сейчас ругает, а кормить скот всё равно нечем». Но он всё-таки нашел выход, скот эту зиму полностью сохранили до начала пастбищного сезона, кое-что подкупили, кое-что увезли с наших же сенокосных угодий, на наших вели заготовки сена военные, воспользовались их сеном не без скандалов. Так или иначе прожили зиму.

Я говорю: «Федор Федорович, надо всё-таки составлять тематические планы, методики, формировать рабочую группу по выполнению тематического плана». А он отвечает, что сейчас главное сохранить скот. Так мы начали работать. Думаю, если бы Федор Федорович остался на долгое время или, может, на тот период, который на меня выпал, без малого 30 лет, дела института были бы намного лучше. Наша с ним совместная деятельность продолжалась очень недолго к великому моему сожалению. В этот же год ЦК издал постановление о развитии сельского хозяйства страны, укреплении руководящих кадров краевых и областных исполкомов. Требовалось, чтобы в числе первых заместителей председателя крайисполкома или облисполкома был человек на уровне директора научно-исследовательского института. Федор Федорович степени не имел и, кстати сказать, не стремился к этому, даже на преподавательской деятельности, так и не захотел защищаться, хотя мог бы быть и доктором, и академиком по своим познаниям.

Федора Федоровича в конце 1960 г. перевели первым заместителем председателя крайисполкома. А председателем в то время

Рассмотрение планов развития.
Второй справа — Ф. Ф. Таталин, слева от него Г. Т. Казьмин

был Черный Алексей Климентьевич. Я автоматически остался исполняющим обязанности директора института.

Федор Федорович Таталин недолго проработал в качестве первого заместителя председателя крайисполкома, работа у него не заладилась, видимо, с председателем, а скорее всего, не удовлетворил крайком партии. Он в конце 1960 г. был освобожден от работы. Я очень обрадовался этому обстоятельству и поспешил к секретарю крайкома по сельскому хозяйству. С секретарем у меня уже сложились хорошие отношения, и служебные, и деловые, и просто чисто человеческие. Радостный вхожу к нему в кабинет и говорю, что Федора Федоровича освободили. Он, обычно доброжелательный, строго посмотрел. Я говорю, что надо его возвращать на прежнюю должность директора института, я исполняю обязанности. Он привстал, стукнул по столу и крикнул: «Ты куда пришел?!» — «В крайком». — «Тебя поставили директором и работай! А уже дальнейшая судьба Федора Федоровича это наша забота!».

Мне ничего не оставалось, как уйти из кабинета в тягостном, грустном настроении. Мою работу изучали в крайкоме, и в конце концов на бюро крайкома вынесли вопрос о моем утверждении в качестве уже не исполняющего обязанности, а настоящего директора института. Как обычно, эти организационные вопросы решаются в конце заседания бюро. Вызвали меня на пять часов вечера, посадили в приемной, ждем, когда начнется кадровый процесс. Заседание сильно затянулось, уже было семь-восемь часов вечера, и в девятом часу, наконец, приступили к кадровым вопросам. Я, конечно, подготовил большую речь о невозможности утверждения меня на должность директора. Ну, думаю, члены бюро крайкома поймут и учтут мои суждения. Конечно, основания у меня для отказа были веские. В самом деле, селекционер косточковых культур, ни разу не руководил, и ставят директором такого зонального института, да и еще в такое время становления в сущности на новом месте в отсутствии инженерных коммуникаций и многого другого.

Тот, кто утверждался, знает, в чем состоит процесс. Стоит стул на расстоянии 5–7 метров от стола президиума. Сидит тот или иной кадр, и ему задают вопросы. У меня было совсем по-другому. Первый секретарь крайкома партии Алексей Павлович Шитиков

задает членам бюро свой вопрос: «Ну как, члены бюро, мы знаем этот кадр?» Они хором отвечают: «Знаем, Алексей Павлович». Так и определилась моя судьба директора института на тридцать лет, а в конце даже генерального директора научно-производственного объединения «Амур». Наши пути с Федором Федоровичем разошлись, он, мой крестный отец на пост директора, ушел на преподавательскую работу. Он был старше меня на несколько месяцев. У нас с ним сохранились на всю жизнь добрые отношения.

Весной следующего года меня вызвали в Москву, в новое министерство науки. Оно было перебазировано в Яхрому и находилось в начале строительства и формирования различных подразделений. Надо было решать многие вопросы, связанные с организацией института на новом месте, составлением тематического плана, структурой института, производственно-финансовым планом нового большого опытно-производственного хозяйства, вопросы снабжения, финансирования и многие другие. Поехал один. С одной стороны, из экономии, а с другой — некого было брать с собой, так как самого аппарата производственно-финансового еще не было. В прежнем институте так называемое наше Матвеевское (базировалось в с. Матвеевка) отделение практически было подсобным хозяйством, каких-либо производственных финансовых планов не составлялось. Наша тематика утверждалась местными органами. Сейчас вводились новые порядки в соответ-

ствии с установками и решениями пленума на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Тематика делилась на государственную, республиканскую, зональную, местную и договорную с хозяйствами. Вводились новые штатные расписания, определялась стоимость проведения работ, источники финансирования.

Надо было решить многие вопросы обеспечения института. Не только соответствующими ассигнованиями, но и их источниками, снабжение института, особенно опытно-производственного хозяйства техникой, удобрениями, концентрированными кормами в связи с существенным увеличением поголовья. Составить новое штатное расписание, чего до сих пор не было, разработать примерный устав института и его опытно-производственного хозяйства, получить реальное финансирование на проведение всех работ, особенно капитального строительства. Дел было много. Я прожил в Москве целый месяц, выполняя эту работу. Знакомясь с материалами, мне удалось составить и штатное расписание, и примерный тематический план института и подчиненных подразделений, определить потребности института и хозяйства в различных материальных ресурсах. Определить штаты, что очень важно. Что касается составления производственно-финансового плана, мне в помощь был выделен куратор от нового министерства, Исаак Владимирович Шепира. Человек оказался высококвалифицированный, уже с большим опытом. Возраст у него был большой, он уже сумел поработать во многих учреждениях и, в частности, в Министерстве сельского хозяйства. Он мне подсказал: «Ты не пожалей тысячи рублей, найми сотрудников производственно-финансового отдела, и они тебе составят производственно-финансовый план опытно-производственного хозяйства так, как это требуется по существующим нормам и правилам».

Мне, конечно, с такой работой было не справиться. В институте и экономиста не было, не было аппарата самого хозяйства. Действительно, этот совет оказался очень полезным. Не пожалел я эти деньги, и мне составили в соответствии с плановыми заданиями первый в истории института производственно-финансовый план ОПХ и утвердили его в соответствующих инстанциях, в отделах и у самого министра. Так институт обрел первые правовые документы, которыми руководствовался и в дальнейшей работе,

конечно, с соответствующими дополнениями, улучшениями, которые вносила жизнь. За этот месяц я немного осмелел, потолкался по министерским кабинетам и образованного тогда бюро ЦК по РСФСР, в частности был такой отдел науки, укомплектованный квалифицированными людьми, учеными. Они со своей стороны как молодому директору обещали мне помощь и даже рекомендовали обращаться к ним и советоваться с ними. На первых порах я, как деревенский мальчишка, всего стеснялся. Бывало, займешь очередь к какому-нибудь начальнику, придешь даже пораньше. Но приходят уже бывалые директора, начальники, на тебя не смотрят, стучатся в дверь и без очереди заходят. Это заметил академик Ираклий Иванович Синягин (в ту пору первый заместитель министра сельского хозяйства и науки РСФСР В. П. Сотникова; он уже был академиком и одновременно был вице-президент ВАСХНИЛ), он меня вызывал персонально: «Григорий Тихонович, зайди на минутку». Таким образом, я оказывался в его кабинете [8].

Мало-помалу я смелел, и дело улучшилось. Решил я очень важную в то время для института задачу увеличения заработной платы заведующим отделов, главному бухгалтеру, заместителю директора по науке, заместителю по капитальному строительству. В тот период зарплата сотрудников была низкой, особенно у заведующих различными отделами. Скажем, младший научный работник, которым я работал, перед тем как получить диплом, получал 550 рублей, старший научный сотрудник получал 880 рублей, причем заведующий отделом, если он не имел степени, тоже получал 880 рублей. Тогда еще подписывались на «займ» на один-два месяца, были различные налоги на бездетность, малодетность, и получалась совсем мизерная зарплата. Поэтому ведущие научные сотрудники, более квалифицированные, неохотно шли на заведование отделами. Кому хочется, помимо своей основной работы еще руководить отделом, отвечать за тематику всего отдела? Опять же по совету Исаака Владимировича, моего куратора, я начал с начальника отдела кадров министерства. И я так хорошо с ним сдружился. Он мне составил смету на 18 штатных единиц, увеличение зарплаты в 1,5 раза. В то время в институте почти не было кандидатов, кандидатам начали выплачивать за степень, а первое время даже и кандидатам не выплачивали за степень. Сумма довольно приличная, она

дала возможность мне укомплектовать ведущее подразделение более опытными, квалифицированными специалистами. Потолкался я и в кабинетах бюро ЦК, в частности в отделе науки, там уже были кандидаты наук. Из их числа многие впоследствии работали на ответственных постах в Российской академии сельскохозяйственных наук, очень опытные, сведущие товарищи, а главное, доброжелательные, со стремлением помочь в работе молодому директору.

Весной 1962 г. я привез из Москвы все необходимые законодательные, руководящие материалы, основополагающие для института. Началась вторая весна моей работы в качестве директора. Пришлось много и основательно учиться и трудиться и набраться смелости ходить к начальству и отстаивать по стойке смирно, когда тебя отчитывают за невыполнение планов производства молока или мяса (такие поставки были возложены на институт), за ход проведения посевных работ, выпрашивать технику, а главное, формировать костяк института.

Прежде всего нужен был директор опытно-производственного хозяйства. Занимался этим в основном сельскохозяйственный отдел крайкома. Одно время заведующим сельхозотделом был Малыкин Иван Степанович. Приду к нему, прошу найти мне или назначить директора большого опытно-производственного хозяйства. Бывших председателей колхоза, директора подсобного хозяйства, директора нашего Матвеевского отделения оставил прежних. А мне говорят, что у меня целый штат ученых, выбирай, мы любого утвердим. Ну как я выберу? Их надо упрашивать. Выбор мой пал одно время на заведующего отделом кормопроизводства Федора Ивановича Платонова. Мы давно знали друг друга, работали бок о бок. На одном из крупных краевых собраний, на котором рассматривались проблемы села, я наконец уговорил Федора Ивановича стать директором опытно-производственного хозяйства. Он дал согласие, я обрадовался, утречком приезжаю, сразу смотрю в кабинет — нет Федора Ивановича. Где он? А не пришел еще. Я к нему на квартиру, смотрю, Федор Иванович заболел и болезненным голосом: «Нет, Григорий Тихонович, я не согласен». После долгих поисков крайком партии нашел директора опытно-производственного хозяйства института. Аж в Мозановском районе Амурской области, там он был секретарем райкома по сельскому хозяйству.

Крайком рекомендует, утверждает, с виду человек, на мой взгляд, стоящий. Начали работать. В процессе работы выясняется, что этот новый директор ОПХ устраивает пьянки (у нас оставалась небольшая птицеферма на территории бывшего лагеря заключенных), по ночам устраивает гулянки. Я лично обнаружил, и мне пришлось избавляться от этого человека. Должен признаться, у меня уже был партком, и секретарь парткома настаивал помимо снятия с работы и на исключении из партии. Это был в моей директорской практике первый и последний случай, когда я увольнял человека с работы и поддерживал исключение из партии, о чем сейчас сожалею, вспоминаю его лицо при этом, его состояние. Конечно, надо было бы воспитывать людей.

После года практики с новыми директорами я решил остановиться на кандидатуре Виктора Анисимовича Лентурина. Он в то время был управляющим Матвеевского отделения. В этой кандидатуре я не ошибся. В организационный период нового большого ОПХ он проделал колоссальную работу. И вообще работал продолжительное время с большим энтузиазмом и многое сделал для хозяйства. Так что этот участок работы у меня был обеспечен достаточно квалифицированно и крепко, так как контингент ОПХ, в частности рабочие, работники животноводства, полеводства, состоял в основном из бывших освобожденных из лагерей по амнистии. Люди своеобразные, разного характера и толка. Ими руководить было не так просто. Но Виктор Анисимович обладал и физической, и нравственной, и умственной силой, чтобы справляться с этой задачей. С чего начинать? Задача состояла в первую очередь в расширении посевных площадей. В результате присоединения этих новых хозяйств пахотных земель осталось очень небольшие площади, и они были в разных местах небольшими клочками, а одна из существенных проблем — бездорожье. Без дорог в наших условиях невозможно работать. Нужны были капитальные планы и работы, прежде всего по расширению пашни. На помощь пришла мелиорация. Решено было основать три крупных базы, и семеноводческих, и животноводческих, провести крупные мелиоративные работы, соединить базы хорошими проезжими основными магистралями и вспомогательной дорожной сетью и начать возводить

капитальное строительство хозяйственных, жилых и культурно-бытовых построек.

Центральной усадьбой было решено сделать село Восточное, так как оно лежит на магистральной асфальтированной уже в то время дороге, близко от города. И создавать здесь центральную базу, центральный научный городок. Нужен был капитальный план строительства лабораторного корпуса, впоследствии селекционного центра, животноводческих помещений и что, особенно важно, базы для семеноводческого хозяйства. На институт была возложена огромная программа по производству элитных семян и снабжению ими совхозов Хабаровского края. Помимо выполнения работ по закладке опытов, расширению площадей в самом хозяйстве, освоению методик, вводились новые тематические планы с шифрами, здесь надо было выполнять очень важную работу, точнее, продолжать начатое еще в конце 1950-х гг. составление зональных систем ведения сельского хозяйства.

И мне пришлось окунуться в омут строительных дел и, в особенности, создание новых поселений на голом месте. Не так сложно выстроить научно-исследовательский институт, а их построили много в городах, например, Академия наук или те же дальневосточные отделения Академии наук СССР в Хабаровске. Выстроить лабораторное здание, подсоединить к городским коммуникациям, отоплению, водоснабжению, электричеству, связи и другим инженерным коммуникациям и работай себе на здоровье. А здесь, оказалось, надо строить всё это автономно, на большом удалении от городских коммуникаций. Как решать все вопросы? Кроме самого научного городка, его сооружений и зданий жилого фонда, культурно-бытовых учреждений рядом расположена система животноводческих помещений, где колоссальное количество отходов, а рядом расположена воинская часть, возле которой протекает речка, которая загрязняется животноводческими стоками. Надо каждое из них создавать автономно. Нужны большие капитальные денежные и трудовые затраты. У меня не было первое время квалифицированного инженера-строителя, и это еще больше осложняло дело.

Лишь после долгих поисков мне удалось пригласить очень высококвалифицированного инженера Станислава Людовича Жуков-

ского. Он уже был в годах, но еще полон сил и желания работать. Он проделал колоссальную работу по капитальному обоснованию строительства всех объектов, организации строительства и проработал в институте многие годы за сравнительно небольшую зарплату. Именно ему поселок Восточный обязан всем тем, чем сейчас располагает. Достаточно сказать, что для возведения автономных очистных сооружений с их тентами и всем оборудованием потребовался один миллион рублей, по тем временам — крупная сумма. Но эту проблему он решил, объединившись с двумя воинскими подразделениями, которые находятся недалеко от этих очистных сооружений. Так что когда распределили ассигнования, на нашу долю выпала сравнительно небольшая сумма. Очень трудно было добыть хорошую воду. Начали строить капитальную скважину, сооружение по водоснабжению.

Наряду с очистными сооружениями очень трудно далась прокладка водоснабжения поселка. Оказалось, что вода есть на сравнительно небольшой глубине, 30–35 метров, но она с высоким содержанием железа. Наберешь такой воды полведра, постоит пять минут, и на дне образуется большой осадок железа. Вода малопригодная и для бытовых нужд, и для поения скота, и особенно для центрального отопления. Такая вода давала осадок в батареях, батареи засорялись железом и переставали обогревать помещения. В первые дома,

сданные в эксплуатацию с такой водой, не шли жить даже рабочие. Пришлось изыскивать возможности добывать нормальную воду. Опять выручил Жуковский Станислав Людович. По специальности инженер-геолог, он пришел к выводу, что в долине Хехцирского хребта, круглый год покрытого льдом или снегом, вода нужного качества не может не стекать с гор. Он на свой страх и риск организовал бурение глубоких скважин, и на глубине 240 метров сумели добыть нейтральную воду с низким содержанием железа. Это обеспечило водоснабжением весь жилой массив и особенно важно было для лабораторного корпуса и построенного вскоре селекционного центра.

В перспективе пытались присоединиться к городскому водопроводу, предполагалось вести его вглубь территории района, но проблему эту так и не решили. Глубоководные скважины, их эксплуатация, обходятся очень дорого, при этом не было опыта их эксплуатации. Это была, конечно, проблема для того периода, когда начинали строительство и перенос института, ведь расчет велся с 1960 до 2000 г. Пока эти сооружения действуют, но проблема до конца не решена, так же как она не решена на ближайших предприятиях, которые также используют эту воду.

Нужно было решать вопросы не только с водоснабжением, но и с самостоятельным отоплением. Нужна была своя кочегарка. Сначала возвели небольшое сооружение на каменноугольном топливе, но оно оказалось малоэффективным. Получить хороший калорийный уголь для отопления практически было невозможно. Пользовались высокозольными углями, но они давали мало тепла. Решено было добиться через Госплан РСФСР выделение мазута, жидкого топлива. Он выделялся, как правило, для морского флота, такая организация, как наша, не входила в число учреждений, снабжаемых мазутом. Тем не менее, с большим трудом, в результате хождения по различным центральным организациям Москвы, нам удалось получить наряд для опытно-производственного хозяйства в размере шестнадцати тысяч тонн мазута для отопления. Мы смогли построить свой большой отопительный комплекс. Конечно, строительство у нас шло не без малых трудностей. Но это спасло положение, и сейчас большой научный городок надежно обеспечивается теплом.

Надо было решать проблему электрификации поселка, различных производственных сооружений и особенно семеноводческого хозяйства. В трех отделениях были построены навесы, затем приобретены сушильные агрегаты. Они-то и дали нам возможность развить элитное и производственное семеноводство до необходимых размеров, удовлетворяющих край. Вести семеноводство сельскохозяйственных культур в условиях Хабаровского края без сушильного хозяйства практически невозможно. В период уборки урожая, начиная с третьей декады июля, идут муссонные дожди, и зерно часто приходилось убирать с влажностью до 24 %. Для семеноводческих целей, в обычных сушильных агрегатах, в которых влажность можно снижать сразу на существенный процент, это неприемлемо, поскольку на зерне образуются трещины, являющиеся воротами для заражения различными заболеваниями. Но эта проблема тоже была решена.

Без кооперации с военными организациями нам было практически невозможно решить многие вопросы. Например, обеспечение связью. И здесь Жуковский нашел выход из положения. Поселок обеспечен связью, добились такого положения, что нам свыше 730 точек телефонной связи поставили. Это обеспечивало и лабораторные нужды, и культурно-бытовые, а также это было хорошо для жилья.

Пашню удалось довести с 800 гектаров до 4 000 гектаров. Кроме того, создать культурные пастбища площадью из расчета 60 соток на корову. Таких пастбищ у нас впоследствии стало свыше 1000 гектаров. С помощью мелиорации были созданы культурные сенокосные угодья. Территории, ранее совершенно не использованные, чаще покрытые кочками, кустарниками, заболоченные, превратились в относительно плодородные пашни. На них стали возделывать различные культуры, пригодные не только для товарных, но и для самых высоких семеноводческих целей. Всё это было проделано за сравнительно короткий период. Поселок рос и благоустраивался. Помимо лабораторного шестиэтажного здания, селекционного центра с теплицами, возвели культурно-бытовые заведения, магазины, детские сады, ясли, клуб и другие. Начали благоустраивать сам поселок. Он находится на равнине, и в период дождей затапливается, поэтому надо было строить дороги и тротуары. Поселок преобразился в культурном отношении.

Как решалась проблема в отделениях? В строительных организациях и в соответствующих органах шли споры о том, как осваивать сельские населенные пункты? Строить ли многоэтажные дома и сосредоточивать их в определенном мест? Или строить по типу старых населенных пунктов в отдаленных местах с учетом обеспечения большими приусадебными участками и индивидуальными домами? Мы пришли к выводу, что освоение нашей территории, растянутой почти на двадцать километров, таким способом не даст нам нужных результатов. Нам нужна центральная усадьба, неплохо устроенная во всех отношениях, не только для выполнения задач, которые выполняют научные учреждения, но и для проживания населения. Нужны школы, больницы, и если растянуть эти коммуникации на огромные расстояния, то нам их за 100 лет не освоить. В современных условиях, когда передвижение людей происходит на автотранспорте и при наличии у нас хороших дорог, связывающих отделения, концентрированное строительство дает возможность более быстро и качественно строить и обеспечивать культурно-бытовые нужды населения. На отделениях решили строить минимум, специализировать на производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции: мясного скотоводства, семеноводства, которые требуют небольшое количество работников. В то же время передвижение их осуществляется быстро, сейчас же не перевозят людей на лошадях или волах, а перевозят на автомобилях, автобусах. При наличии хороших дорог это происходит быстро, в то же время осуществляется школьное образование, медицинское обслуживание.

Конечно, о строительстве можно много говорить, можно вспоминать огромные трудности в строительстве. Строительные организации в основном были городские, а в городе строительных объектов больше, чем достаточно, но тем не менее крайком, крайисполком, строительные организации шли навстречу институту и по возможности выполняли планы, заказы по строительству на тот или иной год. Конечно, не без того, чтобы оставались деньги. Это создавало свои трудности в освоении средств, потому что был такой закон, сколько освоил в этом году, столько тебе и дадут на следующий год. Неосвоенное уже лежит на твоих плечах, что является не очень хорошим выходом из положения.

ГЛАВА 9
ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ И ВОСПИТАНИЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Зона у нас необъятная, с разнообразными почвенно-климатическими и прочими условиями, поэтому охватить эту зону и составить грамотно научно обоснованные системы ведения было делом непростым. Особое внимание в то время обращалось на освоение пропашной системы земледелия как основы земледельческой науки вместо травопольной. В то время краевое управление сельского хозяйства объединили с институтом. В здание института переехал начальник краевого сельхозуправления Никитченко Николай. Человек очень пробивной. Мы с ним поехали учиться пропашной системе земледелия в Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства. Директор этого института как раз написал книгу «Пропашная система земледелия» и она попала на глаза Никите Сергеевичу Хрущеву. Надо было осваивать. Для самого директора Алтайского НИИ это послужило большим символом для его возвышения: он стал Героем социалистического труда, правда, с тяжелыми последствиями после того, как Никиты Сергеевича не стало у власти.

В предлагаемой системе большая роль отводилась бобовым культурам в полях севооборота, в частности конским бобам. Условия у них, конечно, резко отличаются от дальневосточных,

в частности от Хабаровска. Эти бобы, действительно, дают хороший урожай, кроме того, в севообороте обогащают почву. Действительно, кое-что полезное мы там почерпнули. Нас тоже заставили заниматься этими бобами. Но у нас есть свое бобовое растение, соя. Конские бобы в наших условиях давали очень низкий урожай, на стебле каждого растения можно было отмечать хорошую и плохую погоду. Когда, устанавливалась солнечная погода, шло хорошее опыление образовавшихся цветков на стебле, в этом месте образовывались крупные, полновесные пучки бобов. А когда шли дожди и устанавливалась облачная с большой влажностью погода, цветки не оплодотворялись, и там бобов не оказывалось. Помню, к осени, когда в конце сентября — в октябре устанавливается золотая дальневосточная осень, стоит солнечная погода, они еще цветут и образуются бобы.

Я попал впросак: приехал из бюро ЦК уполномоченный, проверял, как идет внедрение бобов. Повел я его на соответствующие посевы. Он спрашивает: «А где у тебя бобы?» Я ему показал. Он говорит: «Не может быть. Почему институт не занимается внедрением конских бобов?» — «Занимаемся, но видите, какой результат. У нас есть свое растение, соя». И, показываю посевы, приподнимаю стебли, усыпанные бобами. Он не знал, что такое соя. Пришлось долго объяснять, что для наших условий лучшим бобовым растением в севообороте является соя [20]. Она наиболее приспособлена по своей биологии к нашим условиям.

То же самое получилось с горохом. Опять-таки по указанию свыше край обязывался возделывать горох. Прислали семена, своих семян не было. Вызвал меня начальник райсельхозуправления и говорит: «Прислали на край десять тонн семян гороха и приказывают высевать. Возьми семена и посей у себя». Как начальнику откажешь? Забрал я семена в институт. Посеяли, правда не все, около ста гектаров. Набрался я беды с этим горохом. Началось вызревание гороха, начало уборки, прошел шквальный, штормовой муссонный дождь и положил весь горох на поверхность. Бобы набухли и проросли. Убирать нечем, машин не было. Бобы вросли в землю, началось прорастание, у него период покоя очень низкий. А тут высокая влажность. Горох очень быстро врастает в землю и прорастает вместе с отмершими стеблями. У меня сохранилась фото-

Г. Т. Казьмин доказывает значимость сои

графия, когда я сделал у себя мобилизацию людей, которые умеют обращаться с косой, и мы пытались его убрать ручным способом. Конечно, ничего из этого не получилось. Меня и сейчас возмущает мнение отдельных агрономов, специалистов, которые рекомендуют горохо-овсяную смесь для посева на корм. Причем своих семян нет. Завозят семена по высокой цене. Это же продовольственная культура, платят большие деньги, а эффекта хозяйственного нет. У нас же есть свое прекрасное растение соя — игнорируется. Причем пропагандируется это крупными учеными-кормоведами. Завозят горох для смеси на Сахалин, Камчатку, в Магаданскую область, выплачивая огромные деньги для кормовых целей, для скота.

В этот период освоения опыта пропашной системы в Алтайском крае инициатором его был директор Наливайко. Впоследствии, когда мы перешли в Сибирское отделение ВАСХНИЛ и на различных совещаниях рассматривались проблемы систем ведения сельского хозяйства, мне приходилось задавать вопросы, например, о том, соответствует ли действительности пропашная система зем-

леделия в противовес травопольной системе. Наливайко ответил, что в определенной степени соответствует. И действительно, мне собственными глазами приходилось много раз видеть прекрасное произрастание бобовых. Пытались они выводить и сою. Эта работа в Сибири продолжается, в частности ведется создание скороспелых сортов. Но у них есть свои бобовые растения, дающие прекрасные результаты в их условиях.

Конечно, пересмотр в тот период официально сложившейся системы земледелия по всей стране был крайне необходимо. С огромных площадей мы не имели в достатке хлеба. Народу нужен был хлеб, а не трава. Действительно, единая система при таком многообразии природно-климатических, экономических, исторических и многих других условий не давала эффекта, хотя и декларировалась официальной властью.

В направлении исследований систем земледелия непосредственно в самом хозяйстве большую роль выполнил вновь организованный отдел мелиорации, а главное, была построена первая на Дальнем Востоке экспериментальная мелиоративная система, которой предусматривались различные способы осушения почвы. На площади 50 гектаров было осуществлено несколько вариантов осушения: открытыми каналами, затем сочетание открытых каналов с гончарным дренажем, причем дренаж изучался в нескольких вариантах, и расстояние между длинами по поверхности, и глубины их заделки. В этих же вариантах испытывались различные агротехнические приемы.

В должности директора зонального института, в которой мне пришлось быть, важную роль играют взаимоотношения между институтом и секретарями обкомов, крайкомов Дальневосточной зоны. Надо было держать тесные контакты между секретарями и институтом. В таком огромном регионе, как Дальневосточный, это особенно важно, потому что положение опытных учреждений, входивших в зональный комплекс научных учреждений, было разным.

Институту было подчинено много научных учреждений, в частности в его подчинении находилась Биробиджанская областная сельскохозяйственная опытная станция, которую тоже надо было переводить на новое место из-под Биробиджана в Ленинский

район, Дальневосточная рисовая опытная станция в Спасском районе Приморского края в полном подчинении института, лаборатория пантового оленеводства и пушного звероводства, крупная специализированная лаборатория под Владивостоком, Комсомольское сельскохозяйственное опытное поле, Аяно-Майский опорный пункт северного оленеводства. Первые годы, пока Камчатская область находилась в составе Хабаровского края, в подчинении института находилась Камчатская сельскохозяйственная опытная станция и одно время небольшой срок Сахалинская сельскохозяйственная опытная станция. Все эти научные учреждения требовали серьезных преобразований.

Области и края резко различались по природным, экономическим, историческим и прочим условиям. Научные силы были разные, и наличие опытных учреждений и положение этих научных учреждений резко различалось. В дореволюционный период, до Великой Октябрьской социалистической революции, на Дальнем Востоке было очень немного научных учреждений. Первым из них было создано Тамбовское опытное поле в Амурской области и Уссурийское сельскохозяйственное опытное поле. Несколько позднее Биробиджанское опытное поле, Хабаровское опытное сельскохозяйственное поле. Были попытки создания Камчатского и Сахалинского сельскохозяйственных опытных полей. Эти учреждения создавались к 1920-м гг. Наиболее старыми можно считать Уссурийское и Тамбовское опытные поля.

Особняком в тот период стояла Амурская область в том отношении, что жители Амурской области всегда гордились, что у них основные посевные площади сельскохозяйственных культур, основное сельскохозяйственное производство, они называли себя житницей Дальнего Востока. Посевная площадь сельскохозяйственных культур составляла свыше 1,3 млн гектаров, хотя собственных сельскохозяйственных продуктов не хватало и многое завозили, так же как и в Хабаровский край. В Амурской области был создан первый сельскохозяйственный учебный институт, и в целом, конечно, в сельскохозяйственном отношении область была более развита, чем Хабаровский край. В тот период, когда я начал работать, первым секретарем работал Петр Иванович Морозов. Очень энергичный руководитель, среднего роста, плотный,

довольно строгий и требовательный. Отличался настойчивостью, к его заслугам надо отнести прежде всего начало массового внедрения в производство посевов сои. Это один из первых секретарей, который уверовал в огромное значение этой культуры для развития сельскохозяйственного производства и всё делал, чтобы развить соесеяние в Амурской области и получить как можно больше продукции. Причем использовал и экстенсивные, и интенсивные технологии возделывания и использования сои.

Мне бы хотелось отвлечься от повествования о работе института и рассказать о своих «академиях». Став директором, я почувствовал, что мне надо расти, чтобы возглавлять такой сложный, многоплановый коллектив да еще руководить в научно-методическом отношении Дальневосточным краем, проводить всевозможные совещания, итоговые, годичные собрания научных учреждений, выступать с докладами по многим отраслям сельскохозяйственного производства. Приходилось в течение года иной раз делать до 50 выступлений, сообщений и отчетов.

У меня был солидный задел собственных исследований и, в частности, были свои сорта сливы, вишни, абрикоса [18]. В течение трех зимних месяцев написал монографию «Дальневосточные сливы», ее размножили большим тиражом с красочными иллюстрациями, и я представил ее в качестве докторской диссертации в Казахский государственный сельскохозяйственный институт. Там была защита по специальности «Селекция плодовых культур».

Председатель диссертационного совета Хайдар Растарбекович Растарбеков, очень строгий и объективный ученый, всегда справедливо оценивал научные работы. В день защиты, когда я изложил свою диссертацию, вдруг задает мне вопрос: «Послушайте, соискатель, вы газету “Правда” читаете?». Я пришёл в недоумение: «Конечно, читаю, но в период подготовки диссертации не читал». Ну, думаю, меня же могут обвинить в политической ненадежности. А председатель разворачивает газету и докладывает совету, что есть статья под названием «Твердая косточка», в которой говорится, что работа соискателя удостоена золотой медали имени Мичурина и первой премии Министерства сельского хозяйства СССР. Я, конечно, воспрянул духом. Совет института проголосовал за меня единогласно. Диссертация была утверждена в ВАКе

в течение всего одного месяца в 1966 г. Лестным для меня был отзыв самого ректора. Он сказал, что, мол, у нас в Алма-Ате есть прекрасный сорт яблони «Аккорд», у нас есть и слива, и абрикос, но у нас нет Казьмина. Так мне удалось окончить еще одну «академию».

Позднее меня избрали заведующим кафедрой плодоводства Казахского государственного сельскохозяйственного института. Потом прошло избрание в члены-корреспонденты ВАСХНИИЛ, немного позднее получил ученое звание профессора, затем — действительного члена ВАСХНИИЛ.

Я считаю, что ученая степень для директора необходима во многих отношениях. Научная работа в конечном итоге характеризует человека как ученого и исследователя, а исследования ведутся годами и десятилетиями. Директор должен вести за собой коллектив, и я старался, чтобы моему примеру следовали другие, кто вносит определенный вклад и в науку, и в практику. Всячески помогал каждому соискателю, выезжал в институт, где защищался мой сотрудник.

Повезло мне и в отношении моего заместителя по научной работе. Когда я остался директором, в сущности один, а я был, как говорили раньше, назначен заместителем по науке, я стал одновременно заместителем и директором. Найти такого человека — дело непростое, но институту в этом отношении на первых порах повезло. У нас была аспирантура, и в ней проходил подготовку главный агроном Камчатской МТС Виктор Васильевич Бурлака. Он закончил Харьковский институт и попросился сразу же по распределению поехать на Камчатку. Там он занялся изучением торфяников для возделывания картофеля и был

нашим аспирантом-заочником. Хорошо выполнил тему и на первых порах приезда в Хабаровск часто обращался ко мне со своими первыми вариантами диссертации. У него не совсем ладилось сначала, как мог, я ему помогал. После окончания аспирантуры пригласил его стать моим заместителем по науке. И не ошибся в этом человеке. Он проработал со мной почти 17 лет. Довольно быстро освоил литературную деятельность, развернул большую работу по закладке опытов, особенно по гребнегрядовым технологиям.

В то время мы начинали массу опытов в этом направлении. Наладил издание трудов института и зоны. Причем каждый год мы выпускали несколько томов через наше Хабаровское книжное издательство. Раньше считалось хорошо, если издавалось хотя бы по одному тому раз в три года. Сам он, самостоятельно используя обширные отчетные материалы бывших исследований на протяжении предыдущих лет, сумел написать очень много статей, а главное, две капитальных книжки — «Растениеводство Дальнего Востока» и «Биологические основы сельского хозяйства культур в условиях муссонного климата». Я бы сказал, что это теоретические основы по гребнегрядовым технологиям. Эти книги и сейчас остались капитальными, а «Растениеводство Дальнего Востока», я бы сказал, единственным учебником для сельскохозяйственных вузов, техникумов, специалистов сельского хозяйства. Прошло много времени, а эта книжка и сейчас играет большую роль [14].

Надо было выполнять как зональному институту одну из главных функций, такую как подготовка кадров. Уровень научных кадров научных учреждений был на невысоком уровне. Даже были директора без ученых степеней, что говорить о заместителях директоров и руководителях научных отделов. При Викторе Васильевиче у нас была существенно расширена аспирантура до двенадцати специальностей, мы добились организации своего совета по защите кандидатских диссертаций сначала, а позднее и докторских диссертаций.

Даже крупнейшая по тем временам Приморская сельскохозяйственная опытная станция, позднее институт, имела всего 2–3 кандидатов наук, директора и еще двух сотрудников. С укреплением аспирантуры кадровый состав научно-исследовательских опытных станций в нашей зоне расширился. Когда организовался Благовещенский сельскохозяйственный институт, затем Приморский,

то ректор института попросил у меня пополнить институт кадрами, кандидатами наук, преподавателями. Я ему сказал, можешь выбирать нужных тебе людей кроме Виктора Васильевича. И поделился я с ним семью кандидатами наук. То же же самое было и при организации Всероссийского научно-исследовательского института сои. Также ряд работников переехали к ним и заняли должности руководителей отделов. Очень плодотворна была наша связь, и в этом была заслуга Виктора Васильевича Бурлаки.

К сожалению, у меня его подсмотрел кадровик из главного управления науки. Чтобы заполнить директорскую брешь, образовавшуюся в Зауральском научно-исследовательском институте сельского хозяйства (там часто менялись директора), забрал он его у меня. Уехал Бурлака в полном здравии, во всех отношениях, а там за короткий срок заболел, и в сорок с небольшим лет окончилась его жизнь. В Зауралье он пробыл пять лет, сумел организовать и изменить лицо этого института. В нашем институте он уже защитил докторскую диссертацию, а в Зауральском мы избрали его членом-корреспондентом в ВАСХНИЛ. Прекрасную память о себе оставил Виктор Васильевич. После пришлось приглашать других заместителей.

Тесные связи были с Благовещенским сельскохозяйственным институтом. Там отдельные кафедры занимали очень талантливые, деятельные исследователи, в частности кафедрой растениеводства заведовал Пеньчуков Виктор Макарович, впоследствии академик ВАСХНИЛ. У нас образовался плодотворный альянс совместных исследований по сое и грядовогребневым технологиям возделывания сельскохозяйственных культур, по продвижению культуры сои в северные районы, в районы сезонной мерзлоты, в частности в Мазановский район Амурской области, такой совхоз, как Урми, который расположен в зоне БАМ. И надо сказать, с положительными высокими результатами. Впоследствии Пеньчуков Виктор Михайлович превратился в нашего большого друга, сам много сделал по разработке технологических решений при возделывании и продвижении сои в северные районы, по организации совместных исследований с институтом.

Когда я служил в армии в Амурской области, на складе ГСМ, наблюдал на полях, прилегающих к этому складу, зимнее содержание

скота на соевой соломе. На полях после уборки урожая оставались небольшие стожки или даже большие копны соломы. А по полям бродил молодняк крупного рогатого скота, а в больших стожках часто ютились свиньи с отмороженными хвостами и ушами. В сильный январский мороз выскакивает с этого стожка, пробежит, хватит снега и снова забирается под стог и питается остатками сои и различных сорных трав. В тот военный период это был выход из положения для сельскохозяйственного производства. Ну это, конечно, как штрих. В целом, соя использовалась, особенно зерно, по-хозяйски, как это положено. При секретаре обкома Амурской области Петре Ивановиче Морозове площади сои были значительно расширены и производство увеличено. Впоследствии он написал в газете «Известия» великолепную статью с экономическим обоснованием и хозяйственной целесообразностью расширения посевов сои, где приводятся очень доказательные материалы.

Мне впервые пришлось столкнуться с ним в 1963 г. накануне большого зонального совещания научно-опытных учреждений и производства в Хабаровске, в период, когда Никита Сергеевич Хрущев начал борьбу с травопольной системой земледелия. Хорошо известно, что по всему Союзу пропагандировалась и была государственной травопольная система земледелия, от берегов севера до засушливого юга в качестве основы рекомендовались травопольные севообороты. Было решено по всей стране провести такие совещания. На Дальнем Востоке, в Хабаровске — на базе нашего Дальневосточного зонального научно-исследовательского института сельского хозяйства. Состав этого совещания — участники от Иркутска до Владивостока, Камчатки, Сахалина, весь этот огромный регион. Перед совещанием решено было провести научно-методическое, обычно годичное, собрание руководителей научных предприятий и производственников, управленческий аппарат земельных органов. Был определен на каждый край и область состав научных сил и производственников для участия в этом совещании.

ГЛАВА 10

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

В то время уже произошла основательная реорганизация органов управления и в центре, и на местах. Министерства сельского хозяйства РСФСР и СССР были переселены из Москвы в сельскую местность и разделены на два: на министерство производства и науки. Министерство сельского хозяйства, которому мы подчинялись, было переселено в Яхрому, где создавали основу для этого министерства. В Яхромской долине, в Подмосковье, возделывались пропашные культуры, овощные культуры в больших количествах. И вот на базе этой долины решили построить новое министерство. Министерство СССР было перенесено в Подмосковье, в Пушкинские места. Для организации предварительного совещания научно-опытных учреждений Дальнего Востока прибыл специальный представитель Министерства сельского хозяйства, а заместитель министра сельского хозяйства Синягин Ираклий Иванович, был тогда вице-президентом ВАСХНИЛ и одновременно первым заместителем Владимира Петровича Сотникова по науке. Собрались представители со всех краев и областей, а с Амурской области никто не приехал. В чем дело? В то время наш директор, первый доктор сельскохозяйственных наук на Дальнем Востоке Новак Алек-

сандр Григорьевич заболел, был парализован. Но успел выпустить капитальную книжку по земледелию на Дальнем Востоке. В ней, конечно, много было уделено внимания травопольной системе земледелия, травопольным севооборотам. Сам Александр Григорьевич какой-либо опытной работой в этом направлении не занимался. Он был выпускником Тимирязевской академии, последователем своего учителя В. Р. Вильямса.

Действительно, в книге было много внимания уделено травопольной системе земледелия и мало говорилось о пропашной системе земледелия. Основываясь на этой книге, Петр Иванович Морозов сказал, что там учиться нечему, там сплошные травопольщики, и запретил своей делегации ехать на эту конференцию. А делегация 30 человек. Но как мы могли начать совещание без такой представительной делегации? Наши звонки Петру Ивановичу Морозову из Хабаровска никакого действия не оказали, представителей он отказался посылать. Тогда конференция и, в частности, Ираклий Иванович Сенягин, предложили мне как директору зонального института лететь лично в Благовещенск. Для авторитетности я захватил еще своего представительного сотрудника Платонова Федора Ивановича, который заведовал отделом кормопроизводства, был секретарем партийной организации [23]. Прилетели в Благовещенск рано утром, с аэродрома сразу в кабинет секретаря обкома. Петр Иванович оказался уже на месте. Принял нас довольно сурово: «Что приперлись, травопольщики? Чему учиться у вас? Не могу я развращать своих ученых и производственников».

Повернулись мы и этим же самолетом улетели обратно в Хабаровск. Прилетели, доложили совещанию, а оно шло, шли отчеты, выступления, обобщения, обсуждения проблем. Доложили, что Петр Иванович отказал нам в посылке своих представителей. Тогда совещание решает послать телеграмму секретарю ЦК РСФСР Г. И. Воронову. В то время Воронов Геннадий Иванович был вторым лицом в стране после Никиты Сергеевича Хрущева. Воронов позвонил или телеграфировал Морозову, и к вечеру специальным самолетом прилетела делегация не 30, а из 50 человек. Народ ожил, работа продолжалась. Через несколько дней после зонального научного совещания намечалось проведение окружного Дальневосточного большого совещания. Такие совещания проводились

по всей стране, совещанием руководил Геннадий Иванович Воронов, в нем участвовали крупные партийные и государственные деятели, в частности Д. С. Полянский (в то время председатель министров РСФСР), ряд крупных министров Министерства снабжения, Министерства машиностроения, Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР, первые секретари и председатели краев и областей, совещание было представительным. Вел совещание Г. И. Воронов своеобразно. А Александр Григорьевич Новак, хотя был и болен, но он в то время еще ходил, каким-то образом сумел встретиться с Геннадием Ивановичем и показал свой травопольный труд.

Труд действительно был солидным не только в этой зоне, но и в стране. Я думаю, что, скорее всего, Петру Ивановичу Морозову пришлось изменить свое мнение на травы, под влиянием доклада Андрея Григорьевича Воложенина. На предварительном совещании секретарей райкомов и обкомов, председателей и других, нашего первого секретаря, тогда Шитикова Алексея Павловича, все-таки показал значение трав очень веско, доказательно, что травы для Дальнего Востока имеют огромное значение. Тогда их было мало в севооборотах. Не было своих семян. Хотя сорта и были, в той же Амурской области были свои сорта клевера, тимофеевки, люцерны, но семян было немного и в севооборотах их практически не было. Все московские представители правительства и партийные работники, в частности у нас в отделах, вели дискуссию за пропашную систему против травопольной. Я был свидетелем, когда Г. И. Воронов начал отчитывать П. И. Морозова за его бездумное отношение к книге А. Г. Новака. Он выразился интересно: «…что вы в траве выше всех головой. И эту траву отрицаете, чем же тогда другим заниматься?» В общем, отношение местных и областных секретарей не то что поколебалось, но люди стали более реально смотреть на травопольную и пропашную системы. Тем более травопольной системы, в сущности говоря, и не было, не было по простой причине отсутствия семян.

В Приморском крае, у Андрея Григорьевича Воложенина, который был директором опытной станции, эти семена были. Он имел пасеку в предгорьях Сихотэ-Алиня, где выращивал большие площади клевера и имел возможность выводить семена. И усло-

вия в Приморском крае лучше, чем в Хабаровском, в смысле зимостойкости клевера. У нас клевер первый год зимовал под покровом стерни той культуры, к которой он подсевался, а на второй, когда должны быть семена, как правило, вымерзал. Что мы только с Платоновым Федором Ивановичем не делали для его спасения! Образование семян у клевера в наших условиях сильно затормаживается из-за того, что в период его массового цветения начинаются муссонные дожди, и клевер при обилии влаги израстает, внутри его создается сильная влажность, бывает, что и цветки сгнивают от высокой влажности, поэтому опылители туда не проникают и семян образуется очень мало. Как мы ни старались, завозили пасеки, дрессировали пчел на клевер, семян, если получишь 2–3 кг на гектар, это считалось хорошо. А что такое 2–3 килограмма? Инорайонные сорта незимостойкие, есть, конечно, зимостойкие, но они были очень дорогие для хозяйства. А хозяйства были бедные. Так или иначе, речь идет сейчас о Петре Ивановиче Морозове, он был основательно осрамлен за книжку А. Г. Новака.

В дальнейшем, в ходе совещания, мнения не то что разделились, но абсолютное утверждение, что для нас важна только пропашная система, было основательно поколеблено. Мне на этом совещании как докладчику от зонального института по Дальнему Востоку было сделано внушение со стороны председателя Г. И. Воронова. При предварительном обсуждении моего доклада среди директоров А. Г. Воложенин внес предложение: говорит с иронией, что у нас появился новый батька зональный, Григорий Тихонович, пусть в свой доклад внесет пункт и попросит Геннадия Ивановича, чтобы у нас издавать свой сельскохозяйственный журнал.

Он согласился, и я этот пункт включил. До этого в Сибири, в Омске, дважды в год выходил сборник «Сельское хозяйство в Сибири». И вот в одном из выпусков была статья о пользе талой воды для овец. В этой статье говорилось, что весной, когда начинается таяние снега и бегут ручьи, овцы с жадностью пьют талую воду, становятся здоровее, оживают и т. д. Я статью эту не читал, но с детства знал, у нас на родине овец разводили много, овцы действительно любят талую воду или во всяком случае вынуждены ее пить. Когда она стекает с полей, в ней находятся растворимые минеральные

соли и т. д. Польза большая, в Сибири тем более, там воды мало, а стада животных большие.

Наступило совещание, шли доклады, подошла моя очередь докладывать. У меня предварительно был написан доклад, вроде устранили все недостатки. Все-таки я дошел до этого пункта и говорю: коллективная просьба, Геннадий Иванович, наши директора просят издавать сельскохозяйственный журнал. Он как вспыхнет: какой еще тебе журнал! Это не ты, случайно, написал статью о пользе талой воды?! Не то чтобы я ни знал, что ответить или сильно растерялся, но решил промолчать. Ну, садись... И ничего не сказал.

Про себя только я подумал, что моя директорская карьера (первый год стал директором) на этом закатилась. Сидел в президиуме я на седьмом ряду, вместе с командующим Дальневосточным военным округом. Он меня одобрил, поднял мой дух: «Ты, говорит, молодой человек, не огорчайся, ты прокричал хорошо свой доклад, а то, что не стал отвечать на его вопрос, на его возмущение, тоже правильно делал. Потому что я сибиряк и знаю, что действительно воду талую овцы любят. А если бы ты стал с ним спорить, то ты бы показал его дурость второго лица, а тут всё сошло нормально». Действительно, последствий каких-либо не было. Да и по тем временам наш институт стал перебазироваться в сельскую местность, заново формироваться на новом месте, в селе Восточное, где он сейчас расположен. Так что после осмотра там вводилось в то время беспривязное содержание скота, доильные площадки, искусственное осеменение крупного рогатого скота. Всё это было показано.

Совещание такого крупного масштаба сыграло свою роль. В этот период были объявлены три кита интенсификации сельскохозяйственного производства: механизация, химизация, мелиорация. Эти мероприятия мирового масштаба по интенсификации сельскохозяйственного производства были не просто декларированы, государство впервые начало выделять средства и на практике реализовывать эти направления. Было обращено внимание на развитие сельскохозяйственной науки. По стране прошли организационные мероприятия, в частности институты были переданы в систему ВАСХНИЛ. Началось строительство Сибирского

отделения ВАСХНИЛ. Было объявлено в стране строительство селекционных центров. Дальний Восток не был включен в число регионов, где должен был строиться селекционный центр. С большим трудом удалось включить в план строительство селекционного центра при Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Из более чем 40 центров страны наш Дальневосточный отличался от тем, что он был комплексный, так как на Дальнем Востоке не было специализированных селекционных учреждений, как это имело место в других регионах страны.

Начали выделять большие средства на строительство. Раньше директор при поездках в Москву привозил в лучшем случае 30–50 тысяч рублей на капитальное строительство. Теперь стали выделять миллионы. На строительство селекционного центра на Дальнем Востоке выделялось до пяти миллионов рублей. Развитие сельскохозяйственной науки началось именно с этого периода. Чтобы там ни говорили о Н. С. Хрущеве, его величайшая роль заключалась в этом. Частично институты стали переводить из города в сельскую местность, да это и правильно. А размеры института, в частности и размеры землепользования, и в целом хозяйства опытно-производственного института должны были отвечать размерам среднего хозяйства зоны функционирования института. Были большие трудности в освоении средств, но все-таки наш Дальневосточный институт начал быстрыми темпами вести капитальное строительство.

Расскажу еще про одно столкновение с Петром Ивановичем Морозовым. Кто-то из помощников Н. С. Хрущева, кажется, Шевченко Андрей Степанович, прекрасной души человек, академик, он у него был советником, нашел где-то в заказниках «Заповеди крестьянину». Старым агрономом, не помню фамилию, были составлены короткие заповеди, как вести крестьянское хозяйство. Например, такие: хлеб всему голова, весенний день год кормит, коси, а не брей, сей овес в грязь, будешь князь, и много других. Казалось бы, какая мудрость в этих заповедях, например, коси, а не брей, что это означало? Я помню по своей деревне, крестьянам на заливных лугах (они были площадью ограничены) выделялись небольшие участки под сенокос, и каждый старался косить траву как можно ниже, чтобы побольше сена было. Но здесь и отрицательный фактор: таким

образом выкашивался и узел кущения растения. Это означало, что отрастание травы для второго укоса уже было слабое или вообще не происходило. В простых словах было заключена величайшая мудрость. Никита Сергеевич Хрущев, прочитав эти заповеди, решил, что их надо составить для уже нового крестьянина, с использованием тех средств интенсификации, которые начало развивать государство. В расчете на крестьянина-механизатора. Была такая задача поставлена перед всеми институтами и опытными станциями, но Дальневосточному как зональному институту предстояло составить такие заповеди в зональном разрезе, обсудить в краях и областях, усовершенствовать их и издать в массовом масштабе для сельского хозяйства зоны. Конечно, большинство специалистов и научных сотрудников были люди новой формации и смотрели на заповеди скептически. Да и не знали, с какого конца их составлять. Нужен был человек, который хотя бы в какой-то степени владел литературным стилем, мог писать.

На демонстрации.
Позади Г. Т. Казьмина Е. П. Киселев

С этой целью я пригласил на работу в институт Леонида Тихоновича Хаткового, по образованию он был агроном, работал заведующим сельскохозяйственным отделом газеты «Тихоокеанская звезда». Писал статьи на различные сельскохозяйственные темы, в том числе критические статьи, иногда от его статьи доставалось и институту. Помню, написал критическую фельетонного типа под названием «Наука — флюгер», вроде наука, как флюгер, держит нос по ветру. Леонид Тихонович согласился перейти в институт и возглавил отдел пропаганды и внедрения, такого отдела в институте не было и его пришлось создавать. Он развернул энергичную деятельность и за короткий период укомплектовал свой отдел работни-

ками, довольно грамотными и в обобщении опыта, и в написании статей. Как бывает, ученый выполняет сложную, экспериментальную работу, разрабатывает новые приемы или создает новые сорта растений, но изложить это в популярной форме не может.

Мы приобрели небольшой автобус, оборудовали его внутри различной агитацией, литературой, отдельными образцами новых сортов растений или рабочих органов машин. Организовывали показ с выездом в совхозы и колхозы проводили много семинаров в самом институте. Впоследствии, когда укрепилось опытно-производственное хозяйство в Восточном, там появились возможности показать передовой опыт возделывания сельскохозяйственных культур, новых технологических решений, особенно грядово-гребневых технологий, новой техники, стали собирать краевые и районные семинары. Работа в этом отношении оживилась. Оживилась издательская деятельность. Институт начал регулярно выпускать литературу, труды, листовки, наглядные пособия в массовом масштабе и распространять их в хозяйствах.

Обладая литературными данными, Леонид Тихонович сумел организовать и общими усилиями написать эти заповеди. Они оказались очень короткими, по всем отраслям сельского хозяйства, в пределах пятидесяти страниц. По каждой отрасли очень четко и конкретно были изложены технологические приемы с использованием даже афоризмов из старых заповедей. Когда закончили работу, предстояло их обсудить в краях и областях зоны.

Мы отправились с Леонидом Тихоновичем и еще с одним сотрудником в Амурскую область. Договорились, что соберутся ведущие специалисты, партийные работники по сельскому хозяйству, и проведем обсуждения. Предварительно послали туда часть размноженных экземпляров. Приехали мы в Амурскую область. В обширном Обкомовском зале собралось порядочное количество специалистов различных специальностей. Я доложил основные положения заповедей. Но не успел я закончить, как раздался хохот Морозова Петра Ивановича: «Слушай! Ты что привез?! Какую ты ерунду привез! В наше-то время с такими заповедями, которые еще при царе Горохе были составлены! Они уже давно устарели!» Конечно, повел за собой основных присутствующих лиц. Раздались критические замечания.

Помню, только Яков Михайлович Одноконь и главный агроном облзо Волынцов в какой-то степени благосклонно отнеслись, заметили, что всё-таки здесь какое-то рациональное зерно есть, что появляется новое поколение работников сельского хозяйства, в новых условиях, технически вооруженные. Скажем, о минеральных удобрениях, комбайнах, технической вооруженности сельского хозяйства в былые времена не было и речи. Орудием обработки почвы была соха, а позднее появились конные плуги. Я еще мальчишкой застал это. Меня отец заставлял пахать сохой, а потом однолемешным или двухлемешным плугом. Конечно, пришлось поклониться, поблагодарить за критику и ехать в Хабаровск. Впоследствии мы их напечатали в 100 экземплярах, может быть, даже больше [6]. И должны были представить в Министерство сельского хозяйства СССР. Почему-то именно союзному министерству было поручено их издание, размножение и внедрение.

П. И. Морозова в этот период перевели в Москву в Министерство сельского хозяйства СССР. Он стал, по-моему, заместителем министра по животноводству. Ему-то и поручают окончательно доработать эти заповеди и издать. Из представленных заповедей институтами страны наши оказались лучшими и были взяты за образец, для доработки заповедей в других зонах СССР. Морозову пришлось поменять свою позицию. Он из критика превратился в главное ответственное лиц по их изданию. Помню, прилетает из Москвы представитель министерства сельского хозяйства с письмом от Петра Ивановича Морозова. В этом письме говорится: «Дорогой Григорий Тихонович, посылаю к Вам своего представителя по поводу заповедей, прошу Вас оказать ему соответствующую помощь по доработке и организации издания заповедей». Так я из нежелательного человека превратился в очень желанного.

Конечно, пришлось оказать соответствующую помощь, и специалист смог от нас уехать со всем необходимым материалом для организации работы в союзном масштабе. Я должен сказать, что хотя заповеди и были заимствованы из старого крестьянского опыта, но и в наше время из них мало что можно вычеркнуть. Сейчас, когда на новой основе организуют крестьянские (фермерские) хозяйства, различные частные и государственные объединения, многое там можно позаимствовать. Должен подчеркнуть, что тогда

было массовое развитие городского крестьянского хозяйства, или дачного хозяйства по-другому. Горожане — это потенциальные крестьяне в каком-то поколении. Родившись в городе, они как раз нуждаются в этих сельских заповедях, которые в той или иной форме используются и реализуются в массовом производстве сельскохозяйственной продукции. Мои столкновения с Петром Ивановичем Морозовым не были уж столь принципиальны, он исходил из каких-то особых соображений, видимо, четко прислушивался к указаниям на передовое в сельском хозяйстве. На передовые особые приемы, изобретенные не в процессе многовекового опыта тружеников полей, которые в поте лица добывают хлеб свой насущный. На самом деле в этих старых приемах очень много мудрости, ибо, как сказал Клемент Аркадьевич Тимирязев: из всех изобретений человечества самое великое изобретение — это ломоть хорошо испеченного хлеба.

Уже через пять лет после основания опытное хозяйство института «ГОПХ Восточное» начало наращивать свои показатели. Урожайность неуклонно стала повышаться, намного превысив краевые и районные показатели. В частности, по зерновым культурам. Подняли урожайность сои: в среднем за 10 лет она была в пределах 15–18 центнеров с гектара, а в лучшие годы достигала 22–25 центнеров, причем на больших площадях. Урожайность кукурузы, в основном на силос, также возросла до 250–300 центнеров.

Резко поднялась урожайность овощных культур, в частности томатов, огурцов, капусты. К тому же мы ввели элитное и товарное семеноводство этих культур. Мы всегда справлялись с планами производства товарной продукции молока и мяса. Кроме того, производили значительные количества племенного скота, в основном коров черно-пестрой породы. Неизмеримо, конечно, выросла экономическая эффективность общих показателей. Получали чистые прибыли до двух миллионов рублей. По мере разработки научными отделами технологических решений возделывания сельскохозяйственных культур и технологии содержания скота, особенно с применением долголетних культурных пастбищ для дойных коров и молодняка, институт начал получать уже известность в производстве, его начали признавать краевые партийные органы.

На практике получается так: наукой пользуются все, она сама собой функционирует, ее все используют, ничего не отдавая науке, и ее воздействие на производство продуктов сельского хозяйства как будто бы незаметно, а вот показатели, урожайность, продуктивность — это всё на виду, это замечают. И спрос в первую очередь за эти показатели. Институт занял видное место в системе научно-исследовательских учреждений сначала главного управления, потом Сибирского отделения, куда нас перевели позднее ВАСХНИЛ, и неожиданно для меня и для коллектива был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В стране в то время огромное значение придавалось социалистическому соревнованию. Ежегодно подводились итоги и лучшим присваивались переходящие красные знамена и премии. Институт своим опытно-производственным хозяйством и само опытно-производственное хозяйство отдельно много раз завоевывали переходящее красное знамя ЦК КПСС, Совета министров, ВЦСПС и награждались премиями. Награждались также отдельные научные сотрудники. У нас появились орденоносцы.

Так зональный институт внес лепту в создание собственного, дальневосточного продовольственного рынка на местном производстве. Накопленный потенциал устойчивости ведения сельскохозяйственного производства опытно-производственным хозяйством «Восточное» был признан экономическими организациями

Германии и Франции, наградившими ОПХ и его директора Горбатюка Валерия Ивановича золотой медалью.

После того как было основано Сибирское отделение ВАСХНИЛ, вся система научно-исследовательских учреждений от Зауралья до берегов Тихого океана перешла в Сибирское отделение. Но мне казалось не совсем справедливым, что такой огромный регион, занимающий почти 37 % территории Российской Федерации, не имеет своего центрального органа руководства наукой. Я считал, что Дальний Восток должен иметь свой орган, замахивался на Дальневосточное отделение, поэтому как директор зонального института на различных крупных совещаниях, сессиях ВАСХНИЛ стремился поднимать этот вопрос, чтобы обратили внимание и на Дальнем Востоке организовали Дальневосточное отделение ВАСХНИЛ. Писал докладные, выступал на сессиях ВАСХНИЛ, на различных мероприятиях о Дальневосточном отделении.

Нельзя сказать, что руководства со стороны Сибирского отделения было недостаточно. Сибирское отделение, особенно в лице его председателя Ираклия Ивановича Синягина, в равной степени оказывало влияние и всё отделение, на руководство и сибирской наукой, и дальневосточной. Они были как наши старшие братья. Я в шутку говорил, что сибиряки — это дальневосточники, у которых не хватило сил дойти до Тихого океана. На самом деле Сибирское отделение, руководство его, конечно, дошло до Тихого океана. Ираклий Иванович Синягин, еще будучи заместителем министра сельского хозяйства России, облетел все края и области Дальнего Востока. В эти поездки он брал, как правило, меня, мы вдвоем посещали обкомы, облисполкомы, научные учреждения, хозяйства Камчатки, Сахалина, Магадана, Амурской области. Он с глубоким пониманием относился к необходимости всемерного развития сельскохозяйственной науки на Дальнем Востоке.

В конце концов я стал находить поддержку создания Дальневосточного отделения со стороны руководства ВАСХНИЛ. И когда в начале 1980-х гг. была создана крупная комиссия по разработке специального постановления ЦК КПСС Совета министров о развитии сельскохозяйственной науки в стране, меня включили в эту комиссию. И я внес предложение о необходимости организации Дальневосточного отделения. Постановление это готови-

Слева Г. Т. Казьмин, справа А. К. Чайка

лось продолжительное время, собирали периодически комиссию, но всякий раз я видел, что мое предложение в постановление кто-то вычеркивал. В конце концов, после двух-трех лет составления этого постановления и регистрации многочисленных документов в различных центральных органах, Госплане, министерствах и так далее, постановление состоялось, и в нем содержался мой пункт об организации Дальневосточного отделения наряду с Северо-Западным отделением. Был создан организационный комитет отделения, председателем оргкомитета поставили меня, моими непосредственными помощниками назначили главного ученого секретаря Сибирского отделения Кондратьева Роальда Борисовича и от Дальнего Востока директора Приморского НИИСХ Чайку Анатолия Климентьевича.

Для организации такого отделения еще много надо было решать проблем, много делать согласований, подписывать проекты постановлений по разным вопросам. Я эту работу, может быть по неопытности, взвалил на себя, летал в Москву один, не считал нужным тащить за собой А. К. Чайку, отрывать его от руководства,

и тем более главного ученого секретаря Сибирского отделения. Дело с организацией затянулось. Наконец, вплотную подошли, нужно было прежде всего руководство этим отделением: председатель президиума, его заместители, несколько главных лиц. Планировалось сделать председателем меня в Дальневосточном отделении. Но к этому времени вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета министров о возрастном цензе занятия ответственных должностей, академиков и докторов: руководителем института, руководителем подразделений, тем более таких крупных подразделений, как отделение, может быть академик в возрасте до 70 лет, а доктор — до 65 лет. Мне шел уже 72-й год. Когда я начал как председатель оргкомитета, всё же организация ложилась на меня; предложил кандидатуру, вернее слетал в Сибирь, Сибирское отделение, и предложил кандидатуру Кондратьева Роальда Борисовича. В тот период он занимал должность главного ученого секретаря Сибирского отделения. Первый раз он отказался от этой должности. Он прекрасно обжился в Сибири, получил там новую отличную квартиру и отказался. Тогда я начал поиски среди известных ученых, в частности предложил эту должность занять Виктору Макаровичу Пинчукову, значительную часть лет проработавшему в Благовещенске. Дальний Восток ему был известен не понаслышке. Но Виктор Макарович тоже не дал согласия, главным образом из-за болезни жены, которой не подходил дальневосточный климат. Таким образом, вопрос о времени организации еще на некоторое время затянулся. Наконец, приезжает большая комиссия с ВАСХНИЛ, возглавляемая главным ученым секретарем Макаровым и привозит председателя в лице Кондратьева Роальда Борисовича. Роальд Борисович, наконец, дал согласие. При организации Дальневосточного отделения во всех своих предложениях я вносил делать центр — Хабаровск, и в основе его положить деятельность своего института.

Хабаровск как научный и административный центр во всех отношениях как бы соединял все области и края, и он вообще исторически сложился как административный центр Дальневосточного края и был им, была даже Дальневосточная Республика. С этим предложением, конечно, согласились. И начали его организовывать на базе нашего старого здания института, которое находит-

ся в центре Хабаровска, а институт к этому времени уже перешел в поселок Восточное. И появились все необходимые условия для организации полноценного Дальневосточного отделения. Был сформирован необходимый аппарат, штат, пришлось поделиться кадрами и от института. Новое руководство отделением очень энергично взялось за работу и за период своей деятельности примерно в течение десяти лет выполнило немало задач, правда появились и новые институты, например институт экономики, в институты были превращены опытные станции, в частности Сахалинский филиал преобразован в Сахалинский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, Камчатская опытная станция — в институт защиты растений, и другие. Работали они вполне эффективно, но наступили новые времена. ВАСХНИЛ с преобразованием в РАСХН сузило полномочия, возможности уменьшились, и появилась необходимость в реорганизации Дальневосточного отделения РАСХН в Дальневосточный научно-методический центр по руководству сельскохозяйственной наукой, который возглавил академик Чайка Анатолий Климентьевич [13]. Руководитель — вполне заслуженный человек и в науке, и в практике. Я вошел в состав членов президиума Дальневосточного отделения. В 1990 г. решил подать в отставку из президиума, тогда еще ВАСХНИЛ, мое заявление приняли и постановлением президиума, первого тогда в стране, присвоил мне звание почетного директора Дальневосточного института, которое предусматривалось постановлением ЦК для лиц, продолжительное время работавших в научных учреждениях и внесших какой-то конструктивный вклад. Но затем ВА-

СХНИЛ, как известно, был преобразован в РАСХН, и больше уже, по-моему, такие почетные звания не присуждались.

В 1990 г. у нас в институте состоялся совет, выборы нового директора института. Котировалась кандидатура самого председателя отделения Кондратьева Роальда Борисовича, моего первого заместителя по науке Киселева Евгения Петровича, баллотировался директор Камчатской сельскохозяйственной опытной станции Ярушин Алексей Михайлович и старший научный сотрудник института, руководитель селекционного центра Анненков Борис Глебович [9]. По моему мнению и предложению, было бы наиболее рационально и правильно избрать на эту должность Е. П. Киселева, академика, который продолжительное время работал моим заместителем по науке. Но коллектив почему-то предпочел Алексея Михайловича Ярушина [24].

За мной осталось руководство кандидатским и докторским диссертационным советом, подготовка аспирантов, докторантов, я продолжал литературную работу. По своей основной «селекционной» специальности мои бывшие сотрудники, работавшие со мной, вместе с ними продолжали работу по селекции косточковых плодовых пород. В частности, за этот период был выведен ряд превосходных сортов сливы, абрикоса, вишни [25]. Мы как-то недооценивали наши дикорастущие виды, в частности лиановые растения, актинидии, лимонник. В предгорьях Хехцира, в основном в коллективных и приусадебных садах, а также непосредственно в тайге, мне удалось выделить две превосходные формы актинидии, впоследствии я начал их размножение под сортовыми названиями: один под названием «Крупноплодная Казьмина», а второй «Бычихинская». Эти сорта характеризуются крупными плодами различных сроков созревания, превосходными вкусовыми качествами, и приходится только сожалеть, что поздновато занялся этой работой. Можно простым отбором в тайге, на дачных участках, в которые непосредственно из тайги переносили различные формы актинидии, винограда, лимонника и других растений, было бы создать целый набор этого ценнейшего растения.

Деятельность моя по подготовке кадров в этот период довольно ощутима: мы ежегодно принимали до пяти кандидатских диссертаций, а в последние годы, когда организовался докторский совет,

то за три заседания в течение трех лет удалось принять шесть новых докторов, причем высококвалифицированных. Они в значительной степени пополнили штат научных руководителей.

Словом, эти 10 лет до нового века прошли у меня в активной работе по подготовке кадров, докторов и кандидатов и литературной деятельности. Советы функционировали при Дальневосточном ордена Трудового Красного Знамени НИИСХ до нового века, а затем в связи с перебазированием и превращением Дальневосточного отделения в Дальневосточный научно-методический центр с переводом его в Приморский НИИСХ.

* * *

Большую помощь в подготовке публикации и предоставлении архивных материалов оказали Л. В. Игумнов, Н. Яковлева, Г. Г. Арепьева, С. А. Шукюров, Н. П. Пителин, Е. В. Гиль, О. А. Прохорова, А. С. Сороколетова, А. Д. Жиркова.

Инициатором рождения «Академий» является Альбина Семеновна Зуева, которая оказывала посильное участие и сопровождение научной работы Григория Тихоновича Казьмина в последние годы его жизни и при слабеющем здоровье. Она придумала составить план книги, структурировать этапы. Ей же принадлежит идея названия. Работа над «Академиями» наполняла смыслом последние дни нашего академика.

Надеемся, что форма реализации проекта «Академий» удовлетворила бы ожидания Григория Тихоновича, а его жизненный путь явится примером для подражания молодым ученым России.

Всероссийский симпозиум по косточковым культурам «Северная вишня». Челябинск, 2015 г.
Слева направо: лауреаты ордена золотой медали имени Г. Т. Казьмина: М. В. Каньшина, В. В. Степанов, Г. В. Еремин, М. Г. Исакова.

Каньшина Маина Владимировна — доктор сельскохозяйственных наук, селекционер, заведующий отделом плодоводства ФГБНУ «Всероссийский НИИ люпина» (Брянск), автор десятков сортов вишни и черешни, статей и книг; заслуженный работник сельского хозяйства РФ.

Степанов Владимир Васильевич — кандидат технических наук, основатель крупнейшей в России селекционно-семеноводческой фирмы НПО «Сады России» (Челябинск), популяризатор селекционных достижений российских ученых; учредитель премии и ордена золотой медали им. Г. Т. Казьмина.

Еремин Геннадий Викторович — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик РАН, патриарх российской селекции косточковых культур, создавший на основе межвидовой гибридизации новые виды плодовых культур (нектарин, черный абрикос, слива русская) и клоновых подвоев. Крымская опытно-селекционная станция — филиал ФГБНУ «ФИЦ Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н. И. Вавилова» (Крымск).

Исакова Маргарита Германовна, селекционер, старший научный сотрудник отдела селекции и сортоизучения плодовых и ягодных культур Свердловской селекционной станции садоводства (Екатеринбург), разработчик дополнений к методике для ОООС Госсорткомиссии по вишне песчаной, автор самых зимостойких в России сортов вишни; изобретатель СССР, ветеран труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асеева, Т. А. Научное обеспечение АПК Хабаровского края / Т. А. Асеева // Дальневосточный аграрный вестник. 2012. № 3 (23). С. 61–64.

2. Асеева, Т. А. Энциклопедия садоводства Приамурья / Т. А. Асеева, О. А. Михайличенко, Е. С. Тихомирова. Хабаровск, 2015. 243 с.

3. Асеева, Т. А. Эффективность различных приемов повышения продуктивности посевов сои в Хабаровском крае / Т. А. Асеева, Е. В. Золотарева, С. Р. Паланица // Вестник КрасГАУ. 2008. № 3. С. 113–117.

4. Востриков, Л. Сады остаются : очерки о дальневосточных плодоводах-селекционерах / Л. Востриков ; под науч. ред. Г. Т. Казьмина. Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 256 с.

5. Думчева, Н. А. Личность: история Хабаровского края в лицах / Н. А. Думичева ; ред. А. М. Абдрашитов ; науч. консультант Н. И. Дубинина, А. Г. Мережко. Хабаровск : Краев. типография, 2018. 664 с.

6. К вам, труженики дальневосточных сел (заповеди по земледелию и животноводству) / рук. авт. коллектива Г. Т. Казьмин. М., 1964. 195 с.

7. Казьмин, Г. Т. Войлочная вишня / Г. Т. Казьмин. Хабаровск : Кн. изд0во, 1975. 112 с.

8. Казьмин, Г. Т. Дальневосточные сливы: селекция, сортоизучение, агротехника / Г. Т. Казьмин. Хабаровск, 1966. 326 с.

9. Казьмин, Г. Т. Дальневосточный абрикос / Г. Т. Казьмин, В. А. Марусич. Хабаровск, 1989. 160 с.

10. Казьмин, Г. Т. Дальневосточный сад и огород. [Коллективный и приусадебный сад на Дальнем Востоке]/ Г. Т. Казьмин. 6-е изд., перераб. и доп. Хабаровск : Кн. изд., 1987. 320 с.

11. Казьмин Г. Т. Сад и огород на БАМе / Г. Т. Казьмин. Хабаровск : Кн. изд., 1979. 192 с.

12. Казьмин Г. Т. Хабаровские абрикосы / Г. Т. Казьмин. Хабаровск, 2001. 92 с.

13. Казьмин Г. Т. Хабаровские селекционеры и их сорта Хабаровск: дальневосточные семена / Г. Т. Казьмин. Хабаровск, 1999. 98 с.

14. Клыков, А. Г. Памяти выдающегося ученого — академика Анатолия Климентьевича Чайки / А. Г. Клыков, И. В. Ким// Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2017. № 3 (193). С. 118–123.

15. Клыков, А. Г. Становление и развитие аграрной науки на Дальнем Востоке России / А. Г. Клыков, И. В. Ким // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2017. № 5 (195). С. 61–71.

16. Лукашов, А. ...Мой опыт : [Плодовый сад на Дальнем Востоке]. Хабаровск : Дальгиз, 1936. 81 с.

17. Мои академии (продолжение публикаций о Г. Т. Казьмине) / под ред. канд. с.-х. наук Н. В. Глаза // Сады России 2016. № 4 . С. 42–47.

18. Производство кормов на Дальнем Востоке [Подгот. кандидаты с.-х. наук В. И. Вашковец, Б. П. Жуков, акад. Г. Т. Казьмин и др.] ; [Науч. ред. акад. Г. Т. Казьмин]. Хабаровск : Кн. изд-во, 1975. 287 с.

19. Сад Шуранова — славное достояние Хабаровска: страницы истории становления и нынешнее состояние сада / сост. Л. П. Кузнецов. Хабаровск : Лидер, 2012. 140 с.

20. Система ведения сельского хозяйства Дальнего Востока / М-во сел. хоз-ва РСФСР. Дальневост. науч.-исслед. ин-т сел. хоз-ва. Хабаровск : [Кн. изд-во], 1968. 527 с.

21. Т. С. Мальцев. Идеи и научные исследования / [Глухих М. А., Собянин В. Б., Овсянников В. И.] ; Рос. акад. с.-х. наук. Кург. НИИ зернового хозва, Администрация и Дума Кург. обл. Курган : Зауралье, 2000. 262 с.

22. Тимошин, С. И. Плодово-ягодный сад в Хабаровском крае / С. И. Тимошин, заслуж. агр. РСФСР ; под ред. д-ра с.-х. наук Г. Т. Казьмина. Хабаровск : Кн. изд-во, 1968. 247 с.

23. Толмачева, И. А. Юбилей учителя (известному фитопатологу и селекционеру Б. Г. Анненкову — 50 лет) / И. А. Толмачева, О. В. Самко, Н. В. Глаз, З. В. Ошлакова // Фитопатологическая обстановка, самозащита и химзащита сельскохозяйственных растений в Приамурье : сб. науч. трудов. Хабаровск : Дальневосточный научно-исследовательский институт сельского хозяйства, 2003. С. 118–123.

24. Уфимцева, Л. В. У косточковедов своя медаль / Л. В. Уфимцева // Сады России. 2015. № 4. С. 7–8.

25. Царенко, В. П. История садоводства на Дальнем Востоке России / В. П. Царенко, Н. А. Царенко. Владивосток, 2017. 300 с.

Научное издание

ГРИГОРИЙ ТИХОНОВИЧ КАЗЬМИН:
МОИ АКАДЕМИИ

Монография

Составители: *Т. А. Асеева, Н. В. Глаз*
Ответственный редактор *Т. А. Асеева*

Редакторы *Н. Ф. Ключникова, Т. Н. Федорова, О. А. Михайличенко*

Корректура и верстка *М. В. Трифоновой*

Дизайн обложки *Т. В. Ростуновой*

Подписано в печать 16.04.24.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,0.
Тираж 500 экз. Заказ 146

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

Абрикос «Академик». Авторы сорта Г. Т. Казьмин, В. А. Марусич

Абрикос «Амур». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Абрикос «Амур». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Абрикос «Гритиказ».
Авторы сорта Е. Ф. Королева, Г. Т. Казьмин, В. А. Марусич

Абрикос «Петр Комаров». Автор сорта Г. Т. Казьмин, В. А. Марусич

Абрикос «Ранний Марусича».
Авторы сорта Е. Ф. Королева, Г. Т. Казьмин, В. А. Марусич

Абрикос «Серафим». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Абрикос «Хабаровский». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Вишня войлочная «Амурка». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Вишня войлочная «Лето». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Рассвет поздний». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Колхозница». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Амурская ранняя». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Амурская роза». Авторы сорта А. А. Михайличенко, Г. Т. Казьмин

Слива «Рассвет ранний». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Тихоокеанская (Ананасная)». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Урожайная дальневосточная». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Слива «Хабаровская десертная».
Авторы сорта А. А. Михайличенко, Г. Т. Казьмин

Слива «Хабаровская желтая».
Авторы сорта А. А. Михайличенко, Е. Ф. Королева, Г. Т. Казьмин

Слива «Хабаровская ранняя». Автор сорта Г. Т. Казьмин

Чернослив «Хабаровский».
Автор сорта Г. Т. Казьмин

Рисунок Г. Т. Казьмина

Чернослив Хабаровский

Новый сорт сливы Чернослив Хабаровский. Выведен в Дальневосточном Н.И. институте сельского хозяйства

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НИИСХ — ОБОСОБЛЕННОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ХАБАРОВСКИЙ ФИЦ ДВО РАН

Губернатор Хабаровского края М. В. Дегтярёв и Т. А. Асеева

Рабочая встреча с научными сотрудниками Академии сельского хозяйства провинции Цзилинь (КНР)

Сотрудники Дальневосточного НИИСХ

Научный сотрудник отдела селекции и семеноводства зерновых культур и сои И. В. Ломакина

Сотрудники А. А. Суняйкин и Н. Ф. Ключникова на приемке опытов по сое

◄ *Старший научный сотрудник лаборатории селекции зерновых колосовых культур канд. с.-х. наук И. Б. Трифунтова проводит гибридизацию зерновых культур*

► *Ведущий научный сотрудник отдела овощных культур и картофеля канд. с.-х. наук Г. А. Кузьмицкая на селекционных посевах огурца*

Старший научный сотрудник отдела животноводства с группой кормопроизводства А. А. Шевцова в посевах перспективных сортов кукурузы

А. С. Зуева и Н. В. Глаз на участке в районе ост. «Полярная» у абрикоса, посаженного Г. Т. Казьминым

Т. А. Асеева в посевах нового сорта овса «Кардинал»

Новый сорт томата «Галант»

